Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

На правах рукописи

КОРОТКОВА Ольга Анатольевна

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ АЗИАТСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Специальность 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата культурологии

Научный руководитель:
Балаш Александра Николаевна,
доктор культурологии

Санкт-Петербург
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……..4
Глава 1. История взаимодействия Министерства иностранных дел Российской империи и музеев Санкт-Петербурга (1802-1917 гг.) …..…...….19
§ 1. Способы составления азиатских коллекций в рамках деятельности Министерства иностранных дел…….....19
§ 2. Роль музеев Санкт-Петербурга как научных центров изучения памятников культуры и искусства Востока…..……...….35
§ 3. Цели формирования азиатских коллекций в музеях Санкт-Петербурга..48
Глава 2. Типология азиатских коллекций, составленных в рамках деятельности Министерства иностранных дел Российской империи…..…....72
§ 1. Коллекции, составленные дипломатами на службе в странах Востока....72
§ 2. Внутриведомственные коллекции Министерства иностранных дел.....100
§ 3. Дипломатические дары Российской императорской семье и дары дипломатам……..119
§ 4. Коллекции «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении».....136
Глава 3. Бытование азиатских коллекций, поступивших от Министерства иностранных дел Российской империи, в музейном пространстве.....……...149
§ 1. Особенности поступления коллекций в музеи Санкт-Петербурга…….149
§ 2. Направления музейных научных исследований предметов из азиатских коллекций……..……...168
§ 3. Экспозиционные стратегии по работе с предметами из азиатских коллекций.……...……182
§ 4. Принципы работы с предметами из азиатских коллекций на экспозициях в Главном штабе Государственного Эрмитажа……...….198
Заключение……...210
Список источников и литературы……..221

Приложения……253
Приложение А. Схема «Взаимодействие Министерства иностранных дел Российской империи и музеев Санкт-Петербурга»…….……253
Приложение Б. Схема «Структура ведомственных коллекций Министерства иностранных дел Российской империи»…….....254
Приложение В. Таблица «Служащие дипломатических представительств – составители коллекций восточных памятников» ……255
Приложение Г. Именной указатель……...263
Приложение Д. Иллюстративные материалы……..…….279

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Для эффективного управления музейными коллекциями и построения культурных взаимодействий современным музейным специалистам необходимо иметь достоверное представление о том, как функционировала государственная политика в сфере культуры в прошлом. В исследовании осмысляется один из аспектов взаимодействия государства и музеев в XIX-начале XX вв., касающийся формирования музейных коллекций. В работе рассматривается деятельность одного из центральных ведомств Российской империи – Министерства иностранных дел, которая приводила к пополнению музейных фондов Санкт-Петербурга памятниками культур восточных стран. Музейные задачи были связаны с магистральными направлениями работы Министерства иностранных дел, в котором Азиатскому (с 1897 г. – «Первому») департаменту отводилась роль центра, координировавшего контакты с восточными странами. Следствием и естественным продолжением практического интереса к изучению восточных стран и регионов было поступление в Россию множества разнообразных памятников культуры и искусства, пополнивших затем фонды отечественных музеев. В поле исследования попадает и дальнейшая судьба музейных коллекций, поскольку их музейное использование на протяжении XX – начала XXI вв. свидетельствует об их значимости в культурном пространстве современности.

До настоящего времени роль дипломатического ведомства в пополнении музейных фондов восточными памятниками не привлекала специального внимания исследователей, уступая место изучению деятельности отдельных должностных лиц и ученых, вовлеченных в процесс формирования коллекций. Принадлежность составителей коллекций к государственному ведомству, которая открывала саму возможность к коллекционированию, не рассматривалась как системообразующий фактор.

Тема исследования представляется актуальной с учетом возрастающего интереса к проблематике формирования музейных фондов страны как в ретроспективе, так и перспективе. Многие научные исследования последних лет посвящены происхождению музейных коллекций и проблемам работы с ними, особое внимание уделяется роли личности – коллекционера в этом процессе. Обращение к уже известным музейным коллекциям, попытка взглянуть на них по-новому свидетельствует о желании вникнуть в историко-культурный контекст формирования коллекций и музейных собраний, что необходимо для определения дальнейшего вектора работы с музейными коллекциями. Указанные процессы происходят в русле глобального переосмысления задач музея, которое наблюдается и в нашей стране, и в мире в целом.

Степень научной разработанности.

Связь между деятельностью музеев и целями, которые ставит перед собой государство, является предметом изучения ряда современных ученых. Музеи рассматриваются как проводники государственной политики, изучается роль музеев в построении представлений о национальной идентичности и в построении знания в целом. В этом отношении важность для настоящего исследования представляют работы В. Г. Ананьева [22; 24], М. Д. Бухарина [25], А. В. Головнева [62], Б. Андерсона [26], Е. В. Морозовой [160]. О роли востоковедения в решении государственных задач писали В. Тольц [230], Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе [227], Н. Найт [271; 272], М. Тодорова [284], Л. Б. Алаев [19], А. Халид [270], К. Рассул [281], А. М. Эткинд [252], О. В. Бобровников [43], П. В. Алексеев [20; 21].

Значимость для фактологического наполнения диссертации имеет двухтомник «История отечественного востоковедения» [106; 107]. Историческая литература о МИДе и Азиатском департаменте представлена работами Б. Н. Григорьева [65], В. Г. Воловникова [55], В. Г. Буркова [44], А. Е. Жуковой [89], В. И. Куликова [132], А. И. Кузнецова [128], Е. В. Воеводы [54], И. В. Астрова [33], А. С. Ипатовой [104],

Е. В. Нестеровой [171], Электронными публикациями Историко-Документального Департамента МИД России [158], [159]. Привлекались материалы, содержащиеся в «Очерке истории Министерства иностранных дел Российской империи», вышедшем в 1902 г. к столетию ведомства [182].

Существует обширная историческая и искусствоведческая литература, посвященная коллекциям дипломатов, внесших свой вклад в формирование музейных фондов Петербурга. Среди трудов по отдельным персоналиям следует назвать работы С. Ф. Ольденбурга [176; 177; 178], Н. В. Дьяконовой [82], Н. Г. Краснодембской, Е. С. Соболевой, В. Н. Кислякова [126], О. П. Дешпанде [70; 71; 72], Е. Н. Мещерской [157], А. М. Харитоновой [238], Е. В. Нестеровой [170], О. В. Васильевой [53], С. А. Шубиной [250; 251], А. А. Свиридова [216], Т. М. Гавриловой, Н. М. Егоровой [60], В. Н. Залесской [94], С. О. Кузнецова [129], М. Л. Меньшиковой [156], Ф. Г. Калимуллиной [110], М. П. Малышевой, В. С. Познанского [142; 143], М. Ш. Мусиной [162], И. В. Мушкетова [164], М. Я. Крыжановской [127], Л. И. Чугуевского [246], А. В. Яроцкого [255; 256], О. В. Махровского [148], Е. А. Цешинской [243], А. Н. Хохлова [241], В. А. Кожокара [119], А. М. Решетова [209], И. Л. Тихонова [229], С. О. Андросова [28; 29], Б. И. Асварища [31], В. П. Бурнашева [45; 46; 47], Д. В. Григоровича [64]; были задействованы справочные издания [122].

В настоящее время имеется немало трудов, посвященных экспедициям «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении» при МИДе, находкам и ученым-участникам экспедиций. Не теряет своей актуальности написанная в 1984 г. диссертация Н. Н. Назировой, посвященная деятельности «Русского комитета» [166]. Среди других работ – исторические и искусствоведческие исследования В. В. Бартольда [40], Л. Н. Меньшикова [152], Н. В. Дьяконовой [76; 80; 81], Н. Н. Назировой [165; 166], Б. В. Лунина [140], М. И. Воробьевой-Десятовской [57; 58], И. В. Тункиной [231; 233; 234; 235; 236],

М. Д. Бухарина [48; 49; 50; 51; 52], П. Е. Скачкова [220], М. Л. Меньшиковой [154], К. Ф. Самосюк [214], О. Н. Полянской [193], В. А. Прищеповой [199].

Литература по теме дипломатических даров от восточных правителей Российскому императорскому двору представлена статьями А. Т. Адамовой [16], Ю. И. Елихиной [85; 87], М. Л. Меньшиковой [153], А. А. Иванова [97], М. Г. Зайченко, В. Н. Образцова [93], А. А. Егоровой [84], М. В. Постарнака [198], Т. В. Раппе [206], М. А. Чертилиной [244], Г. И. Колосовой [123], С. О. Курбанова [135], Б. Н. Мельниченко [149]. История ведомственных коллекций МИДа исследована значительно меньше и отражена в работах В. А. Жуковского [90], А. Н. Хохлова [240], Ю. А. Пятницкого [203].

Истории пополнения различных музейных фондов Санкт-Петербурга восточными памятниками, которые входят в поле зрения настоящего исследования, посвящены работы Е. А. Резвана [207], В. Н. Кислякова [111], [116], В. А. Прищеповой [200], О. Ф. Акимушкина [18], П. В. Рудь [211], Д. И. Тихонова [228], В. Е. Гурина [67]. История научной и экспозиционной деятельности институций с коллекциями восточных памятников отражена в работах А. А. Иерусалимской, А. А. Иванова [99], А. В. Банк [39], А. Ю. Якубовского [254], М. М. Шахнович, Т. В. Чумаковой [248; 247], П. А. Матвеевой [147], Е. А. Завидовской, Е. А. Терюковой [92], Е. В. Ивановой [98], В. Н. Мазуриной [141], Н. Г. Краснодембской [125], И. В. Кульганек, Н. Д. Путинцевой [133], И. Ф. Поповой [196], К. Ф. Самосюк [197], в сборниках Института востоковедения «Памятники индийской письменности из Центральной Азии» [184; 185; 186], история отечественного музейного дела – в работах В. П. Грицкевича [66], В. Ф. Левинсона-Лессинга [138].

В изучении бытования предметов из восточных коллекций в пространстве музея задействованы исследования отечественных и зарубежных музеологов, посвященные основополагающим аспектам деятельности музеев, целям и задачам музейных институций, их роли в

обществе: Е. Н. Мастеницы [144; 145; 146], А. Н. Балаш [35; 38], Л. М. Шляхтиной [249], И. А. Куклиновой [130; 131], А. А. Сундиевой [226], В. Г. Ананьева [23], М. Б. Пиотровского [191; 192], Ю. В. Зиновьевой, Ю. Ю. Мацкевич [96], К. В. Пименовой [190], П. Ван Менша, Л. Мейер-ван Менш [150; 151], Э. Хупер-Гринхилл [269], С. Пирс [277], Д. Харриса [239], Д. Колле [121], А. К. Джельмини де Фариа, К. Т. А. Пирес [266], И. Ходдера [268]. Культурологическая проблематика музеев и музейного пространства разрабатывалась М. С. Каганом [109], С. Н. Иконниковой [101], В. Ю. Дукельским [75], И. И. Карловым [111]. Привлекались материалы справочных изданий по музеологии [161; 202; 217; 218; 221].

Объектом исследования являются коллекции восточных предметов, хранящиеся в фондах музеев Санкт-Петербурга.

Предмет исследования – деятельность служащих Министерства иностранных дел Российской империи, которая способствовала образованию восточных коллекций в музейных фондах Санкт-Петербурга.

Цель исследования – изучение вклада Министерства иностранных дел Российской империи в формирование музейных фондов Санкт-Петербурга азиатскими памятниками в контексте значимости этого явления для отечественной культуры.

Цель исследования диктует необходимость решения следующих **задач:**

1. Сформулировать основные принципы взаимодействия Министерства иностранных дел Российской империи и музеев Санкт-Петербурга;
2. Охарактеризовать участие Министерства иностранных дел в процессе поступления памятников в музеи Санкт-Петербурга;
3. Выявить способы составления коллекций восточных памятников в рамках деятельности Министерства иностранных дел;
4. Рассмотреть историю формирования музейных фондов азиатскими памятниками в ракурсе развития востоковедения в Российской империи;

5. Проследить зависимость между магистральными направлениями работы ведомства в странах Востока и пополнением музейных фондов памятниками восточных культур;
6. Сопоставить понимание музейной ценности предметов у составителей коллекций и дальнейшую судьбу этих собраний;
7. Проследить изменения в интерпретации музейных предметов в научно-фондовой и экспозиционно-выставочной деятельности музеев.

Хронологические рамки исследования задаются периодом существования Министерства иностранных дел Российской империи (1802–1917 гг.), но не ограничиваются ими. Верхняя граница хронологических рамок относится к началу 2020-х гг., поскольку в работе проведен анализ бытования коллекций в музеях с момента их поступления в музейные фонды вплоть до настоящего времени.

Географические рамки исследования ограничены, с одной стороны, Санкт-Петербургом как столицей Российской империи, где концентрировалась большая часть азиатских коллекций, составленных благодаря деятельности Министерства иностранных дел. С другой стороны, необычайно широким является географический ареал происхождения памятников в коллекциях. Он соответствует регионам взаимодействия России с её соседями на Ближнем Востоке, в Средней Азии, Центральной Азии, Юго-Восточной и Южной Азии, на Дальнем Востоке. Некоторые азиатские коллекции, связанные с деятельностью МИДа, происходят из областей, входивших в состав самой Российской империи.

Источниковая база исследования. Для подготовки диссертации привлекались следующие источники информации:

1. Материалы государственных архивов.

Были привлечены документы Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел (АВПРИ, г. Москва) [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11], Российского государственного исторического архива [13], Рукописного отдела Российской национальной библиотеки [14]. Стоит особо

выделить фонды АВПРИ – незаменимого подспорья для изучения различных аспектов деятельности Министерства иностранных дел Российской империи. Именно в нём хранится основной корпус сохранившейся документации этого ведомства. В исследовании задействовано несколько фондов АВПРИ, некоторые материалы впервые введены в научный оборот (Ф. 148 «Тихоокеанский стол», Ф. 149 «Турецкий стол (новый)», Ф. 152 «Библиотека Азиатского департамента», Ф. 153 «Учебное отделение восточных языков», Ф. 154 «Азиатский департамент. Неполитические дела, пресса, драгоманат», Ф. 159 «Департамент личного состава и хозяйственных дел. «Хозяйственное отделение», Ф. 161 «Санкт-Петербургский Главный архив»).

2. Научные описания ведомственных собраний МИД.

К этой категории источников относятся сборники «Collections Scièntifiques de l'Institut des langues orientales», опубликованные в 1877–1897 гг. на французском языке и содержащие описание научных коллекций Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД [260]. Здесь же должен быть упомянут «Каталог книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в Библиотеке Азиатского департамента», составленный о. Аввакумом (Честным) в 1843 г. [112]

3. Периодические издания XIX – начала XX вв.

Привлекались материалы журналов с описанием азиатских дипломатических коллекций и собраний, составленных в ходе деятельности «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» («Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества» [177; 178; 201], «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях» [100], «Известия Императорской Академии наук» [176], «Журнал Министерства народного просвещения» [175], «Восток» [179], «Северная пчела» [45; 46; 47; 63]).

4. Дневники, корреспонденция, мемуары.

Исследование проводилось с опорой на информацию, содержащуюся в дневниках императора Николая II [74], в переписке Н. Ф. Петровского [188], С. Ф. Ольденбурга, Н. Н. Кроткова [50], А. А. Дьякова [52], С. М. Дудина [236], в мемуарах Ю. Я. Соловьева [225] и С. В. Чиркина [245].

5. Каталоги музейных коллекций и выставок.

Использованы материалы каталогов Государственного Эрмитажа [17; 30; 31; 69; 72; 83; 91; 95; 105; 136; 168; 169; 172; 189], Института восточных рукописей Российской академии наук [117], Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) [210; 41], Государственного музея истории религии [118; 137], Государственного музея-заповедника «Царское село» [137].

6. Интернет-источники.

Информация была почерпнута с веб-страниц официальных сайтов музеев и научных организаций, которые освещают состав фондов и научную работу с памятниками из азиатских коллекций (Институт восточных рукописей [195], Музей антропологии и этнографии [102; 108; 134; 163], Государственный музей Востока (г. Москва) [124], Российский этнографический музей [223], Музей Питт-Риверса (г. Оксфорд, Великобритания) [280].

Методологические основы исследования.

Работа отличается комплексным характером применяемых методов. Для изучения природы коллекционирования применяется основанный на культурологическом и семиотическом анализе подход Лестерской школы музеологии, представленный работами С. Пирс [276; 278], Э. Хупер-Гринхил [269], С. Стюард [283]. При построении модели взаимодействия различных действующих лиц в процессе образования коллекций восточных памятников используются положения акторно-сетевой теории, к которой обращались музеологи С. Бирн, А. Кларк, Р. Харрис, Р. Тоттенс [259].

При анализе бытования предметов из восточных коллекций в пространстве музея применяется культурологический подход, который

разрабатывается в трудах М. С. Кагана [109], В. Ю. Дукельского [75], А. А. Никоновой [173]. Используется понятие музейного предмета, получившее свою классическую трактовку в работах А. М. Разгона [204], [205]. Привлечено теоретическое осмысление процессов музеефикации, отражённое в работах С. Пирс [277; 279] и К. Помяна [194], а также исследование изменений интерпретации предметов в пространстве музея (в работах П. Ван Менша [150], К. Дорсет [264], А. Н. Балаш [34; 35], Г. И. Герасимова [61]).

В исследовании применялись следующие методы:

– *Системный метод* был применен в изучении процесса взаимодействия Министерства иностранных дел и музеев Санкт-Петербурга для составления полноценной картины данного феномена как одного из элементов культуры.

– *Структурный метод* применялся при выявлении способов формирования коллекций в контексте деятельности Министерства иностранных дел.

– *Аналитический метод* использовался при изучении источников, относящихся к работе Министерства иностранных дел.

– При изучении истории формирования дипломатических коллекций применялся *историко-биографический метод*.

– *Описательный метод* был использован для характеристики состава коллекций.

– *Сравнительный метод* применялся для сопоставления коллекций по набору наиболее характерных черт.

– *Количественный и статистический методы* применены для определения основных регионов работы по сбору памятников, выявления главных тенденций по дальнейшей работе с коллекциями.

– *Типологический метод* использован с целью создания типологии коллекций.

– *Историко-контекстуальный метод* использовался для адекватной трактовки событий, связанных с формированием и бытованием коллекций, в контексте истории культуры российского общества.

– При сравнении современной экспозиционной и исследовательской музейной деятельности с тенденциями прошлого привлекался *сравнительно-исторический метод*.

Положения, выносимые на защиту:

1. Установлено, что в процессе комплектации музейных фондов азиатскими памятниками было задействовано множество лиц различного социального статуса, таких как дипломаты, чиновники, ученые и музейные сотрудники, чьи действия были нацелены на обогащение культуры российского общества с учетом важнейших задач, стоявших перед государством в изучаемый период.

2. Участие Министерства иностранных дел Российской империи в формировании азиатских коллекций было как непосредственным, так и косвенным. В первом случае задачу по составлению коллекций восточных памятников брали на себя конкретные служащие МИДа, а во втором Министерство создавало лишь необходимые условия для образования коллекций.

3. Выделено три уровня формирования азиатских коллекций в рамках деятельности МИДа. На первом уровне частного коллекционирования находится собирательская деятельность дипломатов. Второй уровень, ведомственный, связан с формированием собраний, используемых в работе самого Министерства. Третий уровень, государственный, заключает в себе результаты обмена дипломатическими дарами между правителями восточных стран и Российской империи, а также находки научных экспедиций, которые состоялись благодаря патронажу МИДа.

4. Поддержка властями культурной деятельности служащих ведомства при отсутствии непосредственных директив о пополнении музейных фондов стала отражением характера накопления знаний о Востоке в Российской

империи. Научный интерес коллекционеров обуславливал составление собраний восточных предметов, которые становились незаменимым подспорьем в работе ученых-востоковедов.

5. Деятельность по собиранию памятников восточных культур была напрямую связана с магистральными направлениями работы ведомства. Определено, что характер коллекций по регионам своего происхождения соответствует регионам и интенсивности дипломатических связей.

6. Составители коллекций осознавали высокую историко-культурную ценность предметов, зачастую акцентируя их значение для развития отечественной науки и культуры. Эти обстоятельства положительно сказались на дальнейшей судьбе памятников: большинство коллекций пополнили фонды крупнейших музеев Санкт-Петербурга востоковедческой направленности.

7. Азиатские коллекции, сформированные в результате деятельности МИДа, состояли из археологических материалов, памятников письменности, предметов быта, произведений искусства, памятников нумизматики. В пространстве музея они представляют культуру стран своего происхождения наряду с другими памятниками из музейных фондов. В современной музейной научной и экспозиционной работе прослеживается тенденция к раскрытию историко-культурного контекста составления коллекций.

Научная новизна исследования состоит в том, что феномен коллекционирования восточных памятников посредством деятельности Министерства иностранных дел Российской империи впервые рассматривается системно, в связи с чем:

1. Взаимодействие государственного ведомства и музеев трактовано как целостное явление в контексте конкретных историко-культурных реалий.

2. Проанализирована история формирования крупнейших музейных фондов Санкт-Петербурга (Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии, Азиатского музея и других институций) памятниками многих регионов

Востока (Ближний Восток, Средняя и Центральная Азия, Дальний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия).

3. Путем выделения нескольких уровней коллекционирования выявлены принципы взаимодействия Министерства иностранных дел и музеев Санкт-Петербурга.

4. На конкретных исторических примерах показана связь между накоплением памятников материальной культуры, развитием востоковедческого знания и внешнеполитическими задачами Российской империи на Востоке.

5. Деятельность служащих МИДа, приводившая к формированию коллекций, рассматривается в качестве одной из важных сторон в работе ведомства. Показано, что научная и культурная деятельность сотрудников МИДа укладывалась в цели и задачи, стоявшие перед государственным ведомством, и была интегрирована в представление о служебных обязанностях и компетенциях должностных лиц.

6. Проведено детальное исследование характерных особенностей каждого типа коллекции, составленной в рамках деятельности МИДа: изучена мотивация сбора памятников, прослежены главные регионы их происхождения, выявлена типология предметов, обозначены способы их использования и репрезентации.

7. Сделан комплексный аналитический обзор последующего музейного бытования рассматриваемых коллекций: содержащиеся в них объекты рассмотрены в качестве музейных предметов и музейных экспонатов, выявлены основные тенденции в их научном освоении и экспозиционной работе с ними.

Теоретическая значимость исследования.

Сформулированные принципы взаимодействия МИДа и музеев Санкт-Петербурга позволяют углубить понимание историко-культурных процессов, имевших место в формировании музейного мира России. Описана роль государственного ведомства как необходимого участника в сложном и

неоднородном процессе накопления памятников материальной культуры Востока в петербургских музейных собраниях.

Уточнены данные о составителях коллекций, переведены на русский язык и введены в научный оборот ряд источников, касающихся культурной и образовательной деятельности МИДа. Это позволило создать более полную картину участия ведомства в культурной жизни российского общества, подчеркнуть его вклад в развитие отечественного востоковедения.

Полученная информация может быть востребована в исследованиях по музеологии и культурологии, а также истории науки, истории России рассматриваемого периода и в востоковедческих исследованиях конкретных азиатских стран, культур и регионов. Работа также вносит вклад в изучение истории бытования и происхождения отдельных музейных предметов и коллекций.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования полученной информации:

– Для руководства в коллекционировании азиатских памятников с целью пополнения отечественных музейных фондов;

– В лекционных курсах в ВУЗах для подготовки специалистов – музеологов, культурологов, историков, искусствоведов, дипломатов и политологов;

– В лекциях, экскурсиях и других видах культурно-образовательной деятельности музеев, хранящих памятники истории и культуры стран Востока;

– Для создания новых и развития уже имеющихся музейных экспозиций, посвященных истории, культуре и искусству стран Востока, а также взаимодействию России с ее восточными соседями в прошлом и в современности;

– В научно-просветительской работе Главного штаба Государственного Эрмитажа, на территории которого в 1830-1917 гг. работали департаменты Министерства иностранных дел Российской империи.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Научные положения, отраженные в диссертации, соответствуют следующим пунктам паспорта специальности 5.10.2. «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» (культурология): п. 2. Роль и функции культурного и природного наследия в прошлом и настоящем; п. 6. История, теория и практика охраны культурного и природного наследия; п. 9. История музейного дела и реставрации; п. 10. Теория и практика музейного дела; п. 15. Социальные и исторические аспекты формирования и функционирования музеев, заповедных и охраняемых территорий; п. 16. Государственная политика и общественные инициативы в сфере музеологии, реставрации и консервации объектов культурного и природного наследия; п. 19. Комплектование музейных фондов; п. 27. Музейное экспонирование; п. 29. Роль музеев в сохранении национальных и мировых культурных ценностей; п. 34. История отечественных музеев и их роль в российской культуре.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов исследования обусловлена привлечением обширной источниковой базы и научных публикаций, а также применением адекватной целям и задачам работы комплексной методологии. Результаты исследования стали предметом обсуждения на конференциях, организованных высшими учебными заведениями и музеями Российской Федерации.

Основные положения диссертации были использованы при чтении лекций на кафедре дипломатии факультета международных отношений в Московском государственном институте международных отношений, Москва, 2018 г., обсуждались на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Культурное пространство России: генезис и трансформации», СПбГИК, Санкт-Петербург, 2019 г.; Всероссийской научной конференции с международным участием «Роль изобразительных источников / источников визуальной информации в

информационном обеспечении исторической науки»», МГУ им. Ломоносова, Москва, 2019 г.; Всероссийской научной конференции «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке. История создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской империи» в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 2019 г.; Международной научно-практической конференции «А. С. Грибоедов и его эпоха», музей-заповедник «Хмелита», 2020 г.; Всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей «Культурная среда и культурные практики», СПбГИК, Санкт-Петербург, 2021 г.; а также на научных заседаниях Отдела «Главный штаб» и сектора истории Главного штаба Отдела «Главный штаб» Государственного Эрмитажа.

Результаты исследования отражены в 9 научных публикациях, 4 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов исследований.

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка литературы и источников и пяти приложений. Текст исследования занимает 252 страницы (без учёта приложений), в списке литературы и источников представлено 284 наименования.

ГЛАВА 1. История взаимодействия Министерства иностранных дел Российской империи и музеев Санкт-Петербурга (1802-1917 гг.)

§ 1. Способы составления азиатских коллекций в рамках деятельности Министерства иностранных дел

Первая глава настоящей работы посвящена истории формирования музейных фондов памятниками Востока посредством деятельности Министерства иностранных дел Российской империи. Необходимо разобраться, каким образом составлялись такие коллекции и как именно МИД влияло на их образование; выявить цель их составления и обозначить ту роль, которая в этом процессе была отведена петербургским музеям. В совокупности эти задачи позволят обнаружить некую схему взаимодействия между указанными институциями, от лица которых действовало множество ученых, чиновников, музейных сотрудников и дипломатов.

Одно из центральных государственных учреждений – Министерство иностранных дел Российской империи было главным ведомством, занимавшимся установлением и поддержанием международных контактов как с западными, так и с восточными соседями России. В результате разнообразной деятельности чиновников МИДа в столичном городе Санкт-Петербурге аккумулировались памятники культуры и искусства, предметы быта зарубежных стран, в том числе – памятники стран Востока. Приступая к изучению этого аспекта работы МИДа, необходимо выделить главные способы формирования коллекций, для чего следует обозначить специфику деятельности ведомства и показать его роль в процессе перемещения коллекций в музеи.

8 (20) сентября 1802 года в соответствии с манифестом императора Александра I коллегиальное устройство управления страной, введенное императором Петром I, было заменено министерской системой. Наряду с другими семью новыми ведомствами было образовано Министерство иностранных дел. МИД Российской империи вело свою деятельность до 2 (15) марта 1917 г. Коллегия иностранных дел (основана в 1718 г.) оставалась встроенной в структуру нового ведомства вплоть до 1832 г., постепенно теряя свое значение.

По указу императора Николая I 1832 г. МИД состояло из следующих подразделений: Совет министерства, Азиатский департамент, Департамент внешних сношений, Департамент внутренних сношений, Департамент хозяйственных и счётных дел, а также три архива. К Министерству иностранных дел относились также дипломатические миссии Российской империи за рубежом. Центральные департаменты МИДа с начала 1830-х гг. вели свою работу в восточном крыле здания Главного штаба на Дворцовой площади, напротив Зимнего дворца. В «Учреждении» министра А. М. Горчакова от 22 (3 июня) мая 1868 г. были сформулированы главные задачи Министерства иностранных дел. МИДу вменялось в обязанность ведение отношений с иностранными государствами, покровительство в чужих краях русской торговле и русским интересам, ходатайство о законной защите русских подданных по их делам за границей и содействие к удовлетворению законных требований иностранцев по их делам в России [159].

Азиатский департамент был учрежден 19 апреля (1 мая) 1819 г. по указу Александра I в составе Министерства иностранных дел Российской империи вместо одноименного учреждения в составе Коллегии иностранных дел. Будучи единственным подразделением МИДа с географическим признаком в названии, Азиатский департамент стал центром управления всей восточной политикой государства. Азиатский департамент был учрежден для ведения дел с восточными соседями России и азиатскими народностями,

входившими в состав Российской империи. Образование департамента было связано с активизацией российской внешней политики на Востоке и увеличившейся ролью России в международных отношениях по сравнению с предыдущим XVIII столетием. В спектр его задач входили политические дела с восточными соседями России, дела русских подданных за границей и подданных восточных стран в России. В то же время основание Азиатского департамента выпало на время серьезных реформ, проводимых внутри системы российского государственного управления в целом. В восточном крыле здания Главного штаба Азиатский-Первый департамент занимал несколько помещений в двойной анфиладе комнат бельэтажа (3го этажа), выходящей окнами на Дворцовую площадь [245, с. 10]. С одной стороны череда этих залов была ограничена стеной, за которой начинались помещения Министерства финансов, с другой — квартирой министра иностранных дел.

В начале XIX в. в связи с войнами, которые вела Россия в этом регионе, главным направлением и практической, и научной работы департамента были Турция и Персия. С 1819 г. в департаменте работало два отделения: одно занималось турецкими, персидскими, грузинскими вопросами и отношениями с кавказскими горными народами, другое – с кочевыми народами Кавказской, Астраханской и частично Саратовской губерний и киргиз-кайсаками (казахами). Каждое отделение делилось на два стола. Личный состав департамента первое время был весьма немногочисленным. В 1819 г. департамент возглавил опытный дипломат К. К. Родофиникин, пользовавшийся расположением управляющего МИД К. В. Нессельроде. Начальником обоих отделений был назначен Е. Ф. Тимковский, а в его подчинении находилось всего лишь два канцелярских чиновника. Кроме них в состав департамента входило восемь переводчиков – с персидского, китайского, грузинского, греческого, молдавского, татарского и калмыцкого.

Политическая роль Азиатского департамента возросла при попытках справиться с последствиями Парижского мирного договора в результате

поражения в Крымской войне 1853-1856 гг. С того периода для России особый интерес стали представлять Средняя Азия, Сирия, Палестина, Египет и Афганистан, а с присоединением среднеазиатских ханств внимание департамента расширилось до Дальневосточного региона. В 1856 г. министром стал князь А. М. Горчаков, проведший ряд важных внешнеполитических преобразований и реформировавший ведомство. С 1868 г. в штате Азиатского департамента состояло 38 человек, сверх штата – 12. При Горчакове кресло директора Азиатского департамента занял бывший пристав Русской духовной миссии в Пекине Е. П. Ковалевский. В 1861-64 гг. директором Азиатского департамента был граф Н. П. Игнатьев, в прошлом работавший в военно-дипломатических представительствах в Средней Азии. Военные всегда играли большую роль в дипломатии, а военное министерство и МИД часто работали над общими задачами. Так, генерал-губернаторы приграничных губерний были вовлечены во внешнеполитические дела России и могли заключать территориальные соглашения. Заботой Азиатского комитета, который при Нессельроде возглавлял директор Азиатского департамента Родофиникин, было улаживание конфликтов и постепенное включение киргиз-кайсаков в состав империи [44, с. 36]. В комитет входили руководители министерств: иностранных дел, финансов, внутренних дел, начальник Главного штаба; а Оренбургскому военному губернатору были подчинены ханы киргиз-кайсацких орд. Позже в Азиатском департаменте сосредотачивалось делопроизводство Особых комитетов, в которых обсуждались политические вопросы, касавшиеся Средней Азии, Китая, Японии.

С 1897 г. в результате преобразований Азиатский департамент стал носить название Первого: в тот период из-под власти Османской империи вышли несколько европейских государств, департамент стал заниматься также делами стран Африки. Таким образом, новое название отразило отход департамента от решения задач определенного региона и понимание властями неразделимости политических задач, которые необходимо решать

на Востоке и на Западе. К концу XIX в. российские дипломатические представительства появились почти во всех крупных центрах на Востоке.

Кратко обозначив задачи восточного направления в работе МИДа и задачи, стоявшие в интересующий нас исторический период перед Азиатским департаментом, перейдем к обзору той деятельности МИДа, которая остается в тени в большинстве исторических исследований и которой посвящена данная работа. Одна из задач настоящего исследования – показать, что работа по собиранию памятников восточных культур была напрямую связана с магистральными направлениями работы ведомства, отражала историю развития международных отношений России со странами Востока. Для этого прежде всего необходимо обратить внимание на роль МИДа в тех сложных и порой длительных процессах, которые можно обозначить как перемещение коллекций памятников от мест их создания в музеи Санкт-Петербурга.

Ряд музеологов в стремлении проследить в сложившихся музейных коллекциях долгосрочные исторические процессы применяют положения акторно-сетевой теории. С точки зрения этой теории музеи и их коллекции являются одновременно социальными и материальными явлениями [259, с. 21], а все действия по формированию собраний «одновременно являются материальными и концептуальными, физическими и символическими» [259, с. 10-11]. Музеи и музейные сотрудники, посетители музея, сами музейные предметы и их создатели — все они являются частями сложной сети действующих лиц [259, с. 4]. Утверждается процессуальный характер предметной среды культуры [37, с. 19]. Согласуется с таким видением ситуации и мысль известного антрополога Д. Клиффорда о необходимости отказаться от понимания музея как вместилища коллекций, относящихся к некоей универсальной культуре и свидетельствующих о неоспоримых ценностях [23, с. 186]. По его мнению, музейные коллекции представляют собой не просто набор предметов, а продолжающиеся отношения между группами людей – исторические, политические и моральные [23, с. 84].

А. А. Сундиева, рассуждая о понятии «музейный мир», обращает внимание на существование особого культурного пространства, в чьем поле происходит взаимодействие музеев, учреждений музейного типа, не включенных в музеи объектов культурного наследия, культурных практик и многих других элементов. По точному замечанию музеолога, музейный мир исторически формируется «на пересечении различных способов познания и осознания мира – науки, искусства, религии, экономики» [226, с. 9]. История культурной деятельности Министерства иностранных дел убедительно показывает, что в реальности сложение музейных фондов было результатом деятельности представителей различных кругов российского общества – музейных, научных, дипломатических, торговых, административных, отражая тенденции развития музейного мира России.

Целесообразно рассматривать государственную структуру, МИД, в качестве одного из звеньев в процессе формирования музейного мира России. В начале цепи действующих лиц находятся сообщества людей, изготавливавших предметы материальной культуры, которые впоследствии получили статус памятников. В местах своего создания предметы создавали социальные отношения, приобретавшие всё новые формы при изменении контекста, в который их помещали. В исторической перспективе представляется возможным проследить «биографию объекта» [259, с. 13], начало которой было положено в момент его производства, и жизнь которого продолжается в современном музее уже в совершенно ином контексте.

Представители сообществ использовали предметы, возможно, производили обмен или продажу, хранили. Это могли быть сообщества людей, давно ушедшие в историю и отделенные от коллекционеров тысячами лет. Такая ситуация наблюдалась с памятниками буддийской культуры оазисов Восточного Туркестана, которые исследовали и собирали русские дипломаты Н. Ф. Петровский, Н. Н. Кротков, А. А. Дьяков и другие. С другой стороны, это могли быть современники коллекционеров. В качестве примера такого взаимодействия можно привести работу К. фон Вебера,

русского посланника в Корее и коллекционера предметов быта, с жителями Сеула.

Следующее звено в сети отношений представлено коллекционерами и/или торговыми агентами, связывавшими коллекционера с источниковым сообществом или труднодоступными археологическими комплексами. В нашем случае на этом уровне действовали дипломаты в странах своего пребывания. Они составляли коллекции приобретенных или самостоятельно обнаруженных предметов, как правило проводили их отбор, вели научные записи, иногда – самостоятельно публиковали находки и экспонировали их. Экспозиционная деятельность дипломатов ярче всего проявилась в создании двух частных музеев в Санкт-Петербурге. Один из них принадлежал ученому и дипломату П. Л. Шиллингу, а другой – члену Русской духовной миссии в Пекине З. Ф. Леонтьевскому. Оба музея были посвящены культуре Китая и сопредельных стран.

Третье, центральное звено, представлено работой самого МИДа, поскольку именно в нем находилось временное хранение ряда коллекций. Это были коллекции памятников Ближнего Востока, определенные для нужд Учебного отделения при Азиатском департаменте, и хранение в стенах самого Азиатского департамента предметов, собранных на Дальнем Востоке. На этом уровне также имело место научное освоение материалов и их публикация. Затем на историческую арену вступает музей и музейные сотрудники, которые занимаются отбором, научным описанием, экспонированием предметов. Именно в музеи передавались коллекции, хранившиеся в МИДе, а также подавляющая часть коллекций дипломатов, хранимых у них лично и оставшихся в их семьях. Основная часть коллекций была передана или продана Азиатскому музею, Кунсткамере (Музею антропологии и этнографии) и Императорскому Эрмитажу, а также Императорской публичной библиотеке.

Заключительным звеном является публика – посетители музея, которые осматривают памятники, изучают их историю, приобретают знание о

предмете. Вплоть до Октябрьской революции коллекции азиатских памятников, составленные посредством работы МИДа, были малодоступны. Они находились в личном хранении служащих МИДа, в недрах самого ведомства или же в музеях, которые также ограничивали доступ посетителей: например, Азиатский музей был открыт только для работы ученых. В XX и XXI в. предметы из этих коллекций стали гораздо более доступными публике, в чем можно убедиться на примере выставочной деятельности МАЭ и Государственного Эрмитажа. Впрочем, многие материалы до сих пор представляют прежде всего научный интерес для востоковедов и экспонируются редко. В качестве примера приведем собрания рукописей в прежнем хранении Учебного отделения при Азиатском департаменте или рукописные древности Восточного Туркестана, обнаруженные отечественными дипломатами на рубеже XIX-XX вв.

Итак, все звенья в цепи движения коллекций стоит рассматривать как одинаково важные [259, с. 8]. В связи с этим необходимо обратить внимание на роль государственного ведомства как инстанции, без которой рассматриваемые здесь музейные коллекции азиатских памятников не сложились бы в полном объеме. Такой взгляд побуждает более пристально исследовать способы формирования музейных коллекций через участие государственных структур в этих процессах. Важно, что участие ведомства в деле складывания музейных коллекций создавало необходимые условия для формирования собраний памятников. Так, дипломаты в деле составления коллекций не могли действовать изолированно, выступая лишь как частные лица и игнорируя свое служебное положение. Другим типом связи была связь между ними и научными кругами Санкт-Петербурга, направлявшими поиск артефактов. Таким образом, Министерство иностранных дел являлось одним из посредников в сложном процессе взаимодействия множества различных действующих лиц.

Стоит обратить внимание на то, что МИД могло играть как прямую, так и косвенную роль в образовании коллекций. В некотором ряде случаев

его роль была более, а в других – менее очевидной. О непосредственной роли МИДа следует говорить в тех случаях, когда сотрудники ведомства предпринимали деятельное участие в составлении коллекций, формируя свои собственные собрания памятников, пополняя фонды музеев и научных организаций. В то же самое время МИД в лице своих управляющих и чиновников центрального аппарата, а также дипломатов и других лиц, выполнявших свои служебные обязанности, создавало необходимые условия для создания ряда коллекций. Иными словами, работа ведомства оказывала благотворное влияние на формирование музейных коллекций, предоставляя возможность состояться диалогам между культурами. В данном случае имеются в виду коллекции памятников, составленные в результате научных экспедиций, и собрания дипломатических даров.

Обозначив разнообразие возможных проявлений роли МИДа в создании музейных коллекций, подробнее остановимся на способах составления собраний, которые соответствуют уровням формирования коллекций. Движение от простого уровня к более сложному обуславливается большим числом действующих лиц, принимавших участие в формировании коллекций. Более высокий уровень подразумевает также более косвенную, или абстрактную роль МИДа в этом процессе. Состав коллекций и история их формирования подробно рассматриваются во второй главе настоящей работы.

Первый выделенный нами уровень описывает практики коллекционирования служащими МИДа – дипломатами, работавшими в российских дипломатических представительствах на Востоке. Этот уровень охватывает так частные коллекции, так и коллекции, собиравшиеся для научных обществ и других учреждений по желанию коллекционера или же по специальным заказам. Результатом деятельности дипломатов становилось образование коллекций, большинство из которых переходило затем в ведение музеев. Предметы из этих коллекций хранятся и изучаются по сей день в Государственном Эрмитаже, Музее антропологии и этнографии (МАЭ),

Институте восточных рукописей Российской Академии Наук (ИВР РАН) и других собраниях.

Необходимо отметить, что дипломаты Российской империи XIX-начала XX вв. представляли собой особый и практически закрытый «класс» служащих, которые действовали вне границ государства на страже его интересов. Пополнить ряды сотрудников внешнеполитического ведомства стремились интеллектуалы, хорошо знавшие иностранные языки и обладавшие широтой культурных запросов, научными интересами. Работа дипломата рассматривалась как деятельность сродни искусству, требовавшая широкого набора личных качеств. В связи с тем, что в рассматриваемый период контакты с восточными странами стали как никогда прежде интенсивными, а установление отношений в новых культурных реалиях требовало научного подхода, многие представители ведомства были в то же время учеными-востоковедами: лингвистами, историками, этнографами. Дипломаты, драгоманы и иные сотрудники дипломатических миссий занимались изучением восточных языков, истории и культуры. Интерес дипломатов был направлен прежде всего на современное положение дел, актуальные социально-экономические и политические вопросы. В то же время интерес к истории и культуры страны пребывания зачастую порождал желание составлять коллекции предметов старины и современные артефактов. Коллекционированием памятников занимались историк-востоковед П. Л. Шиллинг, драгоман З. Ф. Леонтьевский, дипломаты П. А. Дмитриевский, К. фон Вебер, Г. А. Плансон и многие другие сотрудники МИДа.

Второй уровень формирования коллекций – ведомственный, он охватывает коллекционирование для нужд самого Министерства иностранных дел: коллекции, собранные таким образом, предназначались для хранилищ МИДа, которые относились к Азиатскому департаменту. В ведении департамента находились такие важные для темы настоящего исследования структуры как Учебное отделение восточных языков и Русская

духовная миссия в Пекине (состояла в МИДе до 1864 г.), деятельность которых приводила к накоплению разнообразных восточных памятников в столице Российской империи.

Внешнеполитические, экономические и военные задачи, стоявшие в ту пору перед государством, побуждали не только поддерживать востоковедную науку в целом, но и проводить обучение в недрах самого Министерства иностранных дел. Учебное отделение восточных языков появилось в структуре МИДа уже через четыре года после образования Азиатского департамента. В задачи департамента входила подготовка специалистов для службы в дипломатических представительствах – переводчиков-драгоманов. Для этих целей в 1823 г. и было образовано Учебное отделение, или Институт восточных языков при Азиатском департаменте МИД. По воспоминаниям окончившего Учебное отделение дипломата С. В. Чиркина, туда поступали в основном выпускники Санкт-Петербургского Университета и московского Лазаревского института восточных языков — арабисты, желавшие связать свою жизнь со службой в МИДе [245, с. 10-11]. По завершении обучения студенты поступали на службу в зарубежные представительства МИДа в страны Ближнего Востока. Многие выпускники становились впоследствии служащими центрального аппарата — Азиатского департамента в Петербурге, или же советниками посольств, консулами, генеральными консулами, а также дипломатическими чиновниками при главнокомандующих и наместниках [106, с. 162]. С 1883 г. по 1910 г. в Учебном отделении были открыты трехлетние курсы восточных языков для офицеров разных родов войск, которые поступали затем на службу в российские миссии на Кавказ, в Среднюю Азию и Сибирь [107, с. 126-127].

В 1826 г. второй директор Учебного отделения, известный историк и лингвист Ф. П. Аделунг, заложил основу библиотеки и музея Учебного отделения. Аделунг получал поддержку своих начинаний от управляющего Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде. Впоследствии собрание

нумизматики и рукописных книг Института было не только каталогизировано, но и получило подробное обстоятельное описание в серии сборников «Collections Scièntifiques de l'Institut des langues orientales» 1877-1897х гг. [260]. Выпуски, издававшиеся на французском языке, финансировались МИДом и составлялись по инициативе директора М. А. Гамазова ведущими востоковедами своего времени — специалистами по восточной литературе и нумизматике В. Р. Розеном, Б. А. Дорном, В. Д. Смирновым и другими учеными. До закрытия Учебного отделения в 1917 г. его коллекции входили в число необходимых учебных пособий для подготовки будущих драгоманов, через которых по сложившейся дипломатической практике велись текущие дела в российских представительствах на Востоке.

Благодаря работе сотрудников Азиатского департамента в отечественные собрания поступали также рукописи, произведения декоративно-прикладного и изобразительного искусства, разнообразные этнографические материалы с территории Китая. В первой половине XIX в. крупнейшим российским центром по изучению китайской культуры являлась Русская духовная миссия в Пекине. В XIX в. выходили научные издания – выпуски «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине»; именно с православной духовной миссией была связана деятельность таких выдающихся российских синологов как архимандриты Иакинф (Н. Я. Бичурин), Палладий (П. И. Кафаров), Пётр (П. И. Каменский) и другие. Миссия отправлялась в Китай в среднем каждые десять лет и состояла из порядка десяти человек, а в её состав входили духовные лица и ученые, чиновники, иногда – художники. Светская часть миссии (4-6 человек) занималась изучением китайского, маньчжурского, тибетского и монгольского языков, а по возвращении причислялась к составу Азиатского департамента в качестве переводчиков-драгоманов. Учрежденная ещё Петром Великим, духовная миссия долгое время служила уникальным проводником во взаимоотношениях России с её крупнейшим восточным

соседом. Духовная миссия в Китае просуществовала в составе Азиатского департамента вплоть до 1860-х гг., т.е. до учреждения в Пекине собственно дипломатической миссии.

В российские столичные коллекции поступали разнообразные предметы, собранные представителями Русской духовной миссии в Пекине. Памятники искусства, культуры и быта оседали в хранилищах Азиатского департамента, поступали в соответствующие учреждения или оставалась у коллекционеров. В Азиатском департаменте, в отличие от принадлежащего ему Учебного отделения восточных языков, не был сформирован музей, и, по всей видимости, не было научно подготовленного, хорошо организованного хранения книг и вещей. Тем не менее, памятники истории и культуры восточных стран поступали на временное хранение и в стены самого Азиатского департамента в здании Главного штаба на Дворцовой площади Санкт-Петербурга.

Третий способ, или уровень, составления коллекций подразумевает косвенное вмешательство ведомства в процесс составления собраний восточных памятников. На данном уровне, (меж)государственном, МИД предоставляло возможность для формирования коллекций ученым, путешественникам, а также главам государств. Здесь роль чиновников МИДа была несколько иной, чем в предыдущих обозначенных направлениях. Однако, учитывая двустороннюю практику обмена дарами, решающую роль отдельных дипломатов в построении международных отношений и поддержку научных изысканий со стороны МИДа, эту роль нельзя назвать пассивной.

Вручение дипломатического, или посольского, дара – это укорененная в истории культурная практика, символически связывающая правителей двух стран на новом этапе отношений между государствами. Следует отметить, что обмен дарами между странами, ведшими диалог на международном уровне, всегда был обоюдным. В каждом государстве бытовали свои преставления насчет наиболее подходящих в таких случаях подарков,

имелись такие представления и в России. Помимо обмена дарами на высочайшем уровне существовала традиция поднесения даров Российскому императорскому двору от подданных других стран, в чем можно убедиться, например, по документам Турецкого стола Архива внешней политики Российской империи [1]. Обмен посольскими дарами вплоть до конца эпохи Российской империи имел достаточно частный, «домашний» характер символического обмена ценностями между правителями. Забегая вперед, отметим, что это обстоятельство обусловило возникшие впоследствии сложности в работе музейных специалистов по учету таких предметов. При том, что архивные документы позволяют вычленить регионы поступления предметов и характер подношений, довольно сложно уяснить точное количество даров или сказать последнее слово в атрибуции памятников.

Помимо способствования обмену дипломатическими дарами, МИД проводило организационную и финансовую поддержку научных экспедиций. Говоря о российских экспедициях на Восток, стоит особенно выделить деятельность «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении» (РКСВА), который был образован в 1903 г. в ведении Министерства иностранных дел. Устав «Русского комитета» был утвержден императором Николаем II в 1903 г., в комитет вошли представители 5 научных сообществ и 6 министерств, а также отдельные ученые [40, с. 504]. Министры иностранных дел утверждали состав членов и бюро Русского комитета, в смету министерства для него было включено ежегодное пособие. Бюро «Русского комитета» состояло из председателя – академика В. В. Радлова, товарища председателя – декана факультета восточных языков В. А. Жуковского, секретарей профессора В. В. Бартольда и Л. Я. Штернберга. После смерти Радлова в 1918 г. пост председателя занял С. Ф. Ольденбург [166, с. 26, 27].

Исследования Русского комитета касались всего, что интересовало российское востоковедение в начале XX в.: древних и средневековых языков и литературы, истории и этнографии азиатских народов, археологии [115, с.

114]. Комитету вменялось в обязанность «заботиться о сохранении для науки всего, что осталось от материальной и духовной жизни прежних веков и чему угрожает разрушение от времени или от руки человека, т.е. не только древних построек, городищ, курганов, но и черт языка, быта и устной словесности народов, вымирающих или утрачивающих свои национальные особенности» [40, с. 504]. Его координирующая деятельность сказалась на научно-исследовательских предприятиях разного типа: археологических и историко-архитектурных экспедициях, этнографо-лингвистических поездках. Экспедиции Русского комитета снаряжались в избранные регионы для решения комплексных задач. Русский комитет основной своей целью считал объединение усилий ученых разных стран для планомерного исследования культур народов Азии. Следовало совместными усилиями спасти разрушающиеся от гибели археологические памятники, изучить быт, язык и культуру исчезающих народностей.

История «Русского комитета» показывает, как государственная поддержка, оказанная посредством этого ведомства, помогла провести множество этнографических, лингвистических и архитектурно-археологических экспедиций как в азиатскую часть России, так и за её пределы – в Китай и Монголию [166]. Зарубежные экспедиции комитета находились под защитой правительства и пользовались поддержкой российских дипломатов, например, таких выдающихся знатоков восточных культур и коллекционеров древностей, как Н. Ф. Петровский и Н. Н. Кротков. Покровительство министерства благотворно сказалось на деятельности самой организации и установлению её прочных научных связей с иностранными национальными комитетами, открытыми во Франции, Испании, Германии, Венгрии, Голландии, Дании и Швеции [193, с. 125]. На это обращал внимание В. Бартольд в 1908 г. в своем письме в письме к министру иностранных дел А. П. Извольскому, когда выступал с просьбой оставить РКСВА в ведении МИДа – в противовес предложениям о его

передаче Академии наук или Министерству народного просвещения [193, с. 125].

Даже из обобщенной картины деятельности МИДа в Азиатском регионе становится ясно, что участие ведомства в процессе складывания музейных коллекций создавало необходимые условия для формирования собраний памятников. Составление коллекций памятников Востока органично вплеталось в деятельность ведомства притом, что не было озвучено в качестве одной из профильных его задач. Важно, что Министерство иностранных дел стало незаменимым посредником в деле поступления памятников в столичные музейные фонды. При этом Министерство играло как прямую, так и косвенную роль в образовании коллекций. Рассмотрев способы формирования коллекций восточных памятников в рамках деятельности МИДа, было выявлено три уровня составления коллекций, которые обозначены как частный, ведомственный и (меж)государственный. Движение к более высокому уровню означает более сложную систему образования коллекций и в то же время косвенную роль МИДа в этом процессе. Если на первых двух уровнях мы отмечаем конкретные действия служащих по составлению коллекций, такие как приобретение и обнаружение памятников, то на третьем уровне вперед выступает организационная роль дипломатического ведомства, которая заключалась в создании благоприятных условий для появления коллекций. Наибольшее число коллекций наблюдается именно на третьем уровне: задача сосчитать количество памятников, собранных в результате установления и развития дипломатических отношений с другими странами, составляет значительную сложность.

§ 2. Роль музеев Санкт-Петербурга как научных центров изучения памятников культуры и искусства Востока

В наши дни музеи стремятся принимать на себя роль культурных агентов, площадок для построения коммуникации между представителями различных культур и в целом для сглаживания напряжённости в обществе. Сегодня музеи по всему миру рассматривают себя не только как места для культурного досуга, но и как учреждения социально ответственные, которые не могут остаться в стороне от острых социально-политических проблем [151, с. 11]. С помощью временных выставок и постоянных экспозиций, образовательных программ и другого рода деятельности они стараются затрагивать наиболее актуальную повестку дня, привлекать к ней внимание своих посетителей и выступать в роли проводников позитивных перемен в жизни общества [151, с. 63]. Музеи сегодняшнего дня не могут игнорировать потребности местных сообществ и выстраивают свою деятельность во многом с оглядкой на их интересы [96, с. 90]. По мнению Д. Харриса, музейный институт начинает и вовсе переосмысливаться как своеобразный «общинный центр», который открывает возможность встретиться «с реальным течением жизни» [239, с. 41].

В связи с повышением роли музея как социального агента был введен специальный термин – «музейная политика». Согласно «Словарю актуальных музейных терминов», под музейной политикой следует понимать «совокупность принципов и методов управления музеем, нацеленных на осуществление миссии музея и обеспечение выполнения музеем социальных функций музея» [221, с. 67]. Как считает Е. В. Морозова, это понятие может быть уточнено и определено как «целенаправленная деятельность музея по реализации его миссии и социальных функций, осуществляемая с учетом определенного социокультурного и политического контекста и государственной политики в области культуры» [150, с. 99]. А. В. Головневым было высказано мнение, что на концептуальном уровне за

музейными решениями стоят политики, а самостоятельное принятие решений осуществляется музейными специалистами только на практическом уровне – уровне хранения и экспонирования [62, с. 13].

Вокруг проблемы соотношения власти и музея существует ряд концептуальных представлений в рамках различных исследовательских теорий. С одной стороны, европейские музеи стали средством построения представлений о национальном начиная с эпохи Просвещения. Свойственная музею способность к политическому высказыванию была использована в эпоху Просвещения и стала часто принимать форму государственной программы. С 1820-х гг. в Европе возрос интерес к национальному прошлому, что связывалось Б. Андерсеном со временем рождения национализма: нации стали представлять собой результат радикального разрыва с прошлым, произошедшим в конце XVIII в. Андерсен видел в нации достаточно новое явление, существующее только два последних столетия, а также рассматривал роль музея в процессе воображения нации [26]. В результате уже в конце XIX века музеи стали неотделимы от европейского национализма, патриотизма и империализма [62, с. 13].

С другой стороны, политический характер присущ музею как публичному институту, способному определенным образом влиять на умы людей. Занимаясь сбором ценных для себя предметов, музей оказывается перед непростым выбором: что он сохранит для будущего, а что останется вне поле его внимания. Одной из важнейших функций музея является его способность поддерживать социальную память [145, с. 231]. Способность сохранять и игнорировать свидетельства о прошлом скрывает под собой большие возможности для регулирования представлений о нём. Обращение к истории музеев позволяет убедиться, что музеи оказывали влияние на социально-политическую жизнь общества и в прошлом. Одной из концепций в русле такого рода размышлений о целях и задачах музеев является идея об их имманентной политизированности. Иными словами, это идея о том, что музей был и остается политическим и государственным проектом. В нашем

случае это проявляется в том, что музеи служили хранилищами информации, ценной для востоковедения, которое было поставлено на службу государству.

С начала XIX в. Санкт-Петербург стал центром отечественного востоковедения – науки, предоставлявшей необходимое основание для международных контактов с восточными странами. В столице сформировалась развитая сеть учебных заведений, институтов и научных сообществ, которые занимались культурой восточных стран: Азиатский музей Императорской Академии наук, Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, Русское географическое общество, Восточное отделение Русского археологического общества, Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, Императорская Публичная библиотека, Императорская археологическая комиссия и некоторые другие [166, с. 6]. Гражданские и военные, научные и образовательные учреждения Российской империи, связанные с Востоком, а также музеи с восточными коллекциями были объединены между собой прикладными целями по построению отношений с восточными соседями России.

В XIX в. многие музеи по всему миру приняли на себя роль научных центров, став одной из форм организации науки наряду с академиями, институтами, лабораториями и научными обществами [253, с. 231]. В эпоху становления востоковедения в России музеи с азиатскими коллекциями служили прикладным целям ученых. В Российской империи такими музеями стали основанные в 1830-х гг. на базе коллекций Кунсткамеры Этнографический, Азиатский и Египетский музеи. Они принадлежали Императорской Санкт-Петербургской академии наук и служили своего рода хранилищами предметов, организованными специально для нужд Академии [224, с. 156]. По выражению Т. В. Чумаковой, музеи в системе Академии являлись зеркалом институциализации науки [247, с. 9].

Основным профильным хранилищем письменных памятников Востока в столице Российской империи был Азиатский музей Императорской Академии наук. Этот крупный научный центр по исследованию восточных культур был основан в 1818 г. и расположился поначалу в здании Кунсткамеры, а с 1831 г. – в Музейном флигеле здания Академии наук. По решению директора Академии наук С. С. Уварова в фонды Азиатского музея поступил ряд коллекций – книги и рукописи, а также монеты и предметы культа и обихода из Кунсткамеры, Конференц-архива и Библиотеки Академии Наук [29, с. 208]. Коллекции памятников письменности свозились в Азиатский музей как из восточных областей Российской империи, так и из-за рубежа, хранились и изучались в нем.

С момента своего основания в 1714 г. хранение и изучение памятников Востока входило в задачи Кунсткамеры, первого музея Санкт-Петербурга. Когда в 1724 г. по указу императора Петра I была учреждена Академия наук, Кунсткамера стала первым её учреждением и научной базой. Основу для коллекций Кунсткамеры заложили коллекции и библиотека Петра I и «натуралии» Аптекарской канцелярии, впоследствии музей пополнился внушительным числом этнографических коллекций, значительную часть которых составляли памятники из азиатских регионов России и мира. Российские императоры зачастую передавали музею на хранение дипломатические дары. Музей также пополнял свои фонды благодаря передаче дипломатических коллекций.

Таким образом, развитие таких наук как востоковедение и этнография приводило к созданию и росту музейных коллекций, необходимых для дальнейшего изучения дальних стран и регионов. Министерство иностранных дел, напрямую занятое взаимодействием с ними, сыграло в то же время важнейшую роль в научном освоении стран Востока. Изучение стран и народов Востока было необходимо для развития взаимоотношений, получало государственную поддержку, и особая роль в этом отводилась Азиатскому департаменту МИД.

С организацией Министерства иностранных дел в 1802 г. изучение других стран получило больше возможностей по сравнению со временем Коллегии иностранных дел. Среди разных сторон деятельности Коллегии был сбор восточных рукописей, книг, монет, редкостей. И все же отмечается, что с созданием Азиатского департамента МИД в 1819 г. исследования стран Востока стали особенно продуктивными и результативными [106, с. 151]. Особую значимость имело то, что многие представители МИДа на Востоке были в то же время выдающимися востоковедами. Интересы службы были здесь во многом неотделимы от научных интересов. Барон К. К. Боде, И. А. Зиновьев, В. Ф. Минорский и многие другие дипломаты были авторами важных в научном отношении трудов, среди которых первое время преобладали труды по Ближнему Востоку [107, с. 124].

Например, увлечение коллекционированием служащего Азиатского департамента В. В. Вельяминова-Зернова служило продолжением его научной и публикационной деятельности. Ученый занимался как филологическими и историческими исследованиями, источниковедением, так и изучением восточной нумизматики. Его научные интересы были связаны с Кокандским ханством, киргиз-кайсаками и другими областями истории Средней Азии. В 1851-1856 гг. он совершил важную в свете своей научной карьеры поездку в Оренбургскую губернию, где изучал тюркские наречия. Среди его работ особенно выделяется четырёхтомный труд «Исследования о касимовских царях и царевичах», посвященный многим тюркским народам России [110, с. 4].

Директор Азиатского департамента Е. Ф. Тимковский, сопровождавший в 1820-1821 гг. Русскую духовную миссию в Пекине в качестве официального представителя МИДа — пристава, выполнявшего дипломатические функции, приобрел известность в научных кругах Санкт-Петербурга. Результатом его работы стало трехтомное исследование, в котором он описывал своё путешествие в Китай через Монголию. В лице следующего директора Азиатского департамента Е. П. Ковалевского

сочетались блестящие дипломатические навыки, научная деятельность и писательский талант; его статьи и книги посвящены путешествиям в Китай, Кашмир, Монголию, Египет, Эфиопию, Афганистан и другие страны. На должности директора департамента Ковалевский организовал несколько особо ценных в политическом и в научном отношении экспедиций, среди которых – поездки ученого, сотрудника Азиатского департамента Н. В. Ханыкова в Иран и Афганистан и Ч. Ч. Валиханова в Восточный Туркестан. Чокан Чингисович Валиханов был сыном султана Кокчетаевского округа Омской области и поручиком на русской службе. Жизнь молодого ученого оборвалась в 29 лет, во время расцвета его научной карьеры. Путешествуя под видом купца в ходе своей миссии в Восточном Туркестане (область на северо-западе Китая), Валиханову удалось собрать уникальные сведения об этом крае, а также коллекцию рукописей и монет.

Дипломаты-коллекционеры были, как правило, еще и учеными-востоковедами. Из всех служащих МИДа крупнейшим коллекционером дальневосточных предметов первой половины XIX в был З. Ф. Леонтьевский. В Китае Леонтьевский изучал китайский, монгольский и маньчжурский языки, составлял словари [170, с. 49], много занимался переводами, в том числе перевел на маньчжурский язык три первых тома «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина [47]. Он также изучал историю, географию и статистику этой страны, занимался рисованием и живописью [170, с. 53].

Интерес дипломатов был направлен на современное положение дел, актуальные социально-экономические и политические вопросы, но были и те, кто увлекался историей, археологией, искусством и нумизматикой стран Востока и составил замечательные коллекции предметов старины. Одним из таких дипломатов был консул Российской империи в Кашгаре (Восточный Туркестан или Синьцзян, Цинская империя) Н. Ф. Петровский, один из наиболее выдающихся коллекционеров-дипломатов на Востоке последних десятилетий существования Российской империи. Консул занимался самостоятельной археологической разведкой памятников, обсуждал гипотезы

по интерпретации находок с учеными, отправляя их в Восточное отделение Русского археологического общества.

К успеху в создании и выживании коллекции Петровского привели его увлеченность и знания в совокупности с верно использованными особенностями его положения как должностного лица. Составить и сохранить коллекцию в том виде, в котором это было сделано, было бы невозможно без тесного и продолжительного взаимодействия дипломата с ведущими учеными. Консульская коллекция имела большое значение для академика С. Ф. Ольденбурга, выдающегося ученого, индолога и буддолога. Предметы коллекции Петровского относились к «белым пятнам» в истории распространения буддизма, ко всесторонне изучаемой Ольденбургом буддийской культуре как за рубежом, так и в России. Петровский писал Ольденбургу: «Вы самый главный виновник тому, что я стал усердно разыскивать здешние древности. Не будь Вашего заявления в «Отделении», я довольствовался бы тем, что случайно приносилось мне для покупки, и откладывал бы всё, что приобретал, на случай приезда моего в Петербург» [188, с. 255]. Академик Ольденбург так оценивал роль Петровского в распространении научных знаний об этом регионе: «…никем ещё не была сделана попытка начать систематическое собирание древностей и исследование того, что ещё осталось в стране от прежних культур. Николаю Федоровичу Петровскому принадлежит громадная заслуга в этом деле: он первый, насколько ему позволяли его сложные и трудные занятия по Кашгарскому консульству, стал последовательно собирать все относящееся к прошлому края» [178, с. 5].

Петровский одним из первых обратил внимание на то, что под современными мазарами Восточного Туркестана скрыты древние буддийские памятники. Он составил подробную рукописную карту этого региона, на которой указал известные ему древние памятники и привел данные о расстояниях между ними. Он отовсюду собирал сведения о памятниках, самостоятельно осматривал некоторые из них, снабжал Восточное отделение

РАО и РКСВА подробными сведениями о видах и состоянии памятников архитектуры, давал ценные советы – всё это отразилось в его переписке с востоковедами, которая в последние годы оказалась в поле внимания современных ученых. Путешественники и исследователи обращались к нему за советами и консультациями, в том числе – ученые из Европы (например, известный венгерский ученый Аурель Стейн, шведский исследователь Свен Гедин).

Заметим, что представительства России за рубежом предоставляли возможность для коллекционирования памятников не только дипломатам. Например, врач российского консульства в Урумчи (1906-1908) Александр Иванович Кохановский занялся сбором древних рукописей и предметов по совету этнографа Д. А. Клеменца, одного из первых российских ученых, посетивших Восточный Туркестан. Коллекция рукописей Кохановского оставила около двадцати единиц хранения в Азиатском музее [186, с. 79], археологические находки были переданы в МАЭ.

Собрания произведений искусства и предметов старины, составленные дипломатами за границей, следует считать особым типом частных коллекций. По замечанию О. Я. Неверова, новый тип коллекционера – просвещенного дипломата-собирателя оформился к началу XIX века. Он был представлен такими работавшими в странах Западной Европы фигурами как Н. Ф. Хитрово, А. Я. Италинский, Д. М. Голицын или С.Р. Воронцов [168, с. 56]. В эпоху Министерства иностранных дел этот тип коллекционера-дипломата с присущим ему творческим подходом к составлению коллекции получает свое дальнейшее развитие. К примеру, за годы службы в Европе частная коллекция современных художников и старых мастеров была составлена А. М. Горчаковым, министром иностранных дел в 1856-1881 гг. [31]. Коллекция осталась в семье дипломата и впоследствии передана его потомками в Императорский Эрмитаж. Обращаясь в настоящей работе к опыту деятельности служащих МИДа на Востоке, приходим к заключению, что эти дипломаты также, несомненно, представляют названный выше тип

коллекционеров. Особой чертой в их работе является тесная связь с научными и практическими задачами отечественного востоковедения.

Соответственно, мотивация собирать памятники Востока у дипломатов была особенной. Если обратиться к истории российской дипломатии в странах Западной Европы, то там частное коллекционирование могло выступать как важная составляющая имиджа дипломата, как занятие исключительно престижное [28]. Дипломату для успешного выполнения его задач в других странах необходимо было занять высокое положение в обществе, наработать полезные связи. Коллекционирование памятников, а в особенности произведений искусства, часто рассматривалось в русле задач приобретения практического опыта в заграничной службе, которое являлось центральным звеном в системе подготовки кадров МИДа. Применительно к восточному направлению стоит говорить об иной тенденции: дипломатами на Востоке руководил прежде всего научный интерес. Как правило, эти коллекционеры сами были учеными, знатоками восточных культур. Немаловажной была и атмосфера конкуренции с дипломатами из европейских стран, в которой происходило собирание памятников. Эта закономерность отражает векторы развития российской внешней политики в XIX в.: к тому времени Россия рассматривалась как часть единого общеевропейского культурного пространства и только налаживала связи со многими восточными странами. Таким образом, дипломатические коллекции явились достижениями частных лиц, которые стали возможны благодаря особенностям их государственной службы. Работа в МИДе помогала чиновникам заниматься наукой, создавая необходимые условия для ведения коллекционерской деятельности. Вместе с этим научная работа дипломатов отвечала общему характеру отечественного востоковедения, нацеленного на решение конкретных прикладных задач, стоявших перед государством.

Дипломатов-собирателей объединяло то обстоятельство, что они имели возможность ознакомить своих соотечественников с теми гранями мировой культуры, которые были еще малоизвестны у них на Родине [213, с. 49].

Дипломат как представитель властной государственной структуры имел блестящие возможности для изучения страны своего пребывания и составления коллекций памятников. Каждая коллекция также отражала интересы каждого дипломата как частного лица, увлеченного историей и культурой той страны, где ему довелось служить. Примерами таких коллекционеров были Н. Ф. Петровский, К. фон Вебер, З. Ф. Леонтьевский и многие другие служащие МИДа, которые составили свои коллекции благодаря глубокой личной привязанности к предмету своего исследования. Таким образом, в действиях отдельных служащих лиц сочеталось и частное, и общественно-политическое.

Дипломат, вовлеченный в научные исследования региона своего пребывания, мог выступать не только в роли коллекционера, но и как источник информации для работы российских экспедиций и помощник во временном хранении и транспортировке коллекций. Это обстоятельство приобрело особую актуальность для российских экспедиций на территории Китая рубежа XIX-XX вв. и начала XX в. Н. Ф. Петровский присылал в Петербург составленные им топографические карты, где отмечал археологические памятники, дороги, ведущие к ним, и расстояния между объектами. Благодаря этим данным собрание Азиатского музея пополнилось множеством рукописей, обнаруженных в ходе экспедиций Академии наук и Русского географического общества – таких, как Восточно-Туркестанские экспедиции В. И. Роборовского и П. К. Козлова [184, с. 19]. Генконсулу Петровскому удалось сыграть ключевую роль в подготовке первой экспедиции РКСВА за рубеж – командировке М. М. Березовского в Кучарский оазис (1905-1907), доставившей уникальные изобразительные материалы, фрагменты храмовой настенной живописи и памятников письменности.

Дипломаты Н. Н. Кротков и А. А. Дьяков помогали ученым во время первой и второй Русских Туркестанских экспедиций С. Ф. Ольденбурга, снаряженных РКСВА [58, с. 442-445]. Кротков оказал помощь 1-й Русской

Туркестанской экспедиции при работах в г. Улан-бае, а 2-я Русская Туркестанская экспедиция останавливалась в Урумчи у консула А. А. Дьякова [166, с. 68, 75]. «С чувством глубокой благодарности вспоминаем мы все, что было сделано для экспедиции Н. Н. Кротковым, Императорским Российским консулом в Урумчи: его просвещенному вниманию, глубокому интересу к древностям Китайского Туркестана и всегдашней готовности помогать мы глубоко обязаны» – писал Ольденбург в отчете об экспедиции [180, с. vii]. Русский посланник в Корее Александр Иванович Павлов (1860–1923) оказывал помощь участникам научной экспедиции: зоолог Петр Юльевич Шмидт (1872–1949), посетивший Корею в начале XX в., вспоминал о теплом приеме со стороны русского посланника [210, с. 31].

Дипломаты на местах не только составляли частные коллекции, но и порой оказывали помощь в хранении и транспортировке находок экспедиций. Например, Российские Генеральные консульства в Бомбее, Калькутте и Коломбо оказывали содействие в пересылке составленных индийских коллекций [126, с. 49]. В литературе встречаются сведения о том, что в российских дипломатических представительствах в различных восточных странах временно хранились памятники старины [224, с. 177-8, 180-181; 203, с. 89]. Н. Н. Кротков был одним из тех дипломатов, кто помогал русским ученым, путешественникам и коллекционерам в деле временного хранения за границей и транспортировки предметов, направлявшихся в фонды отечественных музеев. Из переписки Кроткова и Ольденбурга мы узнаем, например, о двенадцати ящиках с находками из Карашара, которые были благополучно доставлены в Урумчи и поступили на временное хранение в консульство [50, с. 415]. Эта сторона деятельности сотрудников МИДа выделяется в особое направление работы дипломатов по пополнению музейных фондов наряду с частным коллекционированием и организационной поддержкой экспедиций. Отметим, что эта тема заслуживает дальнейшего изучения.

По словам Б. Андерсона, «музеи и музеизирующее воображение в глубине своей политичны» [26, с. 290]. Андерсон отмечал при этом, что политичность, лежащая в основе такого воображения и порождаемых им процессов, неосознаваема [26, с. 295]. Это положение о скрытом характере политической власти музеев помогает объяснить тот факт, что понимание учеными и дипломатами большой научной и политической значимости их работ по формированию коллекций вовсе не означало понимания этого вышестоящими чиновниками центрального аппарата МИДа. Политический характер музея, о котором писал Андерсон, не является простым результатом исполнения неких властных директив. В идейном смысле Петровский был ближе петербургским ученым-востоковедам, чем своим петербургским коллегам по министерству. «На Кашгар я положил часть своей души», – признавался консул [188, с. 276]. Тем обиднее было встретить непонимание среди влиятельных столичных чиновников МИДа: «Это не М[инистерство], там дорожат каждым, даже незначительным, сведением о наших древностях», – писал Н. Ф. Петровский ученому и чиновнику МИДа Ф. Р. Остен-Сакену о Восточном отделении РАО после того, как в «Записках» Общества был опубликован знаменитый памятник из его коллекции, так называемая «Кашгарская рукопись Петровского», – санскритский оригинал «Лотосовой сутры» из оазиса Хотан VII в. [188, с. 239]. Не найдено также никакой государственной программы по сбору памятников, которой мог бы руководствоваться Н. Ф. Петровский. Напротив, автором подобной программы для организации работ «Туркестанского кружка любителей археологии» стал сам дипломат, непревзойденный знаток Туркестанского края [178, с. 7].

Дипломат не раз сетовал на то, что министерство не спешит содействовать в отправке российских научных экспедиций на территорию Восточного Туркестана. Борьба за первенство в сборе памятников рассматривалась в качестве одной из сторон геополитического противостояния между Британской и Российской империями в Центральной

Азии, которое получило название «Большой игры». Как известно, Петровский был участником этого длительного противостояния между двумя державами, боровшимися за своё влияние на Востоке: Россия была заинтересована в охране своих южных границ и развитии торговли, в то время как Великобритания пыталась сдерживать российскую экспансию ради защиты своих колониальных территорий. В 1892 г. Петровский, раздосадованный опередившей его находкой древней санскритской рукописи британским лейтенантом Боуэром, писал Розену с предложением помочь какому-либо отечественному археологу или экспедиции в Синьцзяне. К тому времени он уже помогал многим ученым, от «американцев до шведов включительно» [188, с. 223]. Вскоре Петровский стал снабжать российских ученых информацией о маршрутах, доступных для прохождения в Синьцзяне.

Подводя итог, следует сказать о том, что именно развитие науки – востоковедения и этнографии послужило системообразующим фактором в процессе пополнения музейных фондов с помощью деятельности МИДа. Роль музеев заключалась в том, что они стали незаменимыми хранителями важной для науки информации. Наряду с соответствующими гражданскими, военными, научными и образовательными учреждениями Российской империи музеи с восточными коллекциями были заняты решением долгосрочной задачи по развитию отношений с восточными соседями России. Музеи испытывали на себе сильнейшее влияние государства. Это наблюдение справедливо для рассматриваемого исторического периода и в полной мере касается музеев с коллекциями восточных памятников, которые относились к Императорской Академии Наук, а также собраний научных обществ и ведомств, чья деятельность была связана с исследованиями Востока.

Огромную роль в научном освоении восточных стран довелось сыграть и МИДу, чьи служащие дипломаты-коллекционеры, как правило, сочетали свою деятельность с научными занятиями. Составление частных коллекций

дипломатами стало возможно благодаря особенностям их государственной службы, а формирование коллекций происходило вследствие развития их научного интереса и в атмосфере соперничества с европейскими коллегами. При этом отличительной особенностью разносторонней деятельности по формированию коллекций было то, что её политический характер был во многом скрыт, не до конца сформулирован и отрефлексирован самими представителями власти. Таким образом, политическая роль, которую было суждено сыграть музею, не была результатом исполнения неких конкретных властных директив. Скорее, она явилась результатом взаимоотношений между представителями власти, научных, музейных и чиновных кругов, занятых проблемами развития восточного направления в отечественной науке и политике.

§ 3. Цели формирования азиатских коллекций в музеях Санкт-Петербурга

Формирование коллекций восточных памятников было тесно связано с задачами, стоявшими перед Министерством иностранных дел как ведомством, занимавшимся контактами Российской империи со странами и регионами Востока. Рассмотрев способы составления коллекций и обнаружив, что движущей силой составления этих собраний было развитие востоковедения, мы задаемся вопросом о целях и задачах формирования этих собраний. Говоря более конкретно, необходимо выяснить, имелись ли специально сформулированные задачи пополнения музейных фондов,

которые адресовали служащим МИДа, или же составление коллекций памятников шло произвольным путем.

Известно о нескольких случаях в российской истории, когда власти шли навстречу предложениям о развитии музейных собраний и задействовали при этом ресурсы Министерства иностранных дел. В 1833 г. выдающийся ученый, востоковед и директор Азиатского музея (1818-1842) Х. Д. Френ обращался к министру финансов графу Е. Ф. Канкрину с предложением задействовать Министерство финансов в деле снабжения Азиатского музея памятниками Востока. Поскольку в тот период консулы назначались именно этим ведомством, Министерство финансов могло, по мысли Френа, вменить в обязанность консулам на Востоке покупать рукописи и монеты специально для музея. Х. Д. Френ и другой известный востоковед Б. А. Дорн приложили к проекту список из сотни наиболее важных рукописей, которые было бы желательно получить таким образом.

Необходимо сказать несколько слов, характеризующих личность министра финансов в 1823-1844 гг. Егора Францевича Канкрина. Потомственный немец Е. Ф. Канкрин все жизнь посвятил государственной службе в Российской империи. Будучи интендантом в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов, он прославился честностью, неподкупностью и необыкновенной трудоспособностью. На посту министра финансов Канкрин проводил политику протекционизма, всесторонне поддерживая развитие российской промышленности, науки и технологий. Развитие отечественной науки стало особой заботой министра: в числе заслуг Канкрина – основание Технологического института и преобразование Лесного института. Министром были профинансированы многие научные экспедиции на Урал и Алтай, в результате которых были открыты новые месторождения драгоценных металлов. Именно Канкрин в 1829 г. организовал путешествие по России известного немецкого ученого, физика и географа Александра Гумбольдта. Министр учредил метеорологические и магнитные обсерватории в горном ведомстве, что

позволило поднять исследования в этой сфере на значительную по тем временам высоту. Помимо прочего, Канкрин поддерживал минералогические и ботанические исследования. Он инициировал ряд выставок фабричных изделий, издание «Горного журнала», «Коммерческой газеты» и «Земледельческой газеты». Обратил своё внимание министр и на финансирование изданий переводов и трудов на русском языке, которые использовалась в учебных заведениях Министерства финансов.

Е. Ф. Канкрин благосклонно отнесся к предложению Х. Д. Френа о вменении в обязанность российским консулам в странах Востока заниматься поиском и приобретением ценных памятников. Однако проект был воплощен с изменениями: рукописи стали поступать не в Азиатский музей, но в библиотеку Ученого комитета Министерства финансов в здании Главного штаба на Дворцовой площади; эта библиотека была предметом особой заботы министра. Только после смерти Канкрина в 1845 г. они перешли в Азиатский музей. В 1844 г., при следующем министре Ф. П. Вронченко, циркуляр был издан, а список желаемых сочинений увеличен до 244 пунктов. Благодаря этому начинанию вплоть до начала Первой мировой войны консулы способствовали пополнению собрания Азиатского музея некоторыми важными памятниками восточной письменности [18].

Примером неудавшейся покупки восточных памятников стала история с коллекцией резидента Ост-индской компании в Багдаде Дж. Кл. Рича. После смерти британского дипломата в 1824 г. его вдова предложила российскому Министерству иностранных дел приобрести коллекцию мусульманских рукописей, оставшуюся от покойного мужа и состоявшую из более четырех сотен томов. Покупка не состоялась из-за «канцелярской волокиты и рутины, подкрепленными сомнениями в целесообразности приобретения коллекции» [18], и коллекция вскоре пополнила фонды Британского музея. Этот случай говорит о том, что власти вовсе не стремились скупать восточные памятники. Нерешительность и, быть может, подозрительность чиновников можно объяснить нежеланием ассигновать

средства на предприятие, лишенное, с их точки зрения, непосредственной практической выгоды.

Ещё один случай, также относящийся ко времени царствования императора Николая I, связан с пополнением внутриведомственной коллекции МИДа – нумизматического «музеума» Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте. Развитие научных коллекций Института восточных языков было связано с именем его второго директора (1825-1843 гг.) – учёного, историка и коллекционера Федора Павловича Аделунга. Уместно в общих чертах коснуться биографии этого ученого. Ф. П. Аделунг был крупным историком, специализировавшимся на истории древней и средневековой Руси, лингвистом, библиографом, археологом. Он обладал собственной коллекцией европейской графики, которая впоследствии легла в основу Художественного музея в Харькове. Ф. П. Аделунг был также автором проекта национального музея в России с коллекцией исторических и естественнонаучных предметов, выступив с этим предложением на страницах журнала «Сын Отечества» [63, с. 59]. Он был членом Румянцевского кружка, занимавшегося археологической и источниковедческой работой. У основателя кружка, министра иностранных дел 1808-1814 гг. Н. П. Румянцева было не только своё собрание рукописей, этнографическая коллекция, но и нумизматический кабинет. Идею Аделунга о национальном музее осуществил брат Николая Петровича – Сергей Петрович Румянцев, открыв в фамильном особняке на Английской набережной в 1831 г. Румянцевский музей [63, с. 60]. В 1835 г. Аделунг получил высокую и редкую должность старшего советника Министерства иностранных дел. Трое его сыновей выбрали дипломатическую карьеру, один из них погиб вместе с А. С. Грибоедовым во время покушения на сотрудников российского посольства в Тегеране в 1829 г. Будучи тесно связанным с МИДом по службе, ученый и страстный коллекционер Аделунг смог реализовать в стенах Учебного отделения восточных языков свой проект музея и доказать его актуальность.

Управляющий Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде поддержал начинания Ф. П. Аделунга, что послужило определяющим фактором успеха в судьбе собрания. Проект нумизматической коллекции, которой могли пользоваться профессора и студенты, был утвержден Нессельроде по предложению Аделунга. В «Уверении в полезности кабинета восточных монет» Аделунг писал Нессельроде: «Чтобы обучить студентов Института денежным системам стран, в которых им будет суждено жить, облегчить изучение истории, сформировать понимание и вкус древних памятников и дать им возможность принести пользу в научных исследованиях, я приступил к коллекционированию восточных монет...» [273, с. III]. Ответной мерой управляющего министерством стало то, что для приобретения восточных монет и медалей начали специально выделять средства, направляемые на содержание Учебного отделения [4, л. 28].

В обоих рассмотренных случаях – с Френом и Аделунгом – инициаторами пополнения музейных собраний были известные ученые-востоковеды. Министры выступали представителями власти, одобрившими проекты ученых и санкционировавшими соответствующие мероприятия. Таким образом, инициатива исходила из научных и музейных кругов Санкт-Петербурга, но не была продиктована властями. Представляется, что осознание научной важности азиатских коллекций возросло ближе к концу XIX столетия, отмеченного расширением контактов с восточными странами и более глубоким вовлечением России в проблемы этих регионов. Это обстоятельство вызвало появление «Русского комитета», чьи научно-исследовательские мероприятия проходили под патронажем МИДа.

В отношении пополнения музейных фондов необходимо обратить внимание на историю деятельности Василия Васильевича Радлова – крупного востоковеда-тюрколога, который одновременно занимал должности директора Музея антропологии и этнографии (с 1894 г.) и председателя «Русского комитета» (с 1903 г.). Среди заслуг ученого было множество экспедиций и научных трудов, а также плодотворная организационная работа

в музеях Санкт-Петербурга. До назначения на должность директора МАЭ ему довелось руководить Азиатским музеем, а в 1903 г. он выступил одним из инициаторов создания РКСВА.

На рубеж XIX-XX вв. пришелся период особенно интенсивного формирования фондов МАЭ, а также открытия новых разделов в музее – например, индийского. При директоре Радлове радикально изменился сам подход к собиранию этнографических коллекций: он стал систематическим [126, с. 15]. Особенно часто организовывались экспедиции – их МАЭ проводил либо самостоятельно, либо совместно с другими учреждениями [200, с. 62 – 72]. Научные экспедиции отправлялись в Енисейскую губернию, в Якутию, из зарубежных стран – в Монголию, Китай, Австралию, Персию, Мексику, Канаду, Индию, а также в Восточную Африку, Северную и Южную Америку и другие регионы [126, с. 15]. Использовав опыт работы европейских музеев, Радлов применял новые подходы в доверенном ему МАЭ. Коллекционирование и хранение предметов, а также организация музея приобрели научный характер.

Радлов уделял внимание как работе по систематизации и каталогизации имевшихся в фондах коллекций, так и разработке методов по поиску новых материалов, важных для музея [126, с. 16]. Для этого Радлов зачастую давал руководителям экспедиций специальные инструкции по сбору предметов, призванные заполнить лакуны в коллекции МАЭ. В эти научные поездки направлялись исследователи, получившие предварительную музейную подготовку [147, с. 126-127]. Составление инструкций было частью общей музейной политики Радлова, которому удавалось таким образом успешно пополнять фонды музея. МАЭ интересовали прежде всего самодельные предметы, связанные с домашней обстановкой местного населения, их повседневными занятиями и промыслами [126, с. 28]. Продуктивной была и работа с отдельными российскими дипломатами на Востоке. Специально для МАЭ, по поручению директора Радлова, дипломатом М. С. Андреевым были собраны этнографические коллекции, раскрывающие жизнь и быт населения

Туркестанского края [126, с. 71]. Радлов также курировал работу дипломата Н. Н. Кроткова по поиску и покупке древностей в Восточном Туркестане.

Формирование музейных коллекций восточных памятников посредством деятельности МИДа стало отражением характерного для отечественной школы востоковедения подхода к изучению азиатских стран и регионов. Этой научной школе, пережившей свой расцвет в последней четверти XIX-начале XX вв., посвящена работа британского ученого В. Тольц «Собственный Восток России» [230]. Автор фокусируется на деятельности учеников барона В. Р. Розена – Ф. И. Щербатского, С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда, Н. Я. Марра. Тольц утверждает, что работа этих востоковедов отвечала имперскому и, позднее, раннесоветскому государственному строительству, которое шло более мягким путем, чем во многих странах Запада. Отвечая этому политическому курсу, ученые школы Розена поддерживали идеи этнического плюрализма, полагая, что он может поспособствовать интеграции национальных меньшинств в пространство империи [15; 271, с. 48]. В качестве примера Тольц сравнивает отношения между российскими имперскими учеными (Ольденбург, Марр) с представителями бурят и абхазов. Она приходит к выводу, что эти отношения способствовали формированию национальных представлений у обеих сторон, а само сотрудничество было более равноправным, чем между их британскими коллегами и индийцами в британской Индии.

В. В. Бартольд вступал за сохранение памятников местной старины и использование сил местных ученых. Так, по его мнению, стоило создать постоянную лабораторию для исследования древностей Туркестана с обязательным привлечением местных сил [22, с. 114]. При этом общее руководство должно осуществляться силами центральных учреждений, таких как Археологическая комиссия, Академия наук и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии [22, с. 115]. Одним из первых говоря о необходимости охраны мусульманских памятников империи, Бартольд в том

же месте использует слова о «завоевании» Средней Азии и выступает за руководящую роль столичных институций [22, с. 116-117].

Ф. И. Щербатской и его ученики ратовали за изучение современного буддизма и рассматривали возможность привлечения современных практиков при изучении древних текстов. Ученые отвергали мысль о том, что «рукопись важнее человека» и что некие сохранившиеся лишь в текстах и памятниках материальной культуры свидетельства имеют большее значение, чем продолжающаяся сегодня религиозная практика. Эти положения кажутся вполне современными и близкими тому, как мы понимаем нематериальное культурное наследие сегодня.

Обращаясь к истории коллекционирования дипломатами на Востоке, заметим, что коллекционер древностей Восточного Туркестана консул Н. Ф. Петровский интересовался отнюдь не традиционной культурой Китая или уйгурского Синьцзяна. Его находки были связаны с истоками буддийской культуры и относились к истории индоевропейских народов, населявших Восточный Туркестан в 1-м тысячелетии н. э. Консульская коллекция имела большое значение для таких ученых как Ольденбург и Розен, поскольку её предметы относились к «белым пятнам» в истории распространения буддизма, всесторонне изучаемой и поддерживаемой ими буддийской культуры как за рубежом, так и в России. Это связано со взглядами ученых школы Розена, которые выступали за поддержку и изучение культур национальных меньшинств (в данном случае исповедовавших буддизм), что рассматривалось как необходимое условие для консолидации внутренних сил империи.

Ученым школы Розена был присущ критический взгляд на европейский подход к восточной политике. Такие российские востоковеды как Ольденбург, Марр, Бартольд и Розен осознавали, что сами участвуют в процессе построении знания для поддержания политической стабильности империи, и в то же время они критически относились к тому, что мы называем сегодня «ориентализмом», и связанным с ним практикам.

Интересно также, что они усматривали в понятиях «Запад» и «Восток» плод воображения европейцев [230, с. 92]. В своих лекциях по истории востоковедения в Санкт-Петербургском университете Бартольд, в частности, доказывал, что понятие «Восток» имеет культурный, а не географический смысл. По утверждению ученого, значение этого понятия менялось со временем, а актуальные на конец XIX в. представления о Востоке начали формироваться с эпохи Просвещения как идеи превосходства и отчуждения. Более того, Бартольд связывал этапы развития востоковедения с этапами установления господства европейских держав над остальными регионами мира. Критика европоцентризма особенно усилилась в работах Марра и Ольденбурга в 1920-е гг., получив политическую поддержку у пришедших ко власти большевиков. Таким образом, ученые отдавали себе отчет в существовании тесной связи между наукой и властью и даже предвосхитили важные положения постколониальной критики.

По утверждению В. В. Бартольда, «самый вредный для науки тип раскопок – раскопки с музейными целями» [140, с. 11]. Очевидно, под «музейными целями» ученый подразумевал музейные практики, нацеленные на экспонирование наиболее зрелищных экспонатов, которые собирались с нарушением единства архитектурно-археологического памятника и исключались из его контекста. В противовес этому, во время раскопках и при коллекционировании постоянно подчеркивались научный подтекст и научная мотивация. По мнению В. В. Бартольда, только чистая наука с ее стремлением добывать объективные знания может считаться единственной прочной основой для познания Востока [15, с. 346].

О той же проблеме говорил ученый и путешественник М. М. Березовский, работавший в Кучарском (Кучинском) оазисе пустыни Такла-Макан в 1906–1907 гг. Березовский возмущался тем, что его немецкие коллеги – известные ученые А. Грюнведель и А. фон Лекок нарушают границы, отведенные для них в Восточном Туркестане [51, с. 165]. По его словам, комплекс древних пещерных храмов Кызыла был буквально

«вывернут наизнанку» участниками Второй и Третьей Прусской Императорской Турфанской экспедиций, снаряженных берлинским Музеем народоведения [107, с. 358]. Сегодня памятники истории и культуры, произведений искусства и рабочих материалов экспедиций, работавших в оазисах Восточного Туркестана, составляют внушительные коллекции в европейских и азиатских музеях. К примеру, участники четырех немецких экспедиций в этот регион 1902-1914 гг. привезли на родину 413 ящиков различных материалов [189, с. 426–427].

Полемика Березовского с его западноевропейскими коллегами отражала накал геополитической борьбы: XIX и начало XX в. – это не только период значительного расширения дипломатического присутствия России на Востоке, но и время противостояния с ведущими империями Запада, вошедшее в историю под названием «Большая игра». Не менее критично к работе европейских археологов был настроен Н. Ф. Петровский, особенно когда речь заходила о поиске древних рукописей в Восточном Туркестане. Поиск проводился соревновавшимися за первенство российскими и британскими подданными. Н. Н. Кротков в письме С. Ф. Ольденбургу упомянул о том, как откликались на эту борьбу местные жители, которые продавали рукописи по частям, желая получить большую выгоду: «Тут повторяется то же, что я видел в Турфане, где туземцы, оставляя рукописи у себя небрежно завернутыми, крошат их до полной негодности, воображая, что и труха из букв ценна!» [157, с. 149].

Напротив, экспедициям Русского комитета было свойственно бережное отношение к памятникам истории и культуры. Позднее этот принцип сформулировал С. Ф. Ольденбург, назвав его «культуросберегающим подходом» к архитектурно-археологическим изысканиям. В соответствие с представлениями российских востоковедов, нарушение целостности памятников допускалось только в случае угрозы их непосредственного разрушения [235, с. 495]. Любое вмешательство, связанное с разрушением исследуемого объекта, считалось не совместимым с требованиями научной

экспедиции. Декларировалось, что находки собирались участниками экспедиций со строго научными целями, а сами ученые категорически выступали против «кладоискательства». В Петербург вывозили лишь то, что нуждалось в спасении, а остальное фиксировалось на месте. С течением времени стремление сохранить памятники в культурном ареале стало отличительным признаком отечественной школы полевой археологии [57, с. 244].

Ученые были хорошо осведомлены об опасностях, угрожавших центральноазиатским древностям — о местных кладоискателях, о некорректно ведущейся исследовательской работе. Многие памятники разрушались вскоре после их раскрытия [220, с. 320]. Они были подвержены исчезновению и по вполне естественным причинам. Например, землетрясение в Средней Азии в 1907 г. напомнило ученым Русского комитета о необходимости ускорить работы по составлению научного описания построек [40, с. 506]. Нередко случались разливы рек и землетрясения в Западном Китае, провинции Ганьсу, где находится знаменитый комплекс пещерных монастырей Могао [40, с. 324]. Поэтому ученые задумывались о том, как сохранить ту важную информацию, что несли исчезавшие на глазах памятники древности: с «культуросберегающим подходом» «Русского комитета» связано большое количество изобразительных источников (фотографий, негативов, калек, рисунков и других материалов), которые хранятся сегодня в архивах научных организаций и в фондах музеев.

Описывая подход российских ученых и коллекционеров к собиранию и сохранению памятников, можно сравнить стиль коллекционирования Н. Ф. Петровского и его британского коллеги Огастаса Питт-Риверса. Они иллюстрировали два разных подхода к формированию коллекций восточных памятников. Как и Н. Ф. Петровский, О. Питт-Риверс совмещал свою исследовательскую деятельность с высоким государственным постом. Генерал-лейтенант английской армии, ученый-этнограф и археолог Питт-

Риверс составил коллекцию оружия и других редких вещей, которая насчитывала около 26 тысяч экспонатов.

В 1884 г. он преподнес ее Оксфордскому университету в дар с условием открытия в нём кафедры антропологии, где развивались бы распространенные в то время идеи эволюционизма. Вскоре на базе подаренной коллекции был открыт музей Питт-Риверс, в котором стали храниться и экспонироваться археологические и антропологические коллекции Оксфордского университета. Музей в целом сохранил свою первоначальную организацию экспозиций, как было прописано в договоре дарения. Предметы расположены на выставке в соответствии со способами их использования, а не по географии своего происхождения. Музей Питт-Риверс стал также местом обучения студентов университета, что сближает его с Учебным отделением восточных языков при Азиатском департаменте МИД Российской империи. Роднит оба учебных заведения и тот факт, что в Музей Питт-Риверс передавали коллекции чиновники, а также профессора и студенты [280].

Масштаб коллекционирования Питт-Риверса и Петровского заметно отличался: Питт-Риверс составил огромную коллекцию, которая в будущем заложила основу для целого музея. Собрание Петровского состояло из около 3 тыс. предметов и чуть менее 600 рукописей и фрагментов рукописей, которые образовали отдельные музейные фонды в Эрмитаже и Азиатском музее Академии наук. Петровский занимался розыском предметов, важных для развития науки, и в то же время он работал в контексте соперничества с британскими коллегами. Важно, что коллекционирование было частью дипломатической деятельности Петровского как участника «Большой игры». В истории коллекционирования памятников Востока есть еще несколько примеров работы российских дипломатов по собиранию памятников в атмосфере соперничества с европейскими коллегами. Одним из них является пример дипломата в Сиаме Г. А. Плансона, чей интерес к культуре этой страны возрастал вместе с борьбой за первенство по коллекционированию

предметов старины. В своих дневниках Плансон писал об активном собирании буддийских памятников европейскими дипломатами, пребывавшими в то время в Сиаме: «Все французы <...> все коллекционируют. Не мудрено, что ничего не остается для нас» – сетовал он [238, с. 31].

И Петровский, и Плансон последовательно коллекционировали типологически однородные предметы, относящиеся к одной культуре. Петровский собирал рукописи и малую пластику домусульманской культуры Восточного Туркестана, а Плансон составил коллекцию сиамской буддийской скульптуры. С случае с коллекционированием полковника Питт-Риверса можно наблюдать иную тенденцию. Его интерес к составлению коллекции хорошо иллюстрирует фотография «Биллиардный стол антиквара», хранящаяся в музее Питт-Риверс. На ней изображен интерьер комнаты в доме Рашмор-Хаус, принадлежавшем полковнику. Биллиардный стол, символ утонченного времяпрепровождения английского джентльмена, уставлен десятками ваз, разнообразных археологических предметов, ящичков и других приспособлений, а на первом плане выделяется человеческий череп. Хильда Петри, жена египтолога Уильяма Флиндерса Петри, оставила воспоминания о своем визите в Рашмор-Хаус в 1898 г.: «Зал состоял из двух огромных комнат, набитых всевозможными предметами, а коридор, заставленный по всему полу заставленными диковинками, вел в бильярдную, стол которой был завален римско-британской бронзой и десятками ранних сирийских стеклянных ваз» [264, с. 111].

В отличие от своих российских коллег, Питт-Риверс собирал типологически разнородные предметы, относящиеся к разным эпохам и культурам. Этот подход был довольно типичным для стиля британского коллекционирования: стоит вспомнить, к примеру, знаменитый музей Джона Соуна, ставший домом для колоссальной коллекции самых разнообразных артефактов и произведений искусства со всего света. Точно так же, как и Соун, Питт-Риверс завещал не вносить принципиальных изменений в

принцип экспозиции. Построенная в духе кунсткамеры коллекция Питт-Риверса должна была поражать воображение, и в то же время её целью было иллюстрировать доминировавший в европейской науке дарвинистский подход. Коллекция должна была демонстрировать идею прогресса и эволюции человеческой культуры от простого к сложному. Эта идея подспудно вела к мысли о том, что культуры можно выстроить иерархично – от примитивных к наиболее развитым.

Что же касается восточных коллекций отечественных дипломатов, то они так или иначе стремились влиться в состав коллекций Академии наук и несли, в большинстве своем, научную ценность – не ради подтверждения каких-либо теорий, но для создания эмпирической базы для дальнейших исследований. Эти предметы были важны для освоения российскими специалистами восточных регионов и приближения к культурам стран Востока, приобретая тем самым свою новую утилитарную функцию.

Рассмотренные в данной работе восточные коллекции складывались постепенно, что отражало ту осторожность, с которой строились международные отношения и налаживались дипломатические контакты на Востоке. При этом Российская империя находилась в русле европейской культуры и политики взаимоотношений со странами Востока. В тесной связи с европейскими научными кругами находились и отечественные востоковеды, а также некоторые дипломаты-коллекционеры. Например, с первых лет своей дипломатической службы П. Л. Шиллинг, работавший поначалу переводчиком при российском посольстве в Мюнхене, имел возможность сблизиться со многими европейскими учеными. В Мюнхене Шиллинг часто посещал собрание ученых «Музеум», испытал сильное влияние идей Александра и Вильгельма Гумбольдтов [255, с. 221]. В 1814-1815 гг. он много общался с учеными и востоковедами Парижа, куда он прибыл, находясь в составе действующей российской армии [255, с. 222].

Обращение к собственному прошлому, его осмысление и последующая музейная репрезентация были широко использованы музейными деятелями

эпохи Просвещения и позднейшего времени. Распространение кунсткамер в Европе в XVII-XVIII вв. привело ко внедрению взглядов о Востоке и другом неевропейском мире как об экзотическом «другом». Музеи стали воплощать и материализовывать отделение Европы от этого иного мира [121]. Готовилась встать на этот путь развития и Российская империя, прежде всего – её новая столица Санкт-Петербург с его складывающимися музейными коллекциями. Строительство отечественных музеев и формирование музейных фондов в столице Российской империи происходило с ориентацией на опыт ведущих европейских стран. Показательным примером может послужить история коллекций Императорского Эрмитажа, возникшего благодаря решительным действиям императрицы Екатерины II по покупке нескольких крупных коллекций произведений искусства в Берлине, Дрездене, Париже и Лондоне. Ярким примером имперского музея стала Кунсткамера в Санкт-Петербурге, собиравшая в своих стенах разнообразные редкости с территории всей страны, а позднее – и всего мира.

Отчуждающий подход к культурам восточных стран, распространенный в странах Запада, был позднее подвергнут критике в постколониальных исследованиях. Э. Саид ограничил свою влиятельную работу «Ориентализм» Великобританией и Францией: именно в этих странах ориентализм был в наибольшей степени институционализирован [208]. «Восток» в культурном отношении (“Orient”) противопоставляется «Востоку» в отношении географическом (“East”). Именно от первого понятия происходит слово «ориентализм», которое стало европейской идеей Востока: «Ориентализм — это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различении «Востока» и (почти всегда) «Запада» [208]. Поясняя свое определение, Саид пишет, что ориентализм распространяет геополитическое сознание на эстетику, литературу, а также экономические, социологические, исторические и филологические тексты [20, с. 17]. Целью ориенталистского типа мышления было поддержание империалистических интересов империй и сохранение их господства в колониях.

Ориентализацией в таком случае называют описание иных народов и стран как «восточных» с использованием дискурса ориентализма.

Что же касается Российской империи, то в связи с её необычным географическим положением и многовековой историей экспансии на восточные регионы, отношение в Востоку в нашей стране представляло собой набор конкурирующих дискурсов. Именно в XIX в. появилось множество различных взглядов на Восток и мнений относительно соотношения с ним России. Осмысление Россией своего места в мировом пространстве долгое время происходило в контексте спора западников и славянофилов. Первые утверждали о цивилизационной близости России к Европе, а вторые настаивали на собственном, независимом характере её исторического развития. В результате развития русской философской мысли Восток и Запад, как писал Ю. М. Лотман, стали представлять собой «насыщенные символы» в культурной географии России, лишь только опирающиеся на известную географическую реальность [139, с. 746].

Начиная с рубежа XVIII-XIX вв. Россия стремилась попасть в число наиболее влиятельных держав, принимая активное участие в международных отношениях. Для этих целей выстраивалась внешняя политика Российской империи с акцентом на достижение того влияния на Востоке, которого она прежде не имела. Автор исследования, посвященного образу Востока в Российской империи, канадский ученый Схиммельпэннинк ван дер Ойе отмечает, что русская философская мысль традиционно задавалась вопросами о взаимоотношениях России с Европой, но не с Азией [227, с. 18]. По мнению ученого, русские начали «осознавать Азию как отдельный континент» [227, с. 551] во времена Петра I, чья политика была направлена на превращение России в европейскую державу. Уверенность в европейской идентичности русских пришлась на век Екатерины II, а начало наиболее плодотворных размышлений о собственном месте в мировом пространстве совпал с эпохой романтизма [227, с. 552].

Желая сформулировать свою роль как великой державы на Западе и на Востоке, Россия конструировала свою идентичность как по отношению к Европе, так и по отношению к Азии. Особенность России в этом отношении объяснялась следующим: подъем востоковедения в России происходил не в контексте либерально-буржуазного государства как на Западе, а в рамках самодержавия, которое охраняло свои права на формирование и определение социального организма России [271, с. 99]. Российские чиновники на Востоке империи пользовались той властью, которая исходила именно из системы государственного администрирования. На примере В. В. Григорьева Н. Найт показывает, что при попытке использовать ресурсы востоковедения для ведения политики он столкнулся с безразличием со стороны властей [271, с. 99]. Вместе с этим, как указывает Н. Найт на примере Н. Я. Бичурина, власти оставляли достаточно места для маневра индивидуальным ученым и исследователям, вовлеченным в государственную систему [271, с. 99].

Схиммельпэннинк ван дер Ойе пишет, что внутренняя мотивация многих российских востоковедов простиралась за границы государственных соображений. Исследователь также признавал неоднородность и сложность представлений россиян о Востоке, что нашло отражение и в работе востоковедов, с большим уважением и пониманием относившихся к изучаемым народам. Ученый особенно выделяет в этом ряду востоковедов из Санкт-Петербурга, которым не свойственно было соотносить культурное наследие древних восточных народов с их современным положением [227, с. 492]. Н. Найт указывает, что российская этнография ставила своей целью служить средством изучения и различения, а не сглаживания этнического многообразия населения империи [271, с. 99].

XIX в. в целом был отмечен возросшим интересом россиян к восточным культурам. Подтверждением тому служит и большое число складывавшихся именно в этот период коллекций восточных памятников. Нельзя оставить без внимания общий культурный фон российского общества, исполненный живого интереса к культуре и духовному миру

Востока, в особенности, на рубеже XIX-XX вв. Это отразилось на деятельности музеев, расцвете востоковедения, на востребованности широкой публики в литературе по Востоку и в переводах оригинальных сочинений с восточных языков. В столице Российской империи проживало немало носителей мусульманской культуры, а также буддистов. В 1909 г. в Санкт-Петербурге был построен буддийский храм «Дацан Гунзэчойнэй», а в 1913 г. – Санкт-Петербургская соборная мечеть. В 1919 г. в помещениях Русского музея состоялась Первая буддийская выставка в Петрограде.

Вместе с этим с начала XIX в. в западной культуре наблюдались оформление и расцвет ориентализма: акцент делался на якобы не преодолеваемых различиях между культурами Запада и Востока, подспудно выстраивались культурные иерархии. Как справедливо указывает А. И. Рейтблат, в России этот сконструированный тип был также представлен, но он конкурировал с другими типами отношения к «Востоку». Это привело к тому, что «ни у государственной администрации, ни в востоковедении как научной дисциплине, ни в искусстве, ни в массовом сознании не сложился единый целостный образ «Востока», а существовали разные образы» [208]. Найт также полагает, что отношение к Востоку в Российской империи отражало собой набор конкурирующих дискурсов [271, с. 100]. Как считает Схиммельпэннинк ван дер Ойе, «в России никогда не было единого мнения по поводу Азии» [227, с. 34]. Из этих различных восточных образов можно было выделить Дальний Восток (Китай, Япония, Корея), Среднюю Азию (как Российские, так и заграничные владения), Сибирские земли и Кавказ.

Иными словами, «Восток» в России не был тем монолитным комплексом представлений, который распространился в Западной Европе. Прежде всего, это было связано с тем, что он составлял значительную часть территории самой Российской империи. К её восточным территориям в XIX-начале XX вв. относились такие регионы как Кавказ (Кавказский край), Сибирь, среднеазиатские владения. Именно в азиатские владения России

направлялось наибольшее число экспедиций подконтрольного МИДу «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии». Множество уникальных памятников – археологических находок, а также фотографий, рисунков и чертежей было доставлено отечественными исследователями из этих поездок. Среди них преобладали археологические и этнолингвистические экспедиции, связанные с изучением культур местных народов и проводившиеся при участии краеведов.

Другой, «внешний» и далекий по отношению к России Восток был представлен как независимыми государствами, так и колониями европейских стран. Независимыми государствами-монархиями той поры были Османская империя, Персия, Цинская империя, Японская империя, Корейская империя (1897-1910 гг.), Сиам, Афганистан. Россия налаживала дипломатические связи с Тибетом и Монголией, получившими суверенитет в 1913 и 1911 г. соответственно. Индия и Цейлон входили в состав Британской империи, а Индокитай был колонией Франции.

Зарубежные экспедиции «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» направлялись в Китай, Монголию, Тибет. Китай, а именно граничивший с территорией Российской империи Восточный Туркестан, был приоритетным направлением его работы. Знаменитые Русские Туркестанские экспедиции С. Ф. Ольденбурга в Синьцзян и соседнюю провинцию Ганьсу, в архитектурный комплекс Дуньхуан (Могао, «Пещеры тысячи будд») (1909-1910; 1914-1915 гг.) позволили собрать значительное количество материала по раннему буддийскому искусству — живописи, скульптуры, памятников письменности из древних пещерных храмов в оазисах вдоль трасс Шелкового пути. Сегодня, даже спустя сотню лет освоение этого материала ещё продолжается в отечественных научных учреждениях и музеях, где эти памятники хранят, изучают, реставрируют и экспонируют [197]. Таким образом, экспедиционная активность Русского комитета, в которой были заняты видные отечественные ученые, проводилась как на территории азиатской части Российской империи, так и за её пределами, помогая

углубить представления россиян о разных уголках восточного мира. Работа этой руководимой МИДом организации отразила широту (и в географическом, и в проблемном плане) научных поисков отечественного востоковедения, которой оно достигло к первым десятилетиям XX в.

Цели формирования музейных коллекций восточных памятников в Российской империи были проанализированы с помощью обращения к истории взаимодействия высшего чиновничества и ученых, а также с помощью рассмотрения особенностей восприятия восточных культур, характерного для представителей отечественного востоковедения. Затронутые конкретные случаи взаимодействия ученых-востоковедов, а также дипломатов-коллекционеров с представителями власти (министрами) показали, что государство не предоставляло какой-либо продуманной программы по пополнению музейных фондов памятниками Востока и не стимулировало к выработке таких программ. Тем не менее, высшее чиновничество склонялось к поддержке инициатив ученых, нацеленных на дельнейшее развитие восточных коллекций, ценных для науки. Было замечено, что осознание научной важности азиатских коллекций возрастало с течением времени.

Характер формирования коллекций восточных памятников стал следствием особого отношения к Востоку в Российской империи. Российское востоковедение было рассмотрено в ракурсе проблемы ориентализма, что позволило выделить следующие отличительные черты в работе с культурным наследием народов Востока: ориентированность на решение практических государственных задач, стремление к равноправному сотрудничеству, тактичный подход к составлению коллекций. Эти черты стали следствием особого внимания нашей страны к своим восточным соседям, которое отличалось от ориенталистского подхода, получившего распространение в колониальных империях Запада.

В Российской империи власть предоставляла ученым и исследователям, вовлеченным в государственную систему, довольно много

возможностей для независимого развития. Это позволило петербургским востоковедам рубежа XIX-XX вв. прийти к осознанию существования тесной связи между наукой и властью и даже предвосхитить многие положения постколониальной критики. На практике это позволило сформироваться особенному, бережному («культуросберегающему») подходу к памятникам материальной культуры, добываемым в экспедициях и привозимым в Санкт-Петербург. На первый план выходила задача сохранения памятников для их дальнейшего изучения, интегрированного в процесс построения отношений с восточными соседями России и с восточными регионами внутри самой страны. Напрашивается вывод, что основной мотивационной предпосылкой для комплектования отечественных музейных фондов памятниками Востока было сохранение ценных памятников, представлявших собой эмпирическую базу для дальнейших востоковедческих исследований как теоретического, так и практического характера.

В первой главе было рассмотрено несколько ключевых аспектов в истории взаимодействия МИДа и петербургских музеев. Выявленные пути формирования коллекций, обозначенная роль музеев как центров востоковедческого знания и указанные цели составления собраний памятников позволяют теперь сформулировать систему взаимодействия государственного ведомства и столичных музеев. Наглядным образом она отражена в соответствующей схеме (См. Приложение А). В своей работе, связанной с восточным направлением, и столичные музеи, и Министерство иностранных дел испытывали влияние тех задач, которые стояли перед государством: налаживание и поддержание контактов с восточными странами и регионами, распространение там своего политического влияния.

На пути перехода восточных коллекций в музейные собрания МИД принимало участие в качестве одного из важных действующих лиц. Роль МИДа в формировании коллекций могла быть как прямой, так и косвенной. Прямая, или непосредственная роль ведомства прослеживалась при формировании таких типов коллекций как личные (частные) и

ведомственные. К первому типу относятся коллекции, составляемые дипломатами на местах своей службы за границей для себя и/или для музея или научного центра. Ко второму типу относятся ведомственные коллекции МИДа, формировавшиеся в результате служебной, учебной и научной деятельности сотрудников ведомства: это коллекции Учебного отделения (Института) восточных языков при Азиатском департаменте (нумизматический кабинет и библиотека), коллекции самого Азиатского департамента (хранилище редкостей и библиотека) и коллекции Московского архива МИД (См. Приложение Б). Указанные типы собраний – частные и ведомственные соответствуют первому и второму уровню формирования коллекций. Более высокий уровень означает большую сложность процесса, подразумевает вовлеченность большего числа лиц в историю формирования коллекции и её непосредственное применение.

На третьем уровне формирования коллекций находятся те собрания азиатских памятников, которые были составлены при косвенном участии МИДа. Самим своим существованием ведомство создавало здесь необходимые условия для зарождения коллекций, при этом затруднительно выделить главных действующих лиц из представителей этого ведомства, которые бы оказали здесь решающее влияние. Третьему уровню соответствует способ формирования коллекций, названный государственным, или межгосударственным: для образования коллекции потребовалось задействовать государственные ресурсы, войти в соприкосновение с дипломатическими и правительственными кругами других стран. На этом уровне находятся два типа коллекций: дипломатические, или посольские, дары и находки экспедиций. Особую роль Министерству иностранных дел довелось сыграть в организации деятельности «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении», доставившем множество находок как из восточной части Российской

империи, так и из-за рубежа, в первую очередь с территории Цинской империи.

Все типы коллекций, составленные благодаря деятельности МИДа, сообщались с музейными собраниями Санкт-Петербурга. Коллекции дипломатов передавались в музеи при жизни коллекционеров или их наследниками. Некоторые музеи через своих директоров могли входить в контакт с крупными дипломатами в желании обзавестись памятниками, которых недоставало в их коллекции: так поступал директор Музея антропологии и этнографии В. В. Радлов, бывший в то же время председателем «Русского комитета». Так же, он отправлял запрос от своего музея участникам экспедиций, направляемых, в том числе, от этой подконтрольной МИДу организации. Находки экспедиций предназначались для музейных фондов. Санкт-Петербургские ведомственные коллекции МИДа не планировали к немедленной передаче в музейные собрания: они использовались в работе служащих Азиатского департамента и в учебе студентов Института восточных языков. При этом еще до Октябрьской революции значительная их часть была направлена в крупнейшие столичные музеи. Часть дипломатических даров российской императорской семье от правителей стран Востока также направлялась в музей, как и подарки российским дипломатам от их зарубежных коллег.

Было обнаружено, что определяющим фактором, заставлявшим МИД и столичные музеи входить во взаимодействие друг с другом, было развитие востоковедения. Научное знание о Востоке в России не было сугубо теоретическим, но находилось в тесной связи с практическими задачами по развитию международных отношений. Музеи с восточными коллекциями служили прежде всего незаменимыми источниками информации об истории и культуре стран и регионов Азии, были важнейшим подспорьем в деятельности ученых. Несмотря на то, что власти не регулировали напрямую расширение музейных фондов, император и высшее чиновничество стремились к поддержке деятельности ученых, что и нашло выражение в

умножении музейных коллекций с памятниками Востока. Научные цели объединяли дипломатов-коллекционеров, служащих, трудившихся над созданием ведомственных коллекций МИДа, и участников экспедиций, которые курировались этим ведомством, – с одной стороны и музейных сотрудников с другой. Таким образом, все они приняли участие в расширении научной базы востоковедения, отвечавшего в рассматриваемый период высшим государственным интересам.

ГЛАВА 2. Типология азиатских коллекций, собранных в рамках деятельности Министерства иностранных дел

§ 1. Коллекции, составленные дипломатами на службе в странах Востока

Среди коллекций восточных предметов, собранных в рамках деятельности Министерства иностранных дел, первым рассмотренным типом станут частные коллекции дипломатов. Такой порядок изложения материала объясняется необходимостью внятно представить картину накопления памятников материальной культуры посредством деятельности МИДа. В связи с этим представляется целесообразным двигаться от более простых способов создания коллекций к более сложным. Сравнительная простота заключается здесь в том, что на уровне частных коллекций роль сотрудников МИДа прослеживается наиболее четким образом, ясно видны усилия конкретных участников процесса – поставщиков предметов, собирателей и их консультантов. Хорошо прослеживается типологический характер и число предметов в коллекциях, которые сосредоточены сегодня в небольшом количестве музеев Санкт-Петербурга. Также во многих случаях сохранилась документация процесса отбора памятников, отраженная в дневниковых записях и переписке. В целом информация о частных коллекциях дипломатов дошла до нас в достаточно полном объеме, чем объясняется и то особое внимание, которое уделено именно этому типу коллекций. В работе собраны сведения о дипломатах МИДа, работавших над восточными коллекциями в рассматриваемый период. Стоит, однако, признать, что для настоящего исследования собрать абсолютно все имена – невыполнимая задача, подразумевающая длительную кропотливую работу в нескольких музейных архивах. Такую задачу, например, поставил для себя коллектив сотрудников

МАЭ, работающий над проектом «Созидатели Кунсткамеры» [125]. Оговоримся, что настоящей работе собраны лишь те сведения, которые уже опубликованы в открытых источниках. Полагаем, что они все же позволяют составить общую картину собирательства восточных предметов отечественными дипломатами в 1802-1917 гг., необходимую для осмысления исследуемого феномена. В будущих исследованиях картина эта может дополняться, обогащаться новыми именами, сведениями и подробностями. Характеристика собраний русских дипломатов-коллекционеров в странах Востока представлена в хронологическом порядке составления коллекций. Перечень с кратким описанием собраний не претендует на абсолютную полноту и требует дальнейших архивных разысканий, которые необходимы как для восполнения недостающих сведений из биографий дипломатов, так и для обнаружения новых фамилий коллекционеров.

Тема настоящей исследовательской работы подразумевает наличие определенных рамок, предметно очерчивающих и в то же время неизбежно ограничивающих объект исследования. Мы вынуждены ограничиться деятельностью лишь одного ведомства: будут рассматриваться только те коллекции, чьи собиратели служили в Министерстве иностранных дел. Необходимо в то же время понимать, что история коллекционирования на Востоке государственными служащими – тема гораздо более обширная. Русские востоковеды-коллекционеры были хорошо представлены и в других государственных ведомствах и структурах за рубежом. Например, востоковед-иранист Л. Ф. Богданов, который перед Первой мировой войной систематически пополнял собрание Азиатского музея мусульманскими рукописями, был служащим Русско-персидского банка в Тегеране [18]. К. П. фон Кауфман (1818-1882), обогативший тот же музей рукописями из Средней Азии в 1874 г., служил первым генерал-губернатором Туркестанского края [18]. В связи со сказанным выше не будет рассматриваться знаменитая коллекция Центрально-Азиатского буддийского искусства князя Э. Э. Ухтомского (1861-1921), который хотя и выполнял

дипломатические задачи в Китае, Монголии и на Востоке Российской империи, но чиновником МИДа все же не являлся. Ухтомский служил в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел.

Заявленные институциональные и хронологические рамки побуждают оставить в стороне деятельность дипломатов до 1802 г., когда задачи Министерства иностранных дел выполнялись служащими Коллегии иностранных дел. Аналогичным образом, с приходом Советской власти карьера многих дипломатов не прервалась (См., напр., [225]), были продолжены и традиции их культурной деятельности. Одним из показательных примеров дипломата-востоковеда и коллекционера советского времени является Борис Иванович Панкратов (1892–1979) – крупный специалист по Дальнему Востоку 1930–70-х годов. В годы своей дипломатической работы в Китае, поездок по Монголии и Бурятии Панкратов занимался собиранием восточной живописи, графики и предметов культа. После смерти дипломата эти предметы были приобретены Государственным Эрмитажем; собрание тибетского искусства Б. И. Панкратова насчитывает в музее 289 произведений [87, с. 97].

Одним из первых ярких представителей дипломатов-коллекционеров на Востоке эпохи МИДа был барон ***Павел Львович Шиллинг фон Каништадт*** (1786-1837). Человек разносторонних научных интересов, физик и востоковед, Шиллинг находился на службе в Министерстве иностранных дел с самого его основания – с 1803 г. Письменные памятники восточных культур, собранные им за годы востоковедческой деятельности, составили несколько внушительных коллекций. Благодаря службе в МИДе ученый стал крупнейшим знатоком и коллекционером восточных литературных памятников своего времени. Барон получил широкую известность как изобретатель электромагнитного телеграфа. Он также прославился тем, что основал первую в России литографскую мастерскую. Открыта она была в Коллегии иностранных дел в 1816 г. для изготовления копий документов, в

особенности циркуляров для рассылки по заграничным учреждениям [256, с. 20; 186, с. 95]. В литографии ученый много и успешно экспериментировал над копированием китайских письменных знаков.

В 1819 г. Шиллинг поступил на службу во вновь открытый Азиатский департамент [255, с. 222]. К 1828 г., когда ученый был избран в члены-корреспонденты Императорской Академии наук по разряду литературы и древностей Востока [256, с. 252], он уже обладал достаточно редкой по тем временам коллекцией тибетских, монгольских, китайских и японских сочинений [255, с. 222]. В собрание Азиатского музея Шиллинг передал 2 рукописи из своего собрания еще в 1821 г. [18]. Собрать коллекцию редких рукописей Шиллингу помог известный переводчик с монгольского языка и обладатель внушительной востоковедческой библиотеки А. В. Игумнов, проживавший в Восточной Сибири [255, с. 222-3]. Собрание Шиллинга было куплено Николаем I в 1830 г. для Министерства народного просвещения, а в 1835 г. оно перешло в коллекцию Азиатского музея [255, с. 224, 246]. Коллекция представляла собой 314 единиц (в общей сложности более 2600 томов) китайских, маньчжурских, японских, монгольских, тибетских, индийских сочинений. Основную часть составляли работы по восточным языкам, затем шли работы по истории и географии, классические и философские произведения, научные труды и другого рода литература, а также карты [255, с. 246].

Составлению новой коллекции Шиллинга способствовал интерес Министерства иностранных дел к распространению буддизма в Бурятии. В 1830-1832 гг. Шиллинг организовал экспедицию в Восточную Сибирь, к границам Китая, чьей главной целью была оценка состояния торговли, а также распространения буддизма в регионе. Подготовкой поездки занимался Е. Ф. Тимковский [255, с. 228], начальник отделений Азиатского департамента в 1820-х гг., который побывал в Китае в качестве пристава Русской духовной миссии, о чем написал получившее широкую известность трехтомное сочинение «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821

гг.». В экспедиции Шиллинга принял участие знаменитый ученый и основатель отечественной синологии архимандрит Иакинф (Н. Я. Бичурин; незадолго до этого благодаря стараниям Шиллинга Бичурин был зачислен в штатные сотрудники Азиатского департамента – [256, с. 39]), в связи с чем деятельность экспедиции вышла за пределы своих заранее поставленных задач [255, с. 228]. «Так как уже в течение долгого времени я занимался собиранием различных материалов, касающихся истории, политики и религии народов Центральной Азии, я решил не пренебрегать ничем, что можно было бы обратить, в пользу для моих изысканий в столь благоприятных обстоятельствах», – писал Шиллинг в Академию наук в своем отчете об экспедиции [255, с. 226]. Центром экспедиции стал город Кяхта, благодаря чему ученый смог изучать богатые книгохранилища в близлежащих к нему дацанах [255, с. 229].

В ходе этой научной поездки Шиллингом была собрана внушительная коллекция рукописей – тибето-монгольских литературных памятников, костюмов, предметов культа. Всего в ней насчитывалось более 6000 наименований литературных произведений [255, с. 247]. Часть сочинений по буддизму и науке были подарены Шиллингу местным духовенством и паломниками в знак особого расположения к необыкновенному дипломату, проявившему свои глубокие знания и уважительное отношение к святыням. В Бурятии Шиллинга даже стали принимать за воплощение одного из божеств буддийского пантеона [255, с. 234-5]. В 1831 г. дипломат обязался оказать технологическую помочь Субулинскому дацану в создании одного из религиозных предметов, за что получил в дар наиболее ценное буддийское собрание трактатов – тибетский «Ганджур» [255, с. 235]. Другая часть доставленного в столицу наследия бурятов представляла собой списки со священных книг – уникальных сочинений, созданные в Кяхте специально по инициативе Шиллинга [255, с. 235]. Третья часть коллекции состояла из присланных по просьбе Шиллинга книг из Пекина: они были заказаны им через пристава Русской духовной миссии подполковника Ладыженского

[255, с. 247]. По словам Л. И. Чугуевского, выполнившего описание документального фонда П. Л. Шиллинга в Институте востоковедения РАН (наследнике собрания Азиатского музея), Шиллинг был во многом обязан стараниям Петра Каменского, Николая Вознесенского, Захара Леонтьевского, Дмитрия Честного и других представителей Русской духовной миссии, специально занимавшихся выполнением его заказов в Китае [256, с. 259]. Были в коллекции и подарки, поступившие от членов миссии и других частных лиц [256, с. 259]. Вся эта коллекция (включая библиотеку, купленную у Игумнова) была приобретена Азиатским музеем после смерти ученого [255, с. 247]. Также Шиллингом была составлена коллекция дубликатов имеющихся у него сочинений. Она была передана ученым в библиотеку Азиатского общества в Париже, членом-корреспондентом которого он являлся [255, с. 248].

Коллекция разнообразных предметов легла в основу «Китайского музеума» Шиллинга, который был открыт в его квартире на Царицыном лугу в доме Адамини и привлекал много посетителей [106, с. 166]. Шиллинг жил здесь со времени возвращения из экспедиции в 1832 г. до своей смерти в 1837 г. В квартире были представлены как рукописи, так и культовые предметы, костюмы. После смерти ученого эти предметы были отправлены в коллекцию Азиатского музея. Известно также, что в 1841 г. в Этнографический музей поступила коллекция Шиллинга, переданная его наследниками [114, с. 212]. В музее она была разделена на две части: первая состояла из 494 различных культовых предметов (составляли 194 номера), а вторая из 204 (72 номера) таких предметов как статуэтки, картины и иконы [114, с. 215-216].

К сожалению, сведения об устройстве и работе частного музея Шиллинга практически отсутствуют. Известно, что в этой пятикомнатной квартире в доме Адамини 9 (21) октября 1832 года Шиллинг впервые публично продемонстрировал изобретенный им электромагнитный телеграфный аппарат [148, с. 72]: «Для демонстрации передатчик был

установлен в одном конце здания, где собирались приглашенные, в небольшом зале, а приемник – в другом конце, в рабочем кабинете П. Л. Шиллинга, так называемой «китайской комнате». Получилось расстояние, превышавшее 100 м. Первая телеграмма, состоявшая из 10 слов, на глазах у собравшихся была лично принята по электромагнитному телеграфу П. Л. Шиллингом моментально и верно» [256, с. 96]. На гравюре Егора Гейтмана Шиллинг запечатлен сидящем в своем рабочем кабинете, «китайской комнате» (Воспр.: [256, с. 57]). За его спиной и сбоку – шкафы, уставленные приборами, а наверху – украшенные восточными, предположительно китайскими, статуэтками.

Не имея специального востоковедческого образования, П. Л. Шиллинг смог применить свой выдающийся талант дипломата, направив его на развитие научных знаний об интересующем его предмете. Коллекции Шиллинга были не случайными приобретениями, но результатом целенаправленной работы, вдохновляемой его интересами как ученого-востоковеда. Другой немаловажной особенностью, как отмечают исследователи научного творчества Шиллинга, было владение им целым комплексом знаний из различных областей [256, с. 121] – знаний, обогащавших друг друга и позволивших дипломату добиться немалых успехов.

Среди дипломатов-востоковедов, которые помогали П. Л. Шиллингу в составлении его коллекции рукописей, был ***Захар Федорович Леонтьевский*** (1799-1874), один из крупнейших российских синологов середины XIX в. [243, с. 233]. С Шиллингом его роднит наличие собственной коллекции восточных предметов, а также опыт открытия частного музея на основе собранной коллекции. Интересно, что музеи обоих коллекционеров были открыты в Санкт-Петербурге приблизительно в одно и то же время и оба были посвящены культуре Дальнего Востока и Центральной Азии. В отличие от музея Шиллинга, музей Леонтьевского просуществовал гораздо дольше и получил освещение в прессе.

З. Ф. Леонтьевский служил в Азиатском департаменте МИД переводчиком (драгоманом) с 1832 по 1866 г. Собрать свою коллекцию восточных памятников ему позволила командировка в Китай в 1820-1831 гг. в составе 10-й духовной миссии под начальством архимандрита Петра (П. И. Каменского). Леонтьевский отправился в Китай, не окончив курса математического факультета Петербургского университета и воспользовавшись предложением Азиатского департамента. Леонтьевский собирал не только книги и манускрипты, но и акварели китайских художников, китайские географические карты и предметы быта. Разнообразие предметов в его коллекции, сочетавшей как произведения искусства и библиотеку, так и безделушки, говорит о том, что их собиратель живо интересовался самыми разными сторонами жизни современного ему Китая. По словам Е. В. Нестеровой, исследователя деятельности Леонтьевского, драгоман ставил перед собой помимо чисто научных «культуртрегерские задачи» [170, с. 50]. Его «Кабинет китайских редкостей» был открыт для публики на Васильевском острове, на углу 7-й Линии и Среднего проспекта в доме № 53 [122, с. 23], и насчитывал около 150 предметов [170, с. 50].

В небольшом музее Леонтьевского была представлена живопись — портреты китайской императорской семьи и приближенных, пейзажи, бытовые сценки; географические карты, рукописи и книги, предметы быта и одежда. Описание экспонатов появилось в печати: оно было приведено в газете «Северная пчела» за август 1832 г. в разделе «Путешествия» [45; 46; 47]. Автор газетной статьи «Кабинет китайских редкостей, принадлежащий З. Ф. Леонтьевскому, члену смененной ныне Российской миссии в Пекине» В. П. Бурнашев разделил экспонаты на шесть категорий и подробно описал каждую из них. Местами он приводил описание характера изображений и делился личными впечатлениями от увиденного. В исключительных случаях Бурнашев рассказывал об обстоятельствах приобретения того или иного

предмета. Все это помогло ему создать подобие небольшого путеводителя к экспозиции.

Бурнашев пишет: «…Поелику доселе еще почтенный владелец оного <кабинета> не обзавелся порядочным каталогом, то и никак невозможно утвердительно определить числа сих вещей, кои состоят: 1) Из портретов ныне царствующей Фамилии и особ, приближенных ко Двору» [45]». В этой категории находились портреты царствовавшего в то время императора и императрицы, вдовствующей императрицы, покойного сына императора, «первой объявленной любимицы Императора» [45] и первого министра царства Сы-Эня [46]. Автор сообщения отмечает, что изображения китайских царствующих особ неизвестны в Европе. Дело в том, что в Китае частных лицам запрещено иметь у себя портреты императоров и их семей. Далее Бурнашев сообщает: «Г. Леонтьевский в течение лет пяти добивался до того, чтобы втайне добыть лишь одни очерки сих пяти портретов, за что множество передарил драгоценных Европейских безделушек; достав сии очерки, он немедленно, и все под сенью самой величайшей тайны, поручил одному живописцу полу-китайцу, полу-европейцу заняться рисовкою сих пяти портретов на бумаге и во весь рост» [45]. Затем описываются изображения с комментариями относительно иконографии представленных лиц, приводятся некоторые сведения о современной истории Китая [45; 46].

Вторая группа памятников состояла из «множества картин с изображением видов, обыкновений, положений частной жизни, мебелей, произведений природы и проч.» [45]. В этом разделе находились пейзажи, изображения национальных костюмов «и значительное количество изображений свадеб, похорон, гуляний, воинских игр и смотров, парадов и пр.» [46]. Третья группа представляла собой «несколько занимательных чертежей, планов и географических карт» [45], в том числе план Пекина и карту всей Цинской империи [46]. Четвертая группа предметов вместила в себя значительное количество «разных манускриптов и печатных в Китае книг» [45]. Здесь была как новая, так и старая, а также древняя китайская

литература, к обсуждению которой автор сообщения, однако, не приступает, сознаваясь в недостаточности знаний о предмете [46]. Пятая группа представляла собой мелочи — «разного рода вещицы, принадлежащие к столу, кабинету, туалету, препровождению времени и пр. порядочного человека в китайском вкусе». В эту категорию вошли листы бумаги, палочки для еды, веера, посуда, прибор для письма, краски, бритвы, курительные свечи, деньги, принадлежности для курения, изделия из камня. Шестая группа предметов в «Кабинете китайских редкостей» — это многочисленные платья, головные уборы, обувь, мужские и женские украшения, иным словом – «костюмы всей званий и всех состояний». Автор статьи особенно выделяет в этом ряду корейский национальный костюм. Любопытным представляется упоминание о том, как Леонтьевскому удалось заполучить шляпу от корейского костюма: «Шляпу сию ни за какие деньги не мог приобресть её теперешний владелец, а как бы вы думали, что смягчило корейца? Подарок портрета Российского Императора»» [45; 46; 47].

Бурнашев высоко оценивал экспозицию: «…признаюсь, никогда еще столь отчетисто (sic!), приятно, полезно, поучительно я ничего не видел и не рассматривал в пылу моего наблюдофизма (sic!), – ежели позволено будет так выразиться, как Кабинет Г-на Леонтьевского» [45]. Он также отозвался об уровне осведомленности Леонтьевского о Китае, сравнив его со знаниями Бичурина и других ученых-членов духовных миссий и противопоставив им чисто теоретическое знание других специалистов по Китаю. Из заметки в «Северной пчеле» следует [47], что Леонтьевский лично принимал гостей и рассказывал им о своем собрании. Автор сообщения высказывал надежду на выпуск каталога коллекции [46].

В 1868 г. Кабинет редкостей был разделен своим создателем на предметную часть и печатные и изобразительные материалы. Коллекционер передал их в Этнографический музей [114, с. 212] и Императорскую Публичную библиотеку в Санкт-Петербурге соответственно [122, с. 24]. Вероятно, расформирование «Кабинета» было связано с тем, что

Леонтьевский выходил на пенсию, собирался покинуть Петербург и уехать на свою родину в Ярославль [170, с. 50]. Ранее Леонтьевский направил в Публичную библиотеку книги, специально собранные им в Китае для этой цели; значительную коллекцию восточных монет он подарил Академии Наук [243, с. 234], передал собранные им в Китае рукописи в Азиатский музей [228, с. 12].

Стоит отметить тот факт, что Леонтьевский собрал свою богатую коллекцию в рамках деятельности Русской духовной миссии в Пекине, и только по возвращении на родину поступил на службу в центральный аппарат Азиатского департамента. При этом нельзя упускать из виду то обстоятельство, что сама духовная миссия до 1864 г. находилась под контролем Министерства иностранных дел и курировалась чиновниками этого ведомства. В связи с этим необходимо обозначить еще несколько достойных упоминания коллекций восточных предметов, собранных членами миссии.

Одним из таких собраний была коллекция полковника ***Михаила Васильевича Ладыженского*** (1802-1875), военного и востоковеда, который был приставом 10-й Русской духовной миссии в Пекине с 1821 по 1830 г. (Приставами назначались либо чиновники МИДа с опытом дипломатической службы, либо военные в ранге подполковника или полковника – [104, с. 94]). Он сопровождал ту же миссию под начальством архимандрита Петра, в которой находился З. Ф. Леонтьвский, он же помогал П. Л. Шиллингу в составлении коллекции манускриптов. Собственная обширная коллекция пристава Ладыженского из более чем 300 номеров состояла из предметов китайского быта, в основном религиозного характера (жезлы «жуи», четки, ожерелья, свечи, гонги, статуэтки, свитки [111; 114, с. 215, 216]). Он также собрал большую коллекцию китайских рисунков с изображением городов и сценок бытового характера [209, с. 117].

По возвращении свою этнографическую коллекцию Ладыженский преподнес Николаю I, который передал ее в Академию наук. Сообщение о

приобретении коллекции было напечатано в прессе [114, с. 212]. Другая часть коллекции была направлена полковником в Азиатский музей в 1833 г.: в ней были этнографические предметы и художественные изделия [228, с. 12].

Пристав 12-й Русской духовной миссии ***Николай Иванович Любимов*** (1808-1875) вывез из Китая коллекцию китайских редкостей по поручению Министерства иностранных дел [13]. Часть была передана в Азиатский музей, а часть осталась в департаменте, постепенно увеличиваясь за счет передач других китайских, а также японских предметов от членов миссии (этот сюжет будет подробно рассмотрен в § 2.2.). Интересна и необычна карьера Любимова, в которой сочетался успех на дипломатическом поприще и продвижение как чиновника центрального аппарата Азиатского департамента. В 1828 г. Любимов закончил Московский университет и в тот же год поступил на службу в Министерство иностранных дел. В течение следующих нескольких лет его карьера успешно развивалась: в 1830 г. он был назначен начальником 1-го стола 2-го отделения, а в 1836 г.— начальником 2-го отделения Азиатского департамента. По возвращению из Пекина Любимов занял должность вице-директора Азиатского департамента, а в 1852 г., после успешного проведения важной разведывательной операции на территории Китая, – должность директора. В результате служебных перестановок Любимову пришлось покинуть МИД в 1856 г. и поступить на службу в Правительствующий Сенат, затем он уехал за границу. Последнее обстоятельство привело к тому, что деятельность Любимова как дипломата и чиновника МИДа оказалась впоследствии малоизвестной [104, с. 94-95].

Передачами от русских дипломатов существенно пополнялись фонды Азиатского музея – главного хранилища и научного центра по исследованию восточных рукописей в Санкт-Петербурге. В 1830-х гг. состоялось несколько передачей мусульманских рукописей от посола в Турции *А. П. Бутенева.* В 1836 г. 13 рукописей поступило от генерального консула в Смирне (Турция) *Ф. А. Иванова. А. Д. Жаба*, генеральный консул в Смирне и Тебризе (Иран),

отправил в Азиатский музей 11 рукописей в 1837 г. В 1874 и 1875 г. генеральный консул в Астрабаде (Иран) *Ф. А. Бакулин* (1846-1879) передал в Азиатский музей 4 мусульманские рукописи, а также собрание монет [18; 90]. *А. Д. Калмыков*, дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе (дипломатический чиновник в Туркестане был агентом Министерства иностранных дел [132]), отправил в музей 5 рукописей в 1891, 1908 и 1917 гг. [18]. Среди единичных поступлений от дипломатов были: рукописи от первого секретаря миссии в Тегеране *К. К. Боде* (1842 г.), генерального консула в Тебризе *Н. А. Аничкова* (1851 г.), директора Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД *П. И. Демезона* (1852 г.), консула в Астрабаде *В. В. Гусева* (1860 г.) [18].

Специально для Учебного отделения Азиатского департамента МИД собирали рукописи служащие дипломатических представительств Ф. А. Бакулин, *Г. Д. Батюшков, В. В. Безобразов, И. Г. Григорович, В. И. Игнатьев, А. Д. Левицкий, А. П. Орлов* и другие [107, с. 133; 90]. Этой коллекции ближневосточных памятников письменности и нумизматики посвящен § 2.

Служащий Азиатского департамента, знаток восточных языков, секретарь Восточного отдела Российского Археологического общества и экстраординарный академик Императорской Академии наук ***Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов*** (1830-1904) составил выдающуюся нумизматическую коллекцию восточных монет. После смерти ученого его коллекция из более 18 тысяч экземпляров монет была передана в Эрмитаж его вдовой [110, с. 78]. Ранее музей пополнился коллекцией бронзовых сосудов, составленной Вельяминовым-Зерновым [39, с. 7-8]. Стоит обратить внимание на то, что востоковед не был дипломатом, но в течение нескольких лет (до 1859 г. [110, с. 27]) совмещал свою научную деятельность со службой в Азиатском департаменте в качестве переводчика татарского языка. Впрочем, активное коллекционирование восточных монет и оружия пришлось на позднейший период его жизни [110, с. 61].

Знаменитые русские коллекционеры и меценаты ***Александр Петрович Базилевский (***1829-1899), граф ***Павел Сергеевич Строганов (1823-1911)*** *и Дмитрий Павлович Татищев* (1767-1845) находятся в ряду тех дипломатов-собирателей восточного искусства, кто не был связан с деятельностью Азиатского департамента МИД. А. Д. Базилевский окончил историко-филологический факультет Московского университета и начал службу в Императорской канцелярии, затем совершил длительное путешествие по странам Востока, где составил коллекцию оружия. В 1861-1863 гг. Базилевский служил сверхштатным сотрудником при русском посольстве в Вене, был удостоен придворного звания камер-юнкера [95, с. 6]. С конца 1850-х гг. он приступил к планомерному составлению колоссальных размеров коллекции западноевропейского и византийского искусства, которая позднее пополнила собрание Императорского Эрмитажа.

Основная часть коллекции Базилевского состояла из предметов прикладного искусства (изделий из керамики, кости, металла, а также икон, мебели и других предметов [122, с. 6]) Средних веков и эпохи Возрождения. Коллекция Базилевского была посвящена христианской культуре с начала новой эры до эпохи Возрождения, нашлось в ней место и памятникам Востока [39, с.7]. Коллекция Базилевского включала в себя коптские, сирийские и армянские христианские памятники [94, с. 13]: эти предметы входили в его собрание наряду с европейскими и византийскими памятниками Средних веков с той целью, чтобы наиболее полно раскрыть историю формирования европейской художественной культуры [94, с. 10]. К шедеврам испано-мавританской керамики относится знаменитый Эрмитажный памятник «ваза Фортуни». Еще одним прославленным памятником, относящимся к восточной части собрания Базилевского, является фаянсовая иранская ваза XIII в., украшенная люстром (т.н. «Ваза Базилевского»).

Коллекция А. П. Базилевского, обладавшая высочайшим художественным уровнем, была открыта для посещения в его особняке в

Париже. Хранитель музея Клюни, а затем – хранитель Лувра, знаток средневекового искусства Альфред Дарсель стал автором научного каталога к ней [262]. Он же помогал Базилевскому в подборе экспонатов, которые покупали на распродажах крупных европейских коллекций, таких как собрания Фулда, Кастеллани и Пурталеса [122, с. 6]. Эрмитаж приобрел собрание Базилевского в составе 670 предметов [127, с. 71] в 1885 г. по совету государственного деятеля и коллекционера А. А. Половцова. Коллекция заложила целый новый отдел памятников в музее: так в Эрмитаже появилось «Отделение Средних веков и эпохи Возрождения», сравнимое по своему уровню с соответствующими коллекциями ведущих музеев мира [122, с. 6].

Павел Сергеевич Строганов – представитель династии Строгановых, прославившейся коллекционированием произведений искусства и меценатством. Ценным добавлением к его великолепной коллекции западноевропейской живописи, мебели и декоративно-прикладного искусства были предметы из стран Дальнего Востока. Граф состоял на службе в Министерстве иностранных дел с 1845 по 1868 г., немало лет он провел в качестве секретаря посольства в Риме и Вене. Искусствовед Д. В. Григорович указывал, что восточные предметы появились в его собрании благодаря покупке у французского посла в Китае М. Монтиньи [64, с. 48] и у фан Гоне [64, с. 55]. Григорович приводит описание ваз, «изящных безделушек из фарфора, нефрита, кости и бронзы с инкрустацией из серебра и меди, китайской работы», «образцов храмовой медной утвари» и других предметов, отмечая материал и технику исполнения, некоторые стилистические особенности произведений [64, с. 48, 55]. Расставленные на книжных шкафах и консолях предметы органично вписывались в интерьер графского дома на Сергиевской на улице в Санкт-Петербурге, в чем можно убедиться по серии акварелей Ж. Мейблюма (в собрании Государственного Эрмитажа).

Восточные предметы имелись в собрании ещё одного видного русского коллекционера-дипломата, работавшего в Европе, – *Дмитрия Павловича Татищева*. К примеру, китайский сервиз для чая и шоколада в технике расписной эмали по меди из 40 предметов, хранящийся сегодня в ГМЗ «Царское село», поступил в коллекцию императора Николая I в соответствии с завещанием Татищева наряду с другими предметами из его собрания [137, с. 13-14].

До того, как занять пост управляющего Азиатским департаментом в 1875 г., а затем министра иностранных дел в 1882 г., *Николай Карлович Гирс* (1820-1895) в течение длительного времени развивал дипломатическую карьеру, в том числе в восточных странах. Гирс занимался коллекционированием древностей Египта, где он занимал пост генерального консула с 1856 г. В 1867 г. предметы его коллекции – фигурки божеств и священных животных – пополнили собрание Императорского Эрмитажа [136, с. 8].

Вторая половина XIX столетия была отмечена увеличением дипломатических контактов России с Китаем. Вместе с этим наша страна постепенно погружалась в территориальные и экономические международные споры в этом регионе. Данные процессы нашли отражение в характере формирования музейных коллекций. Российские дипломаты, такие как *Александр Георгиевич Влангали* (1823-1908, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Китае в 1863-1869; 1870-1873 гг.) и *Евгений Карлович Бюцов* (1837—1904, посланник в Китае в 1873–1883 гг.), получили возможность собирать собственные коллекции китайских памятников, которые пополнили впоследствии собрание Эрмитажа. В 1904 г. от второго драгомана Русской миссии в Пекине *Андрея Терентьевича Бельченко* (1873–1958) в МАЭ поступил ряд вещей, среди которых были три альбома с китайскими акварелями [211, с. 286].

После подавления восстания Тайпинов (1850-1864) происходило систематическое разграбление китайских императорских дворцов. В Китае

отсутствовали важнейшие институции, которые могли бы встать на защиту культурных ценностей, — художественные музеи: первые музеи появились лишь после революции 1911-12 гг., положившей конец правлению маньчжурской династии Цин [253, с. 268]. Китайские предметы появлялись в России вследствие приобретений работавших в то время в Китае российских дипломатов. Так, А. Г. Влангали продал свою собранную в Пекине коллекцию, в которую входила перегородчатая эмаль из китайских дворцов, сенатору и меценату А. А. Половцеву [155]. Половцев также приобрел для Императорского Эрмитажа коллекцию памятников китайского искусства, составленную Е. К. Бюцовым.

Особую роль в коллекционировании памятников восточной культуры на территории Китая сыграли российские дипломаты, работавшие в Восточном Туркестане (Синьцзяне) во второй половине XIX-начале XX вв. В 1858-1859 гг. молодой поручик ***Чокан Чингисович Валиханов*** (1835-1865) инкогнито совершил поездку в Восточный Туркестан по заданию Министерства иностранных дел с разведывательными целями [107, с. 118]. Сын казахского султана на российской службе, Валиханов был разностороннее образованным человеком и талантливым ученым. В ходе совей миссии он собирал и научные сведения о Синьцзяне, а также коллекционировал восточные рукописи и монеты.

Чокану Валиханову была свойственна необычайная широта научных интересов. Известно, что в Восточном Туркестане ему удалось собрать геологическую коллекцию [164], а в более ранней военно-научной экспедиции 1856 г. в Семиречье и Иссык-Куль Валиханов составил орнитологическую и энтомологическую коллекции. Среди многих научных интересов Валиханова стоит особо выделить историю и культуру казахского народа [117, с. 130]. Спустя некоторое время после возвращения в Петербург Валиханов продолжил свои научные занятия и был причислен к Азиатскому департаменту МИД, где служил вплоть до своей скоропостижной кончины в возрасте 29 лет.

Немаловажно, что серьезно занимался коллекционированием и отец Чокана Валиханова, старший султан Кокчетаевского внешнего округа Омской области, полковник русской армии Чингис Валиханов [108]. Таким образом, оба – отец и сын Валихановы много потрудились на ниве ознакомления российских ученых, государственных служащих и простой публики с казахской культурой [88, с. 107]. При этом Чингис Валиханов собирал предметы культуры и быта казахов по заданию чиновников специально для музеев и выставок, таких как выставка на III Международном конгрессе ориенталистов в Санкт-Петербурге 1876 г., Московская этнографическая выставка 1867 г., собрание Румянцевского музея [143].

Крупнейшим коллекционером памятников Восточного Туркестана был ***Николай Федорович Петровский*** (1837-1908), генеральный консул в Кашгаре в 1882-1902 гг. Интерес Н. Ф. Петровского к коллекционированию проявился ещё в русском Туркестане, где Петровский служил чиновником особых поручений Министерства финансов. Но именно в Восточном Туркестане, на территории Китая, Петровский привел собирание памятников древности в систему, наладив диалог с учеными и научными обществами, а через них — с музеями. Все свое свободное время Петровский посвящал составлению коллекций памятников. Его внимание было направлено на исследование археологических культур края, в котором ему довелось работать [188, с. 18].

Коллекция Петровского, собиравшаяся в течение двадцати лет, состояла из памятников письменности и материальной культуры Восточного Туркестана, относящихся к I тысячелетию н. э. Находки были связаны с истоками буддийской культуры и историей индоевропейских народов, населявших эту область в первом тысячелетии н. э. Одна часть консульской коллекции представляла собой фрагменты рукописей. В основном это были тексты на санскрите и других языках, написанные на бумаге, по содержанию – буддийские тексты и хозяйственные документы. Другая часть коллекции насчитывала более трех тысяч памятников изобразительного искусства и

ремесла: в ней были изделия из терракоты – сосуды и их фрагменты, статуэтки людей и животных, терракотовые и бронзовые фигурки – рельефы и фрагменты скульптур божеств буддийского пантеона. В коллекции были также миниатюрные фигурки – памятники Гандхары из резного камня, привозимые на эти земли индийскими паломниками и монахами, нефритовые изделия, религиозная живопись (иконы на дереве).

Специфика положения дипломата позволяла ему получить нужную информацию для того, чтобы стать обладателем особых, редких, порой эксклюзивных вещей. Петровский приобретал древности у своих агентов, которые скупали их у местных жителей, проводивших поиски на местах древних культовых построек и поселений. Таким образом, дипломат мог проникать туда, куда не могли попасть кабинетные ученые, и собирать ценные материалы, которые те использовали в своей работе.

Благодаря продуманным действиям Петровского, исходящим из понимания большой научной ценности этих находок, предметы из его коллекции оказались в музейных собраниях. Консул копил находки и посылал их партиями в Петербург – Розену и Ольденбургу («Целый вечер сегодня разбирал сундук и только теперь увидел, сколько за короткое время накопилось» – писал он [188, с. 257]). С 1892 г. консул регулярно присылал приобретаемые им в Хотане рукописи в Азиатский музей, где они сразу же вводились в научный оборот, изучались, публиковались в виде факсимиле. Так, уже в 1893 г. Ольденбург опубликовал присланную Петровским из Кучарского оазиса рукопись на неизвестном языке с призывом к мировому сообществу расшифровать ее. С задачей первыми справились немецкие и французские ученые. Это оказался текст VII в. «Уданаварга», относящийся к учению Хинаяна и написанный на мертвом языке тохарском Б (кучанском) [189, с. 172]. Вновь собранная коллекция рукописей в 1905 г. была пожертвована Петровским РКСВА, затем она тоже оказалась в Азиатском музее. Крупнейшим единовременным поступлением была покупка памятников изобразительного искусства и материальной культуры

Императорским Эрмитажем в ноябре 1897 г. по предложению хранителя Г. Е. Кизерцкого [229, с. 428].

Петровский заложил своего рода местную школу изучения Восточного Туркестана с помощью памятников материальной культуры: его преемники и сослуживцы тоже занимались составлением коллекций, поиском древностей и передачей находок в музейные собрания. Секретарь консульства (1896—1901), затем Генеральный консул в Кашгаре (1904—1909) *Сергей Александрович Колоколов* (1868-1921) был преемником Петровского на посту генконсула и продолжателем его культурной деятельности в регионе. Он так же отправлял свои находки (терракоты и другие предметы [175, с. 387]) в Азиатский музей и МАЭ.

Секретарь консульства в Кашгаре *М. И. Лавров* прислал в РКСВА пять ящиков собранных им древностей [59, с. 37], рукописи из его коллекции поступили в Азиатский музей [186, с. 79]. Секретарь Кашгарского консульства (1883-1894), ученик В. Р. Розена по факультету восточных языков Петербургского университета *Яков Яковлевич Лютш* (1854-?) отправлял найденные им рукописи в Азиатский музей в 1890е и 1900е гг. [232, с. 115; 18]. Коллекция предметов, собранная Лютшем, в которой были вазы, геммы и мелкая пластика, была передана в Эрмитаж в 1898 г. [175, с. 387; 189, с. 90].

Ближайшим коллегой Петровского по коллекционированию древностей в Синьцзяне был консул в Урумчи, затем секретарь консульств в Гирине, Цицикаре и Кульдже востоковед ***Николай Николаевич Кротков*** (1869-1919) [57, с. 239], в прошлом – выпускник факультета восточных языков Петербургского университета [50, с. 398]. Кротков передавал памятники письменности из Восточного Туркестана в Азиатский музей Академии наук с 1898 г., где они составили внушительную коллекцию [184, с. 15]. Это были уйгурские, индийские, маньчжурские, монгольские, сирийские и тибетские письменные памятники, которые Кротков собирал в

течение долгих лет своей службы в Синьцзяне [184, с. 18; 157, с. 148; 50, с. 398].

Кротков снабжал рукописями и археологическими предметами РКСВА [57, с. 239] и МАЭ. Среди предметов Кроткова, переданных в МАЭ, – 26 терракотовых пластинок с изображением буддийских божеств. Терракоты были найдены консулом в результате раскопок в 1905 г. у города Кульджи. Изображение предметов, сопровожденное научным описанием самого Кроткова, было опубликовано Ольденбургом в «Известиях Академии Наук» [176].

Заслуживает внимания тот факт, что очередная коллекция памятников, привезенная Кротковым в Санкт-Петербург в 1907 г., удостоилась особого внимания Николая II. Находки дипломата были представлены императору наряду с другими материалами по Туркестану в здании Царскосельского дворца. В 1910 г. эта коллекция древностей – предметов домусульманской культуры Восточного Туркестана была приобретена у Кроткова на средства «Русского комитета» и поступила в Азиатский музей [157, с. 149]. В том же 1910 г. за заслуги перед наукой Академия утвердила дипломата в звании члена-корреспондента МАЭ, а РКСВА, по представлению академиков В. В. Радлова, С. Ф. Ольденбурга и В. В. Бартольда, – в звании почетного члена-корреспондента [184, с. 18; 157, с. 149]. Ученые поручили Кроткову заняться активным розыском и скупкой древностей Восточного Туркестана для предупреждения грабежей и контрабанды памятников в регионе. В результате, в течение 1910-1911 гг. «Русский комитет» получил от дипломата несколько посылок с рукописными материалами на согдийском, уйгурском, тибетском, китайском языках [157, с. 149]. За год до своей кончины, в 1918 г. Кротков вернулся из Центральной Азии с коллекцией маньчжурских рукописей для Азиатского музея и приступил к музейной работе над составлением списка всех маньчжурских письменных памятников, хранившихся в музее [184, с. 18].

Памятники письменности из Карашара, собранные секретарем консульства в Кульдже (с 1909 г.), затем консулом в Урумчи (1913-1915) ***Алексеем Алексеевичем Дьяковым***, поступили в Азиатский музей в составе 29 единиц хранения [184, с. 15]. Ещё одна группа рукописей, на этот раз из Турфанского оазиса, была отправлена им в РКСВА [184, с. 19]. В 1909 г. Дьяков передал в МАЭ приобретенную им в Восточном Туркестане группу этнографических предметов: шлемы, фрагмент панциря, уйгурскую одежду [59, с. 37]. Генеральный консул в Кашгаре (1909—1914), консул в Урумчи *Сергей Васильевич Соков* также известен тем, что доставлял материалы в Азиатский музей [59, с. 192].

Большой вклад в изучение этнографии и языков Туркестанского края внес ученый и путешественник ***Михаил Степанович Андреев*** (1873–1948). В 1905 г. М. С. Андреев приступил к работе в качестве секретаря А. А. Половцова (младшего) – российского генерального консула в Бомбее. В Индии у Андреева была секретная миссия, проходившая в контексте дипломатического противостояния России с Великобританией [126, с. 62-63]. С 1911 г. Андреев занимал должность исполняющего обязанности российского консула во французских колониях в Индии и в Индокитае [126, с. 93-94]. Андреев работал на территории Южной Азии вплоть до 1914 г., возвращаясь временами в Россию.

Несмотря на то, что дипломатическая карьера Андреева представляла собой лишь одну из сторон его богатой на события биографии, благодаря ей он смог собрать коллекции, которые пополнили фонд индийских памятников в МАЭ. Коллекции Андреева в МАЭ состояли из трех частей: деревянный дом из города Насик (Махараштра) – образец старинного индийского зодчества (коллекция № 1789), собрание южноиндийских деревянных рельефов и металлической пластики редкого качества (коллекция № 2055), южноиндийские предметы быта (коллекция № 2814). В 1913 г. Андреев отправил в Азиатский музей 16 тамильских рукописей [126, с. 33]. Коллегой Андреева в отношении составления индийских коллекций для МАЭ был

российский консул в Бомбее *В. И. Некрасов*, который в 1904 г. передал музею в дар 20 фигурок, изображающих типы индийского населения, а также чучело кобры (коллекция № 849, 21 номер) [126, с. 24].

Павел Андреевич Дмитриевский (1851-1899) много лет отдал дипломатической службе в Китае и Корее, служил генеральным консулом в Сеуле и Шанхае, российским поверенным в делах в Корее. Он составил коллекцию памятников письменности – библиотеку с редкими рукописями и ксилографами. В нее входило более 400 рукописей по разным отраслям знания на корейском, китайском и японском языках – это были сочинения по истории, языкознанию, литературе, медицине [228, с. 21]. Предметы коллекции сохранились благодаря тому, что в 1907 г. они были куплены Академией наук и затем перешли в собрание Азиатского музея. Часть предметов была приобретена Восточным институтом во Владивостоке [241].

Карл Иванович фон Вебер (1841–1910) был поверенным в делах, а также первым генеральным консулом России в Корее. Как и Н. Ф. Петровский, К. фон Вебер был проницательным наблюдателем современной жизни Востока и человеком, страстно увлеченным историей страны своего пребывания. В собирательской деятельности Вебера отразились его интерес и любовь к корейской культуре, глубокое ее понимание. Дипломату было суждено принять участие в важнейших событиях политической истории Кореи и постоянно общаться с королем Коджоном, который с февраля 1896 г. по февраль 1897 г. находился в убежище в российской дипломатической миссии в Сеуле. Король даже называл Карла Вебера своим другом [210, с. 15]. Вебер оставил записи об этом сложном времени для корейского народа, связанным с покушением на королеву Мин.

В Сеуле в свободное от работы время Вебер писал книги по корейской филологии и составлял коллекцию предметов национальной корейской культуры. Значительную часть этой коллекции представляли собой археологические находки – образцы керамики и бронзы эпохи Корё (935–

1392), которые по мнению самого коллекционера представали наибольшую ценность в его собрании [210, с. 35]. Эти предметы были куплены Вебером неподалеку от Сеула, в местах, где поводились раскопки [210, с. 16]. Коллекция предметов Вебера поступила в Музей антропологии и этнографии Императорской академии наук: она была приобретена у собирателя в 1893 г., в то время, когда дипломат еще находился на своем посту в Корее [210, с. 15-16].

Также Вебер собирал предметы быта корейцев, относящиеся ко второй половине XIX в. (эпоха Чосон (1392-1897), и предметы дворцового интерьера [210, с. 16]. Это были образцы бумаги, подставки для письменных принадлежностей, посуда. Известно, что вторая коллекция поступила в Музей антропологии и этнографии в дар от Вебера в 1907 г. в результате того, что музей договорился с дипломатом о приобретении этнографических предметов для своего корейского собрания. Исследователи полагают, что часть из этих вещей использовалась самим дипломатом в быту [210, с. 26].

Подобно Н. Ф. Петровскому и его коллегам в Восточном Туркестане, К. фон Вебер оказывал содействие составлению коллекций других собирателей в Сеуле [210, с. 35]. Сегодня предметы из этих коллекций также представлены в собрании Музея антропологии и этнографии. Среди них – коллекция *Николая Гавриловича Матюнина (1849–1907*), сменившего Вебера на посту генерального консула. За время службы Матюнин собирал корейские, китайские и японские предметы [210, с. 74].

Александр Алексеевич Адамов (1870-1938), выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского Императорского университета и затем – Учебного отделения восточных языков долгие годы служил в дипломатических представительствах на Ближнем Востоке (в Османской империи и Персии), совмещая дипломатическую и научную деятельность. После завершения работы в Бассорском вилайете Османской империи (Ирак) он передал в МАЭ собранные им коллекции этнографических предметов, произведений искусства (46 ед. хр.) и фотографий (253 ед. хр.), которые

дополняли иллюстративный ряд его исследования «Ирак Арабский» [207, с. 73]. Еще одним из собирателей исламских коллекций для МАЭ был опытный дипломат *Д. Д. Беляев*, занимавший высокие дипломатические посты в Персии и Аравии [163].

После Октябрьской революции многие дипломатические коллекции были рассредоточены, а имена их составителей – надолго забыты. Именно так произошло с коллекцией сиамского искусства ***Георгия Антоновича Плансона*** (1859-1937), поверенного в делах и генерального консула Российской империи в Бангкоке в 1910-1916 гг. Его история была заново открыта по документальным материалам музейным хранителем этих памятников [70; 71; 72]. Исследования О. П. Дешпанде о дипломате Г. А. Плансоне помогли уяснить происхождение целого пласта памятников таиландского искусства в Эрмитаже и ввели в научный оборот имя этого забытого коллекционера.

Г. А. Плансон был профессиональным востоковедом: за его плечами была учеба на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. Позже он был принят в члены Общества русских ориенталистов, основанного в 1910 г. в Петербурге, и оставался в переписке с учеными несмотря на заграничные командировки. Плансон начал свою службу в Азиатском департаменте МИД в 1888 г. в должности делопроизводителя, занимал должность заведующего библиотекой Азиатского департамента [238, с. 27]. В 1902-1905 гг. он находился на дипломатических постах в Китае, а 23 августа (5 сентября) 1905 г. принимал участие в Портсмутской мирной конференции в качестве секретаря, в том же году занял должность генерального консула в Сеуле. Далее он некоторое время заведовал Дальневосточным отделом Первого (бывшего Азиатского) департамента (1908–1909 гг.) [238, с. 27].

В Сиаме Плансон интересовался буддизмом, осматривал древние буддийские храмы [238, с. 31]. Примечательно и участие дипломата в духовной жизни Санкт-Петербурга: по приезду из Сиама в 1914 г. он подарил

петербургскому Дацану Гунзэчойнэй статую стоящего Будды из своей коллекции, а также доставил для этого храма подарок сиамского короля Рамы VI – статую сидящего Будды Шакьямуни [238, с. 29].

Коллекцию Плансона, собранную во время службы в Сиаме в 1910-1916 гг. и состоявшую из более чем 300 памятников [71, с. 30], отличает разнообразие, полнота и высокий художественный уровень памятников. Дипломат самостоятельно составлял каталоги и списки своего собрания [71, с. 29]. Основную часть коллекции Плансона представляла сиамская скульптура конца XV – XIX века. В ней также находилось небольшое число предметов из таких стран как Индия, Бирма и Лаос, которые Плансон считал тайскими [71, с. 30]. Уникальность этой дипломатической коллекции заключается в том, что другие частные коллекционеры дореволюционной России вовсе не интересовались собиранием предметов из Юго-Восточной Азии [71, с. 29]: Г. А. Плансон является исключением в этом ряду и может быть назван первооткрывателем памятников тайской культуры для России – наряду с сотрудником Академии наук Н. И. Воробьевым, который в 1906 г. передал в МАЭ 40 статуэток [71, с. 30], а также образцы оружия, традиционных плетеных и фарфоровых изделий, музыкальные инструменты из Сиама.

В рамки данной работы не входит обзор истории формирования отечественных библиотечных фондов. Тем не менее, нельзя обойти вниманием тот факт, что при содействии дипломатов активно происходило пополнение библиотек, и прежде всего Императорской публичной библиотеки, печатными и рукописными памятниками восточных стран. Этот процесс проходил наряду с обогащением музейных фондов, и так же являлся результатом культурной деятельности дипломатов, что можно видеть, например, в случае с коллекцией Н. Ф. Леонтьевского, разделенной впоследствии для хранения в Публичной библиотеке и Этнографическом музее. Публичную библиотеку и библиотеку Азиатского департамента, а также хранение Иркутского училища азиатских языков в свое время

пополнили книги и рисунки, привезенные из Китая *Е. Ф. Тимковским*. Куплены они были при содействии о. Иакинфа (Бичурина). В 1830 г. о. *Петр (Каменский)* передал более сотни книг в семинарию и гимназию Иркутска, в библиотеку Московского университета, в библиотеку Петербургской духовной семинарии, Публичную библиотеку и в Азиатский департамент. На поприще пополнения различных библиотечных фондов и университетских книжных собраний были отмечены и другие члены духовной миссии – как духовные лица, так и светские: *о. Иннокентий (Немиров), Н. И. Нечаев, В. П. Васильев, К. А. Скачков*.

Ещё одной смежной темой, которая представляется перспективной для дальнейшего изучения, является история пополнения столичных коллекций художественными материалами из стран Востока. Известно, что краски, а также костюмы, оружие и другие предметы привозились членами духовной миссии из Китая специально для Императорской Академии художеств. С просьбой об этом к начальнику 10-й миссии (1821-1830) архимандриту Петру обращался президент Академии А. Н. Оленин, выделяя значительную сумму на покупку вещей [171, с. 129].

Охарактеризовав некоторые наиболее крупные коллекции восточных предметов, составленные представителями Министерства иностранных дел за рубежом, перейдем к анализу общих черт этих собраний. В конце работы приводится таблица, где перечислены служащие, указан характер коллекций, регион происхождения памятников и другая информация, что упрощает задачу подведения итогов (Приложение В). Говоря о географическом ареале действий дипломатов по составлению коллекций, заметим, что он соответствовал областям работы дипломатических представительств на Востоке. Приведенная выше характеристика коллекций позволяет выделить следующие регионы: 1) Центральная Азия и Дальний Восток и 2) Ближний Восток. Большинство крупных коллекций было составлено на территории Цинской империи.

В предметном отношении коллекции представляли собой собрания памятников письменности, археологических памятников, этнографических материалов, произведений искусства. В коллекциях были представлены как старинные, так и современные предметы, с видимым преобладанием древностей. Два дипломата – П. Л. Шиллинг и З. Ф. Леонтьевский открыли на базе своих коллекций небольшие частные музеи, посвящены они были культуре и быту Китая и соседних восточных стран. Как правило, крупные коллекционеры-дипломаты составляли коллекции и для себя, и для музеев и научных центров – таких, как Азиатский музей АН, МАЭ, РКСВА, Императорский Эрмитаж, Императорская Публичная библиотека. Связь между музеем, дипломатами и учеными существовала в течение всего рассматриваемого периода, но особенно хорошо она прослеживается на рубеже XIX-XX веков. Музей антропологии и этнографии договаривался с дипломатами о пополнении своих коллекций – например, с К. фон Вебером, или работал совместно с РКСВА, что можно лучше всего проиллюстрировать деятельностью востоковеда-арабиста В. В. Радлова – одновременно директора музея (с 1894 г.) и председателя РКСВА (с 1904 г). Позже Радлов принял участие в организации Отдела Востока Эрмитажа, а среди его учеников был будущий директор Эрмитажа И. О. Орбели.

Первостепенной мотивацией составления восточных коллекций стоит считать научный интерес дипломатов. Дипломаты-коллекционеры на Востоке являлись учеными-востоковедами или во всяком случае были тесно связаны с российскими, и прежде всего петербургскими научными кругами. Дипломаты выступали в качестве знатоков в своей области изучения Востока. Одним из наиболее показательных примеров в этом отношении была деятельность Н. Ф. Петровского. Ключевым условием, позволившим ему участвовать в пополнении музейных собраний, были его научные связи с крупнейшими востоковедами В. Р. Розеном и С. Ф. Ольденбургом. Чисто научный интерес Петровского подогревался возможностью стать «первооткрывателем» памятников чужой культуры в своей стране и

превзойти своих коллег-дипломатов из европейских стран. Специфика положения дипломата позволяла получать эксклюзивную информацию, которая могла привести к обладанию редкими памятниками. Так, Петровский приобретал древности у своих агентов, которые скупали их у местных жителей, проводивших поиски на местах древних культовых построек и поселений. Дипломат мог проникнуть туда, куда не могли попасть кабинетные ученые, и собрать ценные материалы, которые те использовали в своей работе. Таким образом, дипломатическая коллекция, собираемая в странах Востока, может быть названа особым типом дипломатической коллекции с такими отличительными чертами как: научная и общественно-политическая мотивация коллекционера, его тесная связь с кругом музейных специалистов-востоковедов, преобладание в коллекции древностей – памятников письменности, этнографических и археологических материалов, а также предметов искусства.

§ 2. Внутриведомственные коллекции Министерства иностранных дел Российской империи

Внутриведомственные коллекции Министерства иностранных дел вынесены на второй уровень коллекций, рассматриваемых в рамках настоящего исследования. Этот уровень отличается прежде всего тем, что собиратели памятников не оставляли их у себя, но передавали на хранение в Министерство иностранных дел. Предметы коллекций рассматривались в первую очередь как источники для познания культур восточных стран, и применялись таким образом в рамках работы ведомственных подразделений. В сознании коллекционеров присутствовало понимание востребованности

собираемых предметов для нужд отечественного востоковедения, сопряженного с насущными задачами развития международных отношений. Информации о данном типе коллекций сохранилось меньше, чем о частных собраниях, и многие представленные в работе данные собраны в результате архивных разысканий. Продолжение изучения состава и использования ведомственных коллекций МИДа представляет собой интереснейшую задачу для дальнейших исследований. Внутриведомственные коллекции МИДа делятся на две основные группы. Первая представляла собой библиотеку и нумизматическое собрание Учебного отделения Азиатского департамента. Она была представлена памятниками из стран Ближнего Востока. Вторая группа – это хранение в Азиатском департаменте дальневосточных коллекций памятников письменности и разнообразных предметов, ставших результатом деятельности Русской духовной миссии в Пекине.

Внешнеполитические, экономические и военные задачи, стоявшие перед государством в рассматриваемый исторический период, побуждали не только поддерживать востоковедение в целом, но и проводить обучение в недрах самого Министерства иностранных дел. В 1823 г., уже через четыре года после образования Азиатского департамента Министерства иностранных дел, при нем было основано Учебное отделение (в некоторых документах – «Институт») восточных языков. Там стали готовить переводчиков-драгоманов для службы в дипломатических представительствах в странах ближневосточного региона – приоритетного азиатского направления российской внешней политики для первой четверти XIX в.

Учебное отделение прославилось во всем европейском научном мире благодаря своим коллекциям — нумизматическому кабинету и библиотеке с восточными рукописями. Стоит отметить, что государственные музеи находились в XIX-начале XX в. в ведении министерств, большая часть — в структуре Министерства народного просвещения и Министерства императорского двора [63, с. 51]. Что же касается Министерства

иностранных дел, то научные коллекции Учебного отделения восточных языков занимали в нём особое положение, не будучи единственным хранением редких предметов: собрания восточных книг, рукописей и географических карт имелись в Московском главном архиве МИД и в самом Азиатском департаменте, о чем будет сказано ниже.

Формирование коллекций Учебного отделения пришлось на время утверждения музея как культурной формы и самого понятия «музей» в России [218]. Поэтому вполне закономерно, что у институтской коллекции не было единого, утвержденного наименования. Коллекции рукописей и нумизматики Учебного отделения называли просто «научными коллекциями» («Collections Scièntifiques»). Это наименование встречается во второй половине XIX в., оно было использовано для их подробного научного описания в серии сборников «Collections Scièntifiques de l'Institut des langues orientales», которые выходили на французском языке с 1877 по 1897 г. Термин «музей» применялся только по отношению к нумизматической части коллекции. В 1820-30-х гг. директор Учебного отделения восточных языков Ф. П. Аделунг в своих письмах к управляющему Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде употреблял слово «музей» наряду «кабинетом монет», «коллекцией монет» [4, л. 3(об), 10, 15, 17]. «Кабинет азиатских медалей» — так были озаглавлены списки 1835 и 1837 гг. с перечислением всех монет и медалей, хранившихся в Учебном отделении восточных языков [3, л. 144, 195]. В переписке 1840-х гг. между Ф. П. Аделунгом и директором Азиатского департамента Л. Г. Сенявиным встречается название «Музеум Учебного Отделения Восточных языков», и также в качестве синонима «нумизматической коллекции» и «нумизматического кабинета» [3, л. 129, 138, 142, 143]. О «музеуме», «нумизматическом кабинете» идет речь в письмах из Азиатского департамента П. И. Демезону, следующему директору Института [3, л. 144, 153, 154]. В 1871 г. в предисловии к первому тому серии «Collections Scièntifiques» эта коллекция была отнесена директором

М. А. Гамазовым к библиотеке («библиотека… обладающая, кроме того, коллекцией восточных монет») [282, с. I]. Во всех известных нам документах и публикациях, посвященных коллекциям Учебного отделения восточных языков, библиотека с рукописями рассматривается отдельно, не попадая под категорию «музей». Так же обстояли дела в Азиатском департаменте с его собственной библиотекой, где хранилось редкое собрание книг и манускриптов, привезенных членами Русской духовной миссии в Пекине. Отметим при этом, что входивший в структуру Императорской Академии наук Азиатский музей был известен прежде всего как собрание рукописей. Таким образом, отсутствие устойчивой терминологии применительно к научным коллекциям Учебного отделения было характерной чертой для уровня развития музейного дела в XIX в.

Библиотека была создана в соответствии с указом об организации учебного заведения [106, с. 161]. Уже при первом начальнике Г. М. Влангали с мая 1823 по май 1824 г. были куплены 63 рукописные и печатные книги на сумму 1943 руб. Изначально выделенной 1 тыс. рублей не хватило, в связи с чем со следующего года сумма на ежегодные нужды Учебного отделения, и в том числе на покупку книг для библиотеки, увеличилась на 5 тыс. руб. [106, с. 161]. Впоследствии научные коллекции значительно возросли благодаря деятельности директора Федора Павловича Аделунга, которому оказывал поддержку управляющий МИДом К. В. Нессельроде. Для приобретения восточных монет и медалей отводились средства, направляемые на содержание Учебного отделения [4, л. 28].

Научные коллекции Института восточных языков при Азиатском департаменте во многом имели характер протомузейной формы. По определению Российской музейной энциклопедии, в учреждении протомузейной формы хранятся результаты деятельности ведомства или – как в случае с коллекциями Учебного отделения – предметы, необходимые для осуществления этой деятельности [202]. В соответствии с направленностью подготовки специалистов книжное собрание представляло

собой коллекцию произведений арабо-мусульманской литературы с небольшой долей эфиопских, коптских, греческих, армянских и других христианских сочинений. Большая часть рукописей была на арабском, персидском и турецком языках, что отвечало программе Учебного отделения, где из восточных первоначально изучались только эти языки. В Институте были курсы по истории и географии стран Востока, нумизматике, мусульманскому и международному праву. Тщательно изучалась классическая восточная литература, в первую очередь поэзия, проходили занятия арабской и персидской каллиграфией. Профессорами в разные годы были Б. А. Дорн, И. Г. Нофаль, П. И. Демезон, М. Д. Топчибашев, А. К. Казем-Бек и другие авторитетные востоковеды. Направлениям обучения отвечала основная тематика рукописей в коллекции Учебного отделения — это были религия, история и география, юриспруденция, художественная литература, филология и естественные науки.

На 1877 г. библиотека обладала примерно 5000 изданиями, из них около 500 были рукописными [282, с. I]. В коллекции хранилось множество образцов с высококачественной каллиграфией, рукописей с хорошей сохранностью, особо редких и уникальных изданий. В 1864 и 1919 гг. книжная коллекция Учебного отделения пополнила собрание Азиатского музея. Нумизматическая коллекция была также почти полностью укомплектована арабскими, персидскими и турецкими монетами и медалями. В 1841 г. коллекция составляла 4269 восточных монет (из них 128 золотых, 2806 серебряных и 1335 медных), а в 1891 г. – уже 6256 монет [274, с. 7].

Научные коллекции предназначались в первую очередь для учащихся и преподавателей Учебного отделения восточных языков и никогда не экспонировались за его пределами. Сборники, выходившие при М. А. Гамазове, были призваны расширить аудиторию лиц, для которых собрание Института могло оказаться полезным. Обращаясь к европейским учёным-востоковедам, Азиатский департамент рассылал сборники ведущим научным и учебным заведениям мира. В 1838 г. основатель российской

нумизматической науки академик Х. Д. Френ называл коллекцию восточных монет Учебного отделения второй по значению в Европе [282, с. I]. В сборниках Императорской Академии наук печатались проводимые Х. Д. Френом исследования коллекций Учебного отделения; автором трудов о манускриптах и монетах, принадлежавших Институту, был и директор Азиатского музея в 1842-1881 гг. академик Б. А. Дорн [267, с. 257; 263, с. XI].

Особенности организации научных коллекций демонстрировали интеграцию Учебного отделения восточных языков в структуру Азиатского департамента МИД. У собрания был свой «хранитель»: эту функцию выполнял секретарь, чиновник Азиатского департамента (один из помощников столоначальника), который занимался ведением каталогов библиотеки и нумизматического кабинета. За эту работу из сумм Учебного отделения ему выплачивали небольшую прибавку к жалованию [106, с. 156]. Все рукописи Учебного отделения имели библиотечный шифр и инвентарный порядковый номер поступления в библиотеку [54]. Каталожная система учета была редкостью для того времени, и её наличие говорит о большой ценности собрания в глазах её попечителей. Известно и об особенностях хранения нумизматической коллекции: она помещалась в специальном шкафчике для хранения медалей (médaillier), купленном для этой цели Ф. П. Аделунгом. По мере увеличения коллекции был приобретен шкаф больших размеров (armoire), для чего директор специально письменно обращался к министру [273, с. X]. Дом Учебного отделения находился на Большой Морской улице, 20, неподалеку от центрального здания МИДа на Дворцовой площади в восточном крыле здания Главного штаба. Полагаем, что там же хранились и научные коллекции.

С самого начала руководство Учебного отделения задумывалось об издании сокровищ музея и библиотеки. Подготовительными этапами к их научному описанию были каталоги, составленные Аделунгом, Френом (только нумизматическая часть) и проект каталога, написанный Демезоном. Наконец, в 1870-90-х гг. опись коллекции увидела свет в упоминавшихся

выше восьми томах «Collections Scièntifiques de l’Institut des langues orientales», выходивших по решению Гамазова. Четыре из них были посвящены рукописям, четыре — нумизматике, описания даны ведущими востоковедами — В. Р. Розеном, Б. А. Дорном, В. Д. Смирновым, А. К. Марковым. Первый выпуск был приурочен к III Международному конгрессу ориенталистов, проходившему в Санкт-Петербурге. Сотрудники Азиатского департамента принимали деятельное участие в его подготовке и работе. К примеру, барон Ф. Р. Остен-Сакен, занимавший одно время должность вице-директора Азиатского департамента, был членом Организационного комитета съезда ориенталистов и генеральным секретарем конгресса [107, с. 125].

С развитием науки и увеличением собрания изменялось и его научное описание, о чем, благодаря выпускам каталогов, могли узнать ученые всего мира. Так, например, в 1840-х гг. по классификации Френа нумизматическая коллекция составила 40 классов. В 1889 г. Марков, хранитель кабинета восточной нумизматики в Эрмитаже, ввел новую нумерацию в соответствии с современными ему научными требованиями и с учетом того, что количество монет за истекшие полвека значительно увеличилось. Марков выявил 94 класса монет, введя деление на династии, ранее не представленные в собрании, и разделив некоторые династии на ветви [274, с. 7-8]. В начале XX в. директор Учебного отделения восточных языков В. А. Жуковский описал персидские, тюркские и арабские рукописи, поступившие после издания последнего тома в 1897 г. [90, с. 432].

С первых лет возникновения научных коллекций при Институте директор Аделунг вдохновлял студентов собирать рукописные древности и нумизматику во время их будущей службы за границей. На протяжении всей истории Учебного отделения главными источниками пополнения его коллекций были покупки и пожертвования от частных лиц — по большей части бывших учеников и профессоров отделения, а также военных, занимавшихся коллекционированием во время службы за границей.

Интересным примером военного-собирателя коллекций для Учебного отделения был лейтенант А. Г. Туманский, выпускник офицерских курсов Учебного отделения (С 1883 г. по 1910 г. по инициативе военного министра в Учебном отделении работали трехлетние курсы восточных языков для офицеров разных родов войск, которые поступали затем на службу в российские миссии на Кавказ и в Среднюю Азию). Наладив в Ашхабаде связи с сектой бабидов, он получил массу уникальной информации об их истории, обнаружил и перевел на русский язык священную книгу «Китаб-и-Агдас» Бахауллы. Туманский вернулся в Петербург с богатой «добычей» в виде записей, фотографий и манускриптов, которые он передал в Учебное отделение восточных языков [267, с. VII]. Пополнение коллекций шло также по линии МИДа, других министерств, Санкт-Петербургского Университета, Императорской Академии наук.

Директора Аделунг и Гамазов передавали в Учебное отделение свои личные коллекции. Аделунг путешествовал на Восток с целью пополнить нумизматические и рукописные коллекции отделения, были у него и свои агенты среди дипломатических служащих. Из трех агентов Аделунга, о которых сообщает 5-й том «Collections Scièntifiques», два прошли обучение в Учебном отделении — это были ученик Аделунга, сотрудник русского посольства в Турции И. Б. Петрашевский и сотрудник дипломатического ведомства в Салониках А. Д. Жаба [273, с. VI].

Основополагающую роль для развития коллекции играла личность директора Учебного отделения, его убеждения относительно пользы музея для студентов. В 1834 г. при всё увеличивавшейся коллекции Учебного отделения была основана Кафедра восточной нумизматики, которую возглавил Б. А. Дорн [273, с. IX]. Предметом лекций Дорна, преподававшего также историю и географию в Институте, была нумизматика государства Сасанидов и Восточного халифата. Занятия проходили дважды в неделю, полный курс был рассчитан два года, столько же обучались в Учебном

отделении. На занятиях памятники из нумизматического кабинета служили в качестве иллюстративного материала.

Процесс сдачи экзамена — второго выпуска Учебного отделения 1828 г., на котором присутствовали дипломат, писатель и музыкант А. С. Грибоедов и писатель-востоковед О. И. Сенковский, — красочно описан писателем Юрием Тыняновым в художественном произведении «Смерть Вазир-Мухтара» [237, с. 75-82]. В Архиве внешней политики Российской империи, в фонде Учебного отделения восточных языков, сохранились уникальные документы – папки с программами этих испытаний и курсов, записками о проведении экзаменов и другими документами. В папках 1835 и 1837 гг. вложены каталоги «Кабинета азиатских медалей» [3, л. 144, 195]. Хотя в экзаменационных программах говорится только о заданиях на знание грамматики, устной речи и письменных переводах, полагаем, что собрание монет также было каким-то образом задействовано в процессе экзамена.

В деле пополнения и использования научных коллекций позиция директора Учебного отделения и поддержка руководителя министерства были решающими. В предисловии к седьмому тому «Collections Scièntifiques» сказано, что директор Демезон не приобретал монет и медалей для институтского собрания, поскольку считал, что эта коллекция не приносит пользы для учащихся [274, с. 7]. Сомнения руководства в том, что коллекции могут быть полезны, повлияли на решение о передаче части собрания в Азиатский музей в 1864 г. В то же время (в 1864-1865 гг.) состоялась передача рукописей из библиотеки Азиатского департамента в Азиатский музей, китайских шрифтов из временного хранения в Азиатском департаменте в Академию наук и некоторых китайских предметов оттуда же в Эрмитаж. Несомненно, все эти процессы были связаны с реорганизацией в МИДе, проводимой министром А. М. Горчаковым на волне реформ императора Александра II. Внутриведомственные реформы приводили к сокращению должностей и увеличению окладов, более строгим правилам для

поступления на службу. Они были нацелены на наведение порядка в делопроизводстве и на освобождение ведомства от задач, которые были оценены министром как второстепенные.

В воспоминаниях сотрудников МИДа, связанных с Учебным отделением восточных языков, встречаются сомнения относительно полезности данного учебного заведения, а министерскими чиновниками высказывались мнения о его неоправданно большом финансировании – при том, что за период с 1823 по 1915 г. Институт выпустил всего 220 специалистов [54]. И всё же Учебного отделение не было закрыто. Его студенты считались без одного дня сотрудниками ведомства, они носили мундиры МИДа и могли быть уверены в поступлении на службу при условии успешной сдачи выпускного экзамена. Они получали жалование, бесплатно проживали в доме Учебного отделения, пользовались его учебными материалами и научными коллекциями. В отличие от учебы на Факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета и в московском Лазаревском институте восточных языков, учеба в Институте восточных языков МИДа была полностью ориентированной на требования службы за границей.

Директор Гамазов, ведя борьбу за продолжение финансирования собрания, приравнивал нумизматический кабинет к учебным пособиям [14, л. 2 (об)]. В его «Записке по вопросу об изучении языков и Стран Востока в связи с вопросом о реорганизации Учебного отделения восточных языков» 1909 г. говорится о том, что эти пособия «приноравливаются к достижению основной цели Отделения… вследствие чего на них отпускаются солидные бюджетные средства» [5, л. 159 (об)]. Высокий уровень коллекций отвечал требованиям Министерства иностранных дел, так как они были одними из составляющих подготовки дипломата. Собрание Учебного отделения представляло собой коллекцию преимущественно арабо-мусульманских памятников, что отвечало профилю обучения в нем. Институт при Азиатском департаменте был единственным в стране специальным учебным заведением

для подготовки драгоманов, направлявшихся на службу в страны Ближнего Востока, а его научные коллекции являлись поистине уникальным явлением в отечественном востоковедении.

Однако в документах, касающихся учреждения и деятельности Учебного отделения восточных языков, при общих словах о важности учебных пособий роль и задачи научных коллекций не удостаивалась сколько-нибудь удовлетворительного анализа. Симптоматично и отсутствие применимой к ним утвержденной терминологии, что объясняется особенностями, присущими депозитариям редких и ценных предметов рассматриваемого периода. Не будучи музеем в современном понимании этого слова, собрание рукописей и нумизматики Учебного отделения существовало постольку, поскольку отвечало его нуждам. Оно пополнялось в основном благодаря бывшим студентам Института, что поддерживало элитарный статус собрания и его недоступность для массового зрителя.

Отсутствие программы развития коллекций приводило к тому, что на практике их судьба сильно зависела от компетентности, дальновидности и энергичности занимавшихся ими лиц – директоров Учебного отделения. Иными словами, музей и библиотека с рукописями входили в ряд инициатив учёных – влиятельных директоров, от них же они получали высокую оценку своей значимости. Заслуга директора Ф. П. Аделунга, учёного, чьи взгляды сформировались в эпоху Просвещения, в этом отношении была особенно велика. Он дал сильный толчок развитию коллекций, способствовала этому и поддержка управляющего Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде. Но с момента ухода Аделунга с поста директора наблюдается непоследовательность стратегии поддержки научных коллекций Учебного отделения. Значение коллекций на уровне высшего чиновничества игнорировалось, и их статус за пределами Института оставался достаточно неопределенным.

При директоре М. А. Гамазове увенчалось успехом издание научного каталога всей коллекции Учебного отделения. Имевший за плечами

многолетнюю дипломатическую практику, Гамазов понимал необходимость привлечения науки на службу государству. Директора Гамазов и Жуковский, много сделавшие для Института и поддержания уровня его научных коллекций, подтвердили тем самым неразрывную связь научного и практического востоковедения в Азиатском департаменте. До закрытия Учебного отделения в 1917 г. его коллекции продолжали входить в число необходимых учебных пособий для подготовки будущих драгоманов, через которых по сложившейся дипломатической практике велись текущие дела в российских представительствах на Востоке.

Вторая группа внутриведомственных коллекций МИДа была сосредоточена в недрах самого Азиатского департамента. Центральные подразделения МИДа, в том числе Азиатский департамент, с 1830 г. располагались в восточном крыле здания Главного штаба на Дворцовой площади, на территории которого сегодня открыты новые экспозиционные пространства Государственного Эрмитажа. Там же хранились памятники культуры крупнейшего восточного соседа России — Китая, собранные благодаря деятельности Министерства иностранных дел.

С 1611 г. Китай находился под управлением маньчжурской династии Цин, которая в XVIII в. присоединила к китайскому государству территории Монголии, Тибета и Восточного Туркестана. По Кяхтинскому мирному договору, заключенному в 1727 г., между Россией и Китаем был объявлен вечный мир, а Русская духовная миссия в Пекине стала постоянным российским представительством в этой стране. Рукописи, произведения декоративно-прикладного и изобразительного искусства, разнообразные этнографические материалы поступали с территории этой огромной страны в отечественные собрания благодаря работе подразделений МИДа, и особую роль в этом процессе сыграла именно Русская духовная миссия. До 1864 г. миссия находилась под управлением Азиатского департамента и являлась крупнейшим российским центром по изучению китайской культуры. Миссия возглавлялась священнослужителем и сопровождалась приставом. В её

состав входили духовные лица и ученые, студенты, врач, а начиная с 11-й миссии – художники. Как было показано в § 1, в российские столичные коллекции поступали разнообразные предметы, собранные представителями Русской духовной миссии в Китае. Теперь необходимо приступить к анализу хранилищ самого Азиатского департамента, в котором оседали памятники искусства, культуры и быта Китая и сопредельных стран.

Памятники письменности поступали на хранение в библиотеку Азиатского департамента. «Китайская библиотека», собранная членами духовной миссии, стала частью обширного книжного собрания Азиатского департамента, где хранились путевые заметки и другие сочинения российских дипломатов, отечественная и зарубежная востоковедная литература. Библиотека располагалась, по всей видимости, по соседству с рабочими кабинетами этого департамента в здании МИДа в восточном крыле Главного штаба.

В 1843 г. отцом Аввакумом была составлена опись рукописных и печатных произведений «Китайской библиотеки». В 1844 г. она была издана на языках оригиналов. Опись получила название «Каталог книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента» [110]. В каталоге получили описание 395 работ на китайском языке на тему истории, географии, статистики, археографии, философии, государственного управления, конфуцианства, христианства, буддизма, даосизма и ислама, естественных наук и медицины, сельского хозяйства и промышленности, математики и астрономии, филологии, а также художественная литература. 60 произведений на маньчжурском языке не были столь разнообразны по своей тематике, однако включали раздел по военному искусству, отсутствовавший в китайской части собрания. Каталог о. Аввакума завершали книги на монгольском, тибетском и санскрите, посвященные в основном буддизму. Вместе с географическими и астрономическими картами они насчитывали ещё 154 единицы.

Важнейшим пополнением «Китайской библиотеки» стало чрезвычайно редкое и дорогое издание — 170 томов буддийских канонических текстов на тибетском языке «Ганджур», которые были подарены 12-й духовной миссии (1840-1849) китайским императором. Они хранились в Азиатском департаменте, в то время как вторая часть подарка императора, «Данджур», долгое время оставалась в Пекинском хранении миссии [8, л. 1].

Книги, рукописи и карты «Китайской библиотеки» хранились в небольшом помещении в МИДе, и доступ ученых-востоковедов к этим сокровищам министерства был ограничен. Летом 1864 г. коллекция покинула стены Азиатского департамента, чтобы влиться в собрание Императорской Академии наук [8, л. 3]. Чуть ранее таким же путем в типографию Академии наук были доставлены ящики с китайскими свинцовыми и деревянными шрифтами, которые были привезены из Китая генерал-адъютантом графом Е. В. Путятиным в 1859 г. [10, л. 1]. В 1866 г. из Азиатского департамента в Минц-кабинет Эрмитажа поступил ящик с коллекцией старинных китайских монет [10, л. 11].

В хранении Азиатского департамента долгое время находились не только памятники письменности. В 1865 г., из здания на Дворцовой площади в Императорский Эрмитаж были перевезены памятники материальной культуры Китая и предметы быта, доставленные в Санкт-Петербург духовной миссией и хранившиеся на протяжении более двадцати лет в комнатах департамента. Начало этому собранию было положено в 1841 г., когда по поручению Министерства иностранных дел пристав 12-й Русской духовной миссии Н. И. Любимов привез из Китая коллекцию памятников культуры и быта [13]. Часть этой коллекции была передана им в Азиатский музей Академии наук.

Опубликованы данные о поступлении из Азиатского департамента в Этнографический музей большой коллекции предметов (215 номеров – 614 шт.), которое относится к 1842 и 1843 гг. [114, с. 215-216]. Предметы были собраны членами Русской духовной миссии в Пекине; в нее вошли жезлы

«жуи», предметы одежды буддийских священнослужителей, культовые предметы и прочее. Полагаем, что это поступление имеет непосредственное отношение к коллекции пристава Любимова.

Другая часть коллекции Любимова была оставлена в Азиатском департаменте. Впоследствии её пополнили китайские и японские предметы, передававшиеся в МИД от других членов миссии. Среди них особо выделялась «коллекция буддийских идолов», переданная в департамент после смерти члена духовной миссии иеродиакона Илариона [9, л. 1]. О. Иларион (Михаил Оводов) (1827—1857) находился в составе 13-й миссии (1850-1858) и скончался от болезни в Пекине, оставив после себя коллекцию буддийской скульптуры, уникальную в контексте истории коллекционирования православными духовными лицами. Иеродиакон Иларион преуспел в изучении китайского и маньчжурского языков и стал автором исторических работ, в которых привлекал неизвестные ранее источники на этих языках. Еще одним его увлечением было изучение буддизма [240, с. 413].

14 (26) апреля 1865 г. министр иностранных дел А. М. Горчаков представил царю доклад, в котором предлагал передать Академии наук собрание китайских предметов из Азиатского департамента. Министр обращал особое внимание на собрание иеродиакона Илариона, испрашивая Высочайшего соизволения направить её в Императорский Эрмитаж с целью сделать эту коллекцию доступной публике. В Архиве внешней политики Российской империи хранится черновой вариант списка предметов для передачи в Эрмитаж. Коллекция «идолов», или «истуканов», а также других персонажей буддийского культа состоит из 19 пунктов и включает в общей сложности 29 фигур [9, л. 2-2об]. Документ содержит имена божеств на санскрите, китайском, тибетском, монгольском языках в русской транскрипции, а также их краткое описание. Указан материал, из которого создан памятник. В большинстве случаев это бронза, однако имелись единичные произведения из дерева, кости и горного хрусталя. Обозначались

локальные школы скульптуры: «монгольское изображение», «китайское изображение», при этом весь список озаглавлен обобщенно – «список китайским вещам».

В некоторых случаях были приведены отличительные особенности иконографии божеств и даны комментарии об их роли в буддийском пантеоне. Характерны такого рода описания: «Шакемуни или Будда, в том виде, как он изображается монголами», «Яман-дага, монгольское изображение гения-посредника между людьми и богами. Все его атрибуты выражают: власть, любовь и услужливость», «Омитофо, по-тибетски называемое Абида, или верховное существо, создавшее Нирвану (вселенную)», «Манчжушри, гений, которому было поручено устроить вселенную и надзирать и радеть за прочным ея существованием» [9, л. 2]). Эти краткие сведения выдают живой интерес к предмету и большое количество накопленных знаний о буддизме в разных странах и регионах. Список был составлен Константином Адриановичем Скачковым (1821-1883) – дипломатом, драгоманом и служащим Азиатского департамента, выдающемся синологом, а также ещё одним ученым в длинном ряду коллекционеров восточных книжных сокровищ.

Перечень продолжался принадлежностями культа, такими как молитвенники, свечи и курильницы. Далее указаны такие этнографические предметы как «талисманы», мужские, женские и детские предметы одежды, обувь и аксессуары, а также элементы интерьера – «картины, стенные надписи и кабинетные принадлежности». В ряде случаев Скачков отмечал, что изделие старинное, например: «Цветочный сосуд, поставляемый пред идолами. Принадлежит к очень старинному изделию китайской бронзы» [9, л. 2(об)] или «Ху-шэнь-цзин, или зеркало охраняющее тело. Очень старинное китайское бронзовое изделие, с тибетскими надписями» [9, л. 3]. В некоторых местах он указывал время создания, как, например, для бронзовой курильницы династии Мин — 1420-е гг. [9, л. 3].

Список включал в себя предметы быта, представленные в основном посудой, и продукты питания длительного хранения, такие как чай пуэр, ласточкины гнезда, мускатные орехи, вермишель. Далее шли «модели» – коллекция моделей китайских экипажей и кукол; и «разные вещи» – монеты, карты, табак и прочее. Замыкали список немногочисленные японские и китайские этнографические предметы. Возможно, эти предметы были в употреблении самими представителями духовной миссии, а затем их привезли в Россию в качестве объектов, представлявших этнографический интерес.

Коллекция памятников, полученных от членов духовной миссии и хранившихся в Азиатском департаменте, по своему предметному составу напоминает частную коллекцию драгомана З. Ф. Леонтьевского, рассмотренную выше. Собрание Леонтьевского также было составлено в ходе его работы в духовной миссии в Пекине и тоже состояло из книг, рукописей, предметов быта и религиозных принадлежностей. В то же время имеются лишь единичные сведения о нахождении в Азиатском департаменте произведений китайской живописи (в разделе «кабинетных принадлежностей»), которая была хорошо представлена у Леонтьевского. Зато благодаря коллекционерским увлечениям о. Илариона в департаменте хранились другого рода «диковинки», по всей видимости, отсутствовавшие в частной коллекции драгомана Леонтьевского, – буддийская скульптура.

Необходимо отметить, что в стенах Азиатского департамента могли храниться и другие памятники, которые не были связаны с деятельностью духовной миссии. Едва ли это хранение было лучше организовано, чем вышеописанное. Очевидно, оно носило временный характер. Известно, например, о поступлении в Канцелярию Азиатского департамента небольшой группы памятников – найденных в катакомбе христианских икон и монет – от государственного деятеля А. С. Норова, который привез их из Генерального Консульства в Александрии [203, с. 89]. В дальнейшем они были направлены в Синод, затем – в Императорскую Академию художеств,

откуда иконы были направлены в фонды Древнерусского музея при Академии [203, с. 92].

Еще одним хранилищем восточных памятников внутри структуры Министерства иностранных дел был Московский главный архив МИД (МГА МИД). Известно, что в фондах библиотеки этого архива в Москве хранились редкие восточные печати, рукописные карты и атласы, планы сражений [12]. На III Международном конгрессе ориенталистов в Петербурге в 1876 г. сотрудники МГА организовали выставку некоторых принадлежащих архиву восточных рукописей, книг и более 80 рукописных географических карт. Выставка рукописей была также устроена в самом МГА [107, с. 125].

Подводя итоги, стоить отметить, что восточные внутриведомственные коллекции МИДа в Санкт-Петербурге делились на две группы: это были коллекции ближневосточных памятников, принадлежащие Учебному отделению восточных языков, и коллекции дальневосточных (прежде всего китайских) памятников, хранившиеся в стенах самого Азиатского департамента. Предметы из обеих групп памятников не экспонировались за пределами этих организаций и были предназначены для исследования ограниченному числу лиц. Несмотря на большую научную ценность коллекций, их статус за пределами Азиатского департамента оставался достаточно неопределенным, что сказалось на их последующем разделении. Для обеих групп в качестве мотивации коллекционирования следует назвать научный интерес дипломатов и интересы их службы, что соответствует практико-ориентированному характеру отечественного востоковедения той поры.

Задача Учебного отделения заключалась в подготовке служащих-специалистов на Ближнем Востоке. Коллекции собирались специально для Учебного отделения в первую очередь его бывшими выпускниками и другими дипломатами и использовались в учебном процессе, приравниваясь к учебным пособиям. Эти научные коллекции имели во многом характер протомузейной формы. Само появление этих коллекций было вызвано

необходимостью развития международных отношений, а их пополнение происходило благодаря служащим-востоковедам с целью усиления научной базы министерства. По предметному составу коллекции представляли собой нумизматическое собрание, а также собрание рукописей и печатных книг (прежде всего произведения арабо-мусульманской литературы) на тему религии, истории, географии, юриспруденции, филологии и естественных наук; была представлена и художественная литература. Нумизматическая коллекция состояла из монет и медалей арабского, персидского и турецкого происхождения.

Хранение Азиатского департамента было открыто для памятников, привозимых в основном членами Русской духовной миссии в Пекине, которая до 1864 г. была подчинена МИДу. Здесь находились дальневосточные рукописи и книги – так называемая «Китайская библиотека», а также этнографические предметы, произведения искусства и предметы быта. В Азиатском департаменте, в отличие от принадлежащего ему Учебного отделения восточных языков, не был сформирован музей. По всей видимости, не было там и научно подготовленного, хорошо организованного хранения с открытым доступом для ученых. Однако главной причиной передачи предметов из департамента в 1860-х гг. в Эрмитаж и Академию наук были и более масштабные обстоятельства. Это образование в Китае собственно дипломатической миссии и выход духовной миссии из состава Азиатского департамента, а также обширная внутренняя реорганизация и сокращение штатных мест в МИДе, проводимые в 1860-х гг. министром А. М. Горчаковым. Таким образом, обе части внутриведомственных коллекций МИДа имели вспомогательный характер и стали результатом служебной деятельности сотрудников Министерства, а происхождение предметов коллекций четко отражало два главнейших географических направления работы ведомства.

§ 3. Дипломатические дары Российской императорской семье и дары дипломатам

На третьем уровне коллекций, составленных благодаря работе Министерства иностранных дел Российской империи, находятся дипломатические дары и находки научных экспедиций. При подходе к разбору первого из упомянутых видов коллекций становится понятно, почему данный уровень рассматривается после частных и ведомственных собраний. Дарообмен и связанный с ним церемониал отражал достигнутый уровень взаимопонимания между двумя государствами. Дипломатические дары становились тем самым ёмкими символами установленного баланса в международных отношениях, требовавшего немалых усилий значительного числа государственных служащих с обеих сторон, в том числе – дипломатов и сотрудников МИДа. Получается, что поступление полученного таким образом предмета в царскую коллекцию происходило в особых условиях, подготовленных деятельностью служащих внешнеполитического ведомства. Как правило, сложно назвать одного или двух лиц, которые всецело отвечали бы за создание таких условий: со стороны МИДа были задействовали дипломаты на местах своей службы, драгоманы, представители центрального аппарата Азиатского департамента, Церемониального департамента. Такая ситуация подразумевает более отстраненный, косвенный, хотя и чрезвычайно важный путь участия МИДа в деле пополнения музейных фондов памятниками Востока. Сразу заметим, что образованные таким образом коллекции восточных памятников по объективным причинам отличаются от частных и ведомственных коллекций МИДа и по своему типологическому характеру, и по мотивации попадания в коллекцию, и по личности коллекционера.

Дар в мировой культуре – предмет внимания исследователей различных гуманитарных дисциплин, в особенности исторического профиля. Феномен дара изучают социологи, антропологи, этнологи, историки и этнографы. Начало исследований дара в культуре было положено в трудах М. Мосса, Э. Дюркгейма, К. Леви-Стросса и М. Годелье, которые занимались теоретическими разработками теории обмена [222, с. 90, 92]. Обмен дарами принято рассматривать как укорененную в истории практику, применяемую в построении отношений как между отдельными людьми, так и между группами людей, в том числе на международном уровне. Дарообмен был распространен в древности и так же актуален в наши дни, сохраняя свою обрядовую и символическую основу. В контексте международных отношений ритуально-символический характер дарообмена призван подчеркнуть продолжение партнерских отношений между странами. Чаще всего в качестве передаточного звена от правителя к правителю выступают дипломаты или послы, поэтому такой тип дара называется дипломатическим, или посольским. Поскольку дипломаты служат представителями своей страны в другом государстве, они также часто становятся дарополучателями.

Традиция обмена дипломатическими дарами распространена как в восточных, так и в западных культурах [265, с. 818], и может быть названа универсальной культурной практикой, чьи корни уходят в незапамятные времена. Чаще всего исследователями выделяются коммуникационная и символическая роль дара [222]. Ритуально-символическая роль посольского дара актуальна при заключении разного рода союзов и соглашений между лидерами стран, во время праздников и прихода к власти новых правителей. Иногда подношения царствующим особам происходят во время их заграничных путешествий.

Диапазон идей для дипломатического дара был чрезвычайно велик. Правители восточных стран одаривали российских императоров и послов оружием, предметами ювелирного искусства, коврами, нумизматическими редкостями, произведениями декоративно-прикладного искусства,

портретами правителей, коврами, рукописными памятниками, книгами, табаком, принадлежностями для курения. В подарок царям и дипломатам из стран Востока преподносили также много предметов, которые не могли дойти до наших дней. К примеру, традиционным типом дипломатического дара от турецких шахов были породистые лошади [1], а в число подарков цесаревичу Николаю Александровичу от Сиамского короля Рамы VI входили слонята, пантера, обезьяны и птицы [149, с. 21].

Каким бы он ни был, дипломатический дар представлял то самое лучшее и искусное, что, по мнению дарителя, производилось в его стране. Восточные дары, как из дальневосточных стран, так и из арабско-мусульманского мира, несли также скрытые значения, которые бывает непросто в полном объеме дешифровать сегодня. Было замечено, что при поступлении в коллекцию предметы теряют свои потребительскую стоимость и приобретают историческое значение благодаря ассоциации с прошлым. Сохраняют они и свое символическое значение благодаря тем структурным смыслам или закодированным посланиям, которые они могут передавать [268, с. 12]. Ярким примером в этом отношении служит дипломатический дар, который заключал в себе послание о достижениях страны в культурной, экономической или военной сфере, служил символом страны, имея непосредственное отношение к утверждению национальной идентичности. Дар мог заключать в себе и символику дружественных отношений между правителями и странами. После совершения акта дарообмена дипломатический дар становился посланцем породившей его культуры в другом государстве. При этом с ходом времени и сменой владельцев значение дара могло приобретать все новые оттенки.

Было замечено, что в России с XVIII в. подношение дипломатических даров приобрело частный, «камерный характер» обмена ценностями между правителями. Сведения об этом обмене редко фиксировались в официальных документах, что затрудняет работу исследователей по восстановлению событий. К примеру, в списке подношений от иностранных делегаций на

коронацию Николая II были перечислены только дары японского императора и корейского посольства. В действительности же, в связи с этим событием император получил дары от правителей Китая, Сиама и других стран.

Обмен дарами был неотъемлемой частью обусловленного официальным протоколом церемониала по приему заграничных гостей. С получением даров было связано ответное награждение иностранных послов российскими орденами и иные практики, являвшиеся частью придворного церемониала. Церемониалы приема восточных послов отличались от стандартных процедур приема посланников из Европы: им была свойственна большая пышность и эффектность. Чтобы восстановить исторический контекст и в более полном объеме представить себе картину церемониала с обменом дарами, необходимо обращаться к историческим источникам и проводить большую комплексную работу по реконструкции событий. В этом поможет исследование документов Министерства иностранных дел и Министерства императорского двора (МИДв), которые хранятся сегодня в Архиве внешней политики Российской империи (Москва) и Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург).

Именно эти два царских министерства, МИД и МИДв, занимались вопросами по приему послов и их пребыванию в России. В делах было задействовано руководство обоих ведомств и чиновники разного статуса, в том числе переводчики. Организация мероприятий по всем правилам международного этикета ложилась на плечи служащих Церемониального департамента МИДв, находившегося до 1858 г. в подчинении МИДа, а за учёт и хранение даров отвечал Камеральный отдел МИДв [206, с. 11]. В организации приема представителей восточных стран были заняты и чиновники Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел [120, с. 159].

В допетровской России посольские подношения в большинстве своем отправлялись на хранение в Оружейную палату Московского Кремля. Впоследствии эти сокровища перешли в фонды Музея Московского Кремля.

С XVIII в. обозначилась новая тенденция: посольские дары начали оседать в царских коллекциях в новой столице Российской империи Санкт-Петербурге. Основная их часть была сосредоточена в Зимнем дворце, хранились дары и в загородных царских резиденциях. В связи с этим обстоятельством, а также с национализацией дворцов и реорганизацией музеев после Октябрьской революции, именно Государственный Эрмитаж является сегодня хранителем большинства известных нам дипломатических даров российскому императорскому двору за два века существования Российской империи.

Ниже приводится краткая характеристика коллекций даров императорской семье от правителей восточных стран в хронологическом порядке с начала XIX в. до 1917 г., указаны страны и регионы и типы подношений. В связи с тематикой работы, посвященной формированию отечественных музейных фондов, из богатой истории обмена дипломатическими дарами рассмотрен только аспект получения даров российской императорской семьей. Между тем обмен дарами между правителями всегда был обоюдным. Традиции дарообмена с восточными странами отражают дела из архива АВПРИ. К примеру, одно из дел «Турецкого стола» озаглавлено так: «Письма и подарки (табак и прибор для курения) его величества султана, отправленные с вице-адмиралом Аариф Пашею для поднесения государю императору и отправление ответного подарка (2-х ламповых ваз) султану» [1., д. 2226]. Особенное внимание уделяется времени правления императора Николая II. Прежде всего это связано с происходившим на рубеже XIX-XX вв. открытием новых культур восточных стран. При продолжении контактов с Ближним Востоком, участием в геополитическом противостоянии с европейскими странами в Средней и Центральной Азии, налаживались и новые контакты. Именно эпоха Николая II была отмечена появлением большого числа невиданных прежде дипломатических даров, что стало результатом более смелого и решительного, чем прежде, поворота политического курса России на Восток.

Что касается начала-первой половины XIX в., времени правления Александра I и Николая I, то среди восточных даров этим российским императорам преобладали подарки от правителей Османской империи и Персии. Традиционным подарком из Османской империи было дорогое оружие, украшенное драгоценными камнями. Примером служит украшенная эмалью сабля и конский убор с чепраком, привезенные после заключения Адрианопольского мира с Турцией в 1829 г. [97, с. 62]. С территории Османской империи поступали и православные памятники. Так, от митрополита Кирилла поступила икона Богоматери с младенцем в знак благодарности Александру I, защитившему греческие и афонские монастыри от уничтожения в ходе подавления национально-освободительного восстания 1821 г. [69, с. 201]. Среди персидских даров встречались драгоценные камни (известный пример – это алмаз «Шах», подаренный Николаю I в 1829 г. и хранящийся в Алмазном фонде Московского Кремля), дорогое оружие, манускрипты, ковры, посуда, лошади. Характерными дипломатическими дарами от иранских шахов были портреты представителей правящей династии – например, портрет принца Аббас-мирзы, вырезанный из алебастра на раме зеркала, поступивший в 1822 г. [69, с. 203].

Император Николай I заботился о развитии музейных коллекций, внося свой вклад в формирование этих собраний. Восточные нумизматические памятники, которые Николай I получал в качестве посольских даров, передавались в Минцкабинет Императорского Эрмитажа. Среди них – золотая медаль с тугрой из бриллиантов от османского султана Махмуда II, присланная в знак благодарности русскому царю за оказанную им помощь в войне с Египтом в 1831-1833 г. [198, с. 77]. Зная об увлечении царя коллекционированием восточных памятников, востоковед О. И. Сенковский с помощью Х. Д. Френа даже составил на имя Николая I записку с предложением расширить состав мирного договора с Ираном. Сенковский предлагал царю получить от иранской стороны около 500 редких рукописей, однако предложение принято не было [18].

Начиная с 40-х годов XIX века, с активизацией российской внешней политики в среднеазиатском регионе, к Российскому двору стало поступать много даров из Хивинского, Кокандского ханств и Бухарского эмирата. Это в основном было оружие, украшенное драгоценными камнями, посуда, дорогие ковры и ткани. Многочисленными были дары от Хивинского хана Николаю I, привезенные в 1843 г. по случаю ратификации договора между Россией и Хивинским ханством [93, с. 69]. В их состав входила персидская сабля с булатным клинком начала XIX в. – пример того, что дары не обязательно должны были представлять собой изделия, произведенные в стране-дарителе. Богатые дары преподносились от Кокандских ханов. В 1868 г. по случаю заключения торгового договора императору Александру II было подарено множество драгоценных предметов, изготовленных в Средней Азии. В их числе были стальная конская сбруя, золотое конское седло, сабля с золотыми ножнами, изысканно отделанное конское снаряжение, колчан со стрелами и другие подобные предметы [69, с. 247-253]. Такие характерные подарки от правителей среднеазиатских ханств поступали к российскому императорскому двору вплоть до начала XX в.

В 1862 г. были зафиксированы поступления к Российскому царскому двору дипломатических подарков из Японии. Характерными дарами правителей Страны восходящего солнца были оружие, исторические монеты, произведения декоративно-прикладного искусства. Японское оружие поступало в Россию в качестве дипломатического дара и при Александре III [6].

В конце XIX — начале XX в. к не прекращавшейся традиции поступления даров к Российскому императорскому двору из стран Ближнего Востока и Средней Азии (примером может послужить палатка – подарок от бухарского эмира Александру III) активно присоединились дальневосточные, юго-восточные и центральноазиатские страны, чья культура была прежде плохо представлена в царском собрании или не представлена вовсе. Например, памятники из Юго-Восточных стран коллекционировать в России

раньше было практически невозможно по причине того, что эти государства были превращены в колонии европейских стран [72, с. 29].

К концу столетия Россия была уже достаточно активно вовлечена в европейскую политику по достижению влияния в различных регионах Азии. При императорах Александре III и Николае II увеличилось число российских дипломатических представительств. Рассматриваемый период был отмечен небывалым доселе расширением международных контактов в Азии, и, как следствие, знакомством большого числа подданных Российской империи с прежде неизвестными или малоизвестными культурами далеких стран. С особым интересом к духовному и культурному наследию Востока обратилась русская интеллигенция в поисках новых источников знаний и вдохновения. Иными словами, это время было отмечено явным культурным поворотом России к восточным странам, возникновением обоюдного политического и культурного интереса.

Своеобразным предисловием к усилению восточного направления во внешних связях нашей страны послужило путешествие цесаревича Николая Александровича на Восток в 1890-1891 гг. с целью ознакомления с политическим устройством и культурой Египта, Индии, Индонезии, Сиама, Китая и Японии, ради личного знакомства с правителями и установления дипломатических отношений. По возвращении цесаревич привез коллекцию восточных предметов. Часть из них Николай Александрович приобрел в качестве сувениров, другие были подарены от местных жителей, отдельную группу составляли дары от правителей восточных стран.

Среди подарков Сиамского короля Рамы V Чулалонгкорна, преподнесенных в знак установления дружеских отношений между двумя странами, были серебряные с золочением парные канделябры и настольное украшение с изображением птиц хамса, слоновые бивни (Государственный Эрмитаж (ГЭ), Инв. № ИС-313, ИС-314, ИС-315, ИС-241 а, б) [69, с. 388], [149, с. 21]. В Китае цесаревичу подарили бронзовую вазу XVIII в. от имени дипломата Ли Хунчжана, после того как аудиенция у него не смогла

состояться (ГЭ, Инв. № ЛМ-156) [69, с. 327]. В знак извинения за «инцидент в Оцу» японским императором Мэйдзи было передано множество даров, в том числе ковер со сценой охоты на собак — действа, за которым Николай Александрович наблюдал в качестве зрителя (ГЭ, Инв. № ЯТ-2049) [69, 324].

Эти и другие дипломатические дары, сувениры и приобретения из коллекции цесаревича были показаны на благотворительной выставке, прошедшей с ноября 1893 по апрель 1894 г. в Зимнем дворце и Императорском Эрмитаже. Всего было представлено 1313 экспонатов [244, с. 69]. Как отмечает А. А. Егорова, главенствующим при их демонстрации был политический мотив: выставка посвящалась отнюдь не культуре и искусству далеких стран, а самому путешествию цесаревича, «и целью ее было формирование имиджа русской монархии и будущего монарха в самой России» [84, с. 154].

Процесс обучения наследников престола по традиции завершался длительным путешествием, но великие князья ещё никогда не отправлялись в далекие восточные страны, практически не уделяя внимания Западной Европе. Путешествие цесаревича должно было послужить началом новой главы в российской внешней политике и культурных связях. Устроенная экспозиция из привезенных предметов как часть этой политической программы была призвана рассказать о том, какие культурные и природные явления восточных стран заинтересовали Николая Александровича. Экспонаты отражали познавательные стремления молодого цесаревича и его желание как венценосного «первопроходца» к накоплению всего экзотического.

В первом зале рядом с парадным портретом Николая Александровича в полный рост была помещена карта с маршрутом его следования [244, с. 71]. Этикетки к экспонатам отсутствовали, но можно было получить устное разъяснение от постоянно находившихся в залах представителей Общества спасения на водах и морских офицеров Гвардейского экипажа. Впоследствии вышел фототипический альбом выставки, а также каталог со статьями

известного востоковеда и коллекционера Э. Э. Ухтомского, сопровождавшего цесаревича во время путешествия.

Фотографии с выставки [244, с. 73-83] позволяют увидеть затейливые «ассамбляжи» из экспонатов: в причудливом соседстве разместились произведения восточной живописи, каллиграфии, декоративно-прикладного искусства, мебель, ткани, ювелирные изделия, оружие и такие диковинки как, например, чучело крокодила (в каталоге — «убитое Наследником Цесаревичем чудовище с Явы», демонстрировалось в Зале Леонардо да Винчи Старого Эрмитажа [84, с. 155]). В индийском отделе шкуры животных служили фоном для индуистской и джайнской скульптуры [244, с. 73].

Однажды выполнив свою репрезентативную функцию, эти предметы никогда более не выставлялись в том же составе [244, с. 70]. В 1897 г. по высочайшему указу значительная их часть — более 600 предметов из Северной Африки, Индии, Индокитая, Китая, Японии, а также подарки, поднесенные во время возвращения цесаревича по Сибири, были переданы в коллекцию Музея антропологии и этнографии. В их число вошли практически все памятники японской живописи, описанные в каталоге как «обои» и отнесенные к этнографическим материалам [84, с. 163], многочисленные сувениры. В Минералогический музей поступили образцы японских минералов. Ряд предметов, происходящих из восточного путешествия цесаревича, находится сегодня в Российском этнографическом музее, Царском Селе и других собраниях [153, с. 57].

Дарам из путешествия великого князя Николая Александровича, показанным среди прочих предметов на выставке 1893-1894 гг., придавался политический подтекст «покорения» цесаревичем Востока. Эта единственная в своем роде выставка восточных предметов из царской коллекции времен Российской империи была отражением культурной ситуации своего времени со все возраставшим интересом широкой публики к цивилизациям Востока. В то же время, по причине всех перечисленных выше особенностей, выставка не смогла стать значительным, поворотным культурным событием для

широких слоев населения. Часть предметов была направлена в дальнейшем на украшение интерьеров Зимнего дворца, часть пополнила музейные коллекции уже в годы правления Николая II.

Среди предметов, отличавшихся высоким качеством исполнения, многие были оставлены в Зимнем дворце — например, изделия японских мастерских Сацума (ГЭ, Инв. № ЯК-985, 984) и дипломатические дары. Возможно, Николай Александрович имел в виду эти предметы, когда писал в своем дневнике 4 (16) января 1896 г.: «Прочитав обычные утренние дела, пошел с Аликс смотреть свою коллекцию из путешествия. Выбрали несколько вещей для установки в наших комнатах, в коридоре и на лестнице» [74, с. 248]. Запись относится ко времени перед коронацией, когда будущие император и императрица занимались приготовлениями к переезду из Аничкова дворца в Зимний.

Коронация Николая II и Александры Фёдоровны состоялась 14 (26) мая 1896 г. в Успенском соборе Московского Кремля. Подарки от китайского императора Гуансюй были преподнесены им ещё до церемонии, в Царском Селе, и в тот же день отправлены в Зимний дворец [74, с. 57]. Ряд даров последовал лично от влиятельного политика чрезвычайного полномочного посла Ли Хунчжана, о чем Николай Александрович оставил запись в своем дневнике [74, с. 269]. «25 апреля принял Ли Хунчжана, который передал мне подарки от Богдыхана, а также свои собственные. Потом долго беседовали с ним в кабинете, через посредство его сына лорда Ли!» [74, с. 269]. Поздравления послужили поводом к началу продуктивных для обеих сторон переговоров по поводу строительства Китайско-Восточной железной дороги и по другим актуальным вопросам.

Традиция получения подарков от правителей Китая закрепилась ещё со времен Петра I, но в XIX в. она утихла в связи с уменьшением числа контактов, и вновь возродилась лишь после восточного путешествия цесаревича. Еще в 1893 г. было зафиксировано поступление в царскую коллекцию китайских фарфоровых ваз [7]. В 1896 г. состоялась первая и

далеко не последняя поездка Ли Хунчжана в Россию, с этого времени увеличилось и число даров от правителей Цинской империи. В основном эти дары представляли собой произведения декоративно-прикладного искусства с благопожелательными надписями или символами, а также древние монеты. Среди них были изделия из нефрита, фарфора, бронзы, перегородчатой эмали, лакированные резные коробки и другие произведения, в которых выражались пожелания процветания государству, долгих лет и счастливого правления императору [153, с. 58-59].

24 мая (5 июня) 1896 г. Николай II записал: «Осмотрели наскоро Оружейную палату, в нижних залах которой японский принц Фушими поднес нам замечательно красивые подарки от императора и моего друга Сацума» [74, с. 275]. От имени японского императора Мэйдзи преподнесли скульптуру орла из слоновой кости и вышитую шелком ширму [124]. Вероятно, с коронацией было связано и подношение российскому представительству в столице Японии двух Сацумских ваз из резиденции семьи Самадзу (ГЭ, Инв. № ЯК-1996 а, б) [69, с. 350]. Впервые в Москву на коронационные торжества прибыла делегация из Сиамского королевства. Императору Николаю II от короля Рамы V передали подарки, в числе которых были 20 комплектов книг буддийского писания «Трипитака» [123].

Корейская делегация прибыла на коронацию, вручив в качестве подарка две никелевые курильницы [135, с. 14]. По завершении торжеств дипломаты отправились в Санкт-Петербург, где вели длительные переговоры с российским правительством по насущным проблемам: в период крайней напряжённости в отношениях с Японией, с февраля 1896 г. по февраль 1897 г., корейский король Коджон находился в убежище в российской дипломатической миссии в Сеуле [135, с. 14].

Годы правления Николая II ознаменовались поступлением ещё большего количества восточных дипломатических даров. Дары из разных стран имели свою специфику. Как и раньше, правителями Турции и Ирана в знак мирных намерений преподносились предметы оружия, украшенные

драгоценными камнями. При этом к началу XX в. практика дарения от властителей ближневосточных стран стала сокращаться [97, с. 61]. К императорскому двору поступали дары из среднеазиатских ханств: оружие, ковры, произведения декоративно-прикладного и ювелирного искусства. В 1906 г. от Бухарского эмира был получен альбом для фотографий в серебряном переплете с драгоценными камнями (ГЭ, Инв. № VЗ-546) [69, с. 383], а в 1910-1911 гг. Хивинским ханом подарена конская попона (ГЭ, Инв. № ВО-4572) [69, с. 387].

Продолжилось поступление даров из Китая: в 1902 г. китайским посольством были переданы два сосуда для вина и две вазы для фруктов или сладостей из перегородчатой эмали (ГЭ, Инв. № ЛМ-585 а, б; ЛМ-586 а, б; ЛМ-587 а, б; ЛМ-588 а, б) [69, с. 377-8]. Оружие, нумизматика, предметы декоративно-прикладного искусства по традиции наиболее часто встречались среди японских даров. В 1916 г., в период относительного улучшения отношений после войны 1904-1905 гг., при подписании союзного договора японским военным агентом была подарена катана с благопожелательной надписью [93, с. 71]. В том же году, на закате правления Николая II, императору были преподнесены две напольные японские вазы, украшенные перегородчатой эмалью. Подарок был передан от имени японского императора принцем Котохито Кан-Ин, посетившем Николая Александровича в Ставке в Могилёве [137, с. 17].

В начале XX в. в царской коллекции появились предметы культа из Тибета, которые поступили в качестве дипломатических даров императору Николаю II. Много культовых буддийских предметов было получено и из Монголии, а также от бурятов и калмыков [85, с. 14]. Благопожелательным смыслом обладала фигура бога врачевания Амитаюса, подаренная царевичу Алексею от хамбо-ламы Д. Д. Итигэлова в связи с 300-летием дома Романовых (Инв. № КО-384). В 1901-1902 гг. в царскую коллекцию поступили портреты XIII Далай-Ламы Тхуптэна Гьяцо, переданные через бурятского ламу и дипломата Агвана Доржиева, а в 1905 г. – через

путешественника П. К. Козлова [153, с. 59]. Ещё одним подарком Далай-ламы была чакра, или колесо учения (ГЭ, Инв. № КО-884), – символ праведного царя, отсылающий к буддийским представлениям о царе-чакравартине. Такие дары традиционно подносились далай-ламам и тибетским царям при восшествии на престол. Примечательно, что буддийская ритуальная скульптура и алтарные украшения были установлены в личных покоях царской семьи в Зимнем дворце. Известно, к примеру, что чакра украшала Салтыковскую лестницу [85, с. 18; 69, с. 372].

По регионам своего происхождения дипломатические дары из восточных стран были близки и другим предметам, которые император и его семья приобретали в свою коллекцию. Главным принципом формирования царского собрания было следование личным интересам и увлечениям, которые, в свою очередь, сильно зависели от того, что коллекционировали в это время в Европе. В отношении Востока это были памятники Ближнего Востока, китайские и японские изделия [72, с. 29]. Говоря о применении восточных даров при российском дворе, стоит обратить внимание на то, что они не пускались в обиход по своему прямому назначению и тем самым лишались изначально заложенной в них или в их прототипы функциональности. К примеру, прообразы сиамского настольного украшения (ГЭ, Инв. № ИС-315) служили в качестве подносов для жевания бетеля и были в обиходе у наследных принцев, но способ их использования в рамках русской культуры был неприемлем. Напротив, подарки от правителей западноевропейских стран уже не воспринимались в XIX-начале XX в. как посланцы иной культуры. Дары правителей Европейских стран преподносились, как правило, в качестве поздравлений в честь общих христианских праздников, бракосочетаний высочайших особ, дружеских визитов. Это были лучшие современные произведения из фарфора, ювелирное искусство, редкие и драгоценные вещи. Такие престижные дипломатические дары от европейских властителей как фарфоровые и серебряные сервизы использовались в быту при дворе. Несмотря на

развернувшуюся на рубеже XIX-XX вв. полемику о глубинных духовных связях русского народа с народами Азии и об особом историческом пути нашей страны в этом отношении, русский царь, несомненно, разделял общеевропейские культурные нормы и обычаи. Интерпретация восточных даров в царском собрании как диковинок подтверждает этот факт. Отметим при этом, что проблема требует дальнейшего и более детального исследования с помощью привлечения исторических источников, таких как дневники и мемуары лиц, близких ко двору.

Восточные дары не оседали в хранилищах министерств и архивов, а украшали интерьеры царских дворцов. Очевидно, во-первых, что восточные предметы воспринимались в целом как нечто экзотическое и диковинное, и уже потому достойное сохранения. Эта особенность в полной мере выразилась ещё на временной выставке предметов из путешествия цесаревича Николая Александровича 1893-1894 гг., когда наряду с дипломатическими дарами были показаны другие предметы, не имевшие отношения к искусству и ремеслу. Во-вторых, император был не просто частным коллекционером. В самодержавной Российской империи он являлся единственным лидером внешней политики и главным дипломатом, с чем была связана репрезентативная функция дипломатического дара: он мог напоминать царю об одержанных им победах на полях дипломатии. Третий мотивационный аспект использования дипломатических даров в качестве украшения интерьеров – эстетический. В течение рассматриваемого периода несколько раз возобновлялась мода на восточные предметы роскоши, которые воспринимались как уместное украшение дворцовых интерьеров. Подарки на коронацию от китайского императора, например, украшали личные покои Николая II в Зимнем дворце, второй этаж Адмиралтейской части и Салтыковскую лестницу [153, с. 59]. Известно, что дары из ханств Средней Азии распределялись между членами царской семьи и могли храниться в разных принадлежащих им дворцах [69, с. 67].

Связанная с дарами императорской семье культурная практика – это преподнесение даров дипломатам, которые являлись представителями своей страны в других государствах. К примеру, в 1817 г. главе русского посольства в Иране генералу А. П. Ермолову были подарены два портрета иранского правителя Фатх-Али-шаха Каджара во весь рост. Один портрет предназначался для императора, другой – для самого посла [69, с. 197]. В 1855 г. секретарь российской миссии оставил запись о подарке Кавадзи Тосиакиры, главы японской миссии, своего меча дипломату адмиралу Е. В. Путятину. Этот дар символизировал глубокое уважение и был преподнесен, по всей видимости, по решению самого японского правительства [93, с. 71]. Он был приурочен к подписанию первого в истории договора между Россией и Японией – Симодского договора 1855 г., который устанавливал границы между странами и позволил наладить торговые отношения [69, с. 71]. Коллекционер-дипломат К. фон Вебер получил ряд предметов от короля и королевы Кореи, которые он впоследствии передал в Музей антропологии и этнографии. Среди них были курильница и древние керамические вазы, подаренные Веберу королевой Мин [210, с. 35]. Необычным даром от короля Коджона, с которым у Вебера сложились теплые и даже дружеские отношения, была старинная пушка.

Завершая обзор наиболее характерных из известных нам коллекций посольских даров российскому императорскому двору, заметим, что на каждом историческом этапе объемы обмена ценностями отражали насыщенность отношений между странами. Вместе с этим с течением времени возникало все больше новых стран, откуда поступали посольские дары. Если в правление Александра I дары поступали из Османской империи и Персии, то в годы Николая II поступали также предметы из Китая, Кокандского и Хивинского ханств, Бухарского эмирата, Японии, Кореи, Сиама, Тибета и Монголии. Было замечено, что в каждой стране существовали свои представления о том, какие предметы должны были входить в состав посольских даров. Несмотря на все разнообразие таких

представлений, в каждой стране дипломатический дар являл собой искусный, редкий и ценный предмет, который заключал в себе послание о достижениях страны, временами – символику дружественных намерений. Преподнесение даров российским дипломатам отражало практику одаривания членов российской императорской семьи.

Рассматривая дипломатический дар в целом, следует сделать вывод, что научная мотивация, доминировавшая в предыдущих двух группах восточных коллекций, в данном случае не была решающей. Бытование восточных предметов в собрании императорской семьи было определено их редкостью, статусностью, которую они несли, и модой. Эти аспекты отчетливо проявились на временной благотворительной выставке 1893-1894 гг. в Зимнем дворце и Императорском Эрмитаже, посвященной восточному путешествию цесаревича Николая Александровича. Сама же история обмена дипломатическими дарами являлась продолжением старинной мировой культурной традиции. Её существование было вызвано желанием обозначить возникающие или продолжающиеся дипломатические отношения между странами, продемонстрировать дружественные намерения одного правителя по отношению к другому: объяснимо, что сведения о дарообмене не всегда находили отражение в документации. Министерство иностранных дел наряду с Министерством императорского двора выступали в данном случае в роли проводников, посредством которых дарообмен на высшем уровне становился возможным.

§ 4. Коллекции «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении»

Как и в случае с дипломатическими дарами, коллекции «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении» отнесены к третьему уровню составления восточных собраний посредством работы МИДа. Этот уровень, названный нами государственным (межгосударственным), охватывает те практики составления коллекций, в которых Министерство создавало необходимые условия для складывания собраний, а также были задействованы ресурсы, позволявшие войти в соприкосновение с дипломатическими и правительственными кругами других стран. При этом действия конкретных чиновников, которые влияли на данный процесс, проследить значительно сложнее, чем в случае с целенаправленным коллекционированием, которым занимались служащие (личностный и ведомственный уровни формирования коллекций).

Конечно, Министерство иностранных дел оказывало необходимое содействие в работе экспедиций, снаряжаемых и другими организациями, помимо «Русского комитета». Активную экспедиционную деятельность в странах Востока во второй половине XIX в. вели Российское географическое общество, Восточный отдел Императорского археологического общества и Главный штаб Русской императорской армии. Главными регионами их исследований были Восточный Туркестан и Монголия, находившиеся в составе империи Великая Цин, а также Средняя Азия — часть российских владений. Здесь работали такие знаменитые ученые и путешественники как Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов, Г. Е. Грум-Гржимайло, В. И. Роборовский, Г. Н. Потанин, П. К. Козлов, Н. И. Веселовский, Ч. Ч. Валиханов.

В 1890е гг. в Петербург были привезены разнообразные материалы из азиатских экспедиций Всеволода Ивановича Роборовского и Петра Кузьмича Козлова, в том числе – фрагменты рукописей, керамики, фресок. Находки всколыхнули волну интереса к областям, о культуре которых было практически ничего не известно. В 1898 г. Академией наук снаряжается экспедиция географа и этнографа Дмитрия Александровича Клеменца в Турфанский оазис Восточного Туркестана с целью «археологической рекогносцировки» – фиксации памятников Турфана и его окрестностей. Д. А. Клеменцом было сделано множество фотографий и рисунков, привезены рукописные и эпиграфические материалы, положившие начало изучению домусульманской культуры Восточного Туркестана [103]. Экспедиция получила огромный резонанс в научных кругах. Доклад об её открытиях, сделанный на XII Конгрессе ориенталистов в Риме 1899 г. академиком В. В. Радловым, дал толчок к созданию «Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях». Центром деятельности Международного союза и стал вскоре «Русский комитет» [40, с. 503].

К несчастью, драгоценное время после сенсационных открытий Клеменца было упущено, и Россия утратила первую роль в научном освоении Восточного Туркестана. В 1900 г. Министерство финансов отказалось выделить средства на большую трехлетнюю экспедицию Императорского археологического общества в Таримский бассейн, которая должна была углубить исследование Хотана, Кучи, Турфана и других древних очагов культуры южнее Тянь-Шаня. Экспедиция не состоялась, а инициатива перешла в руки зарубежных ученых – немецких, английских, французских, шведских, японских и китайских.

При обсуждении проекта устава «Русского комитета» – центрального руководящего органа «Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии» – было определено, что он должен состоять в ведении Министерства иностранных дел Российской империи. На практике

покровительство МИДа выразилось в том, что министры утверждали состав членов комитета и состав бюро, ежегодное пособие для РКСВА было включено в смету министерства, а зарубежные экспедиции Русского комитета находились под защитой правительства и пользовались поддержкой российских дипломатов на местах.

Пополнение музейных фондов памятниками Востока при условии патронажа МИДом научных экспедиций могло быть чрезвычайно плодотворным. Деятельность РКСВА принесла в национальные музейные сокровищницы множество коллекций, отражавших культурное разнообразие восточных стран и восточных регионов самой России. С. Ф. Ольденбург высоко оценил вклад РКСВА в развитие отечественного востоковедения: «Ни одно ученое учреждение в Петрограде, даже из самых старых и заслуженных, за такое короткое время и при таких небольших средствах не может похвастаться подобными результатами», писал ученый [166, с. 158]. «Русский комитет» учитывал все вопросы, что интересовали российское востоковедение в начале XX века: изучение древних и средневековых языков и литературы, истории азиатских народов, их этнографии и археологии [115, с. 114]. При том, что РКСВА в своей работе декларировал чисто научные цели, его деятельность курировалась на уровне высшего чиновничества и тем самым согласовывалась с задачами российской внешней и внутренней политики.

Развитие дипломатических отношений позволяло проводить научные исследования в других странах, организовывать путешествия. Научная и культурная миссия отечественных ученых по исследованию Востока рассматривалась как задача, имевшая большое значение для российской государственности. Работа РКСВА является одним из наиболее показательных примеров того, как государственные структуры осуществляли патронаж над экспедиционной деятельностью отечественных специалистов за рубежом. Существование комитета пришлось на последние десятилетия существования Российской империи, когда контакты со странами Востока

были интенсивными как никогда прежде. Деятельность комитета продолжилась и после Октябрьской революции, завершившись только в 1923 г. в связи с полным реформированием структуры государственного управления и организации научных экспедиций.

С момента своего основания «Русский комитет» возглавлял академик В. В. Радлов – директор Музея антропологии и этнографии (затем его сменил на посту председателя академик С. Ф. Ольденбург). Образовавшаяся таким образом тесная связь между РКСВА и МАЭ приводила к расширению фондов музея [200, с. 70-72]. Как уже отмечалось ранее, Радлов зачастую инструктировал участников экспедиций относительно того, какие именно предметы были бы желательны для пополнения музейных фондов. Многие командированные лица получали не только инструкции, но и подготовку в МАЭ. Среди таких специалистов были участники экспедиций С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан, организованные «Русским комитетом» [126, с. 38].

Все экспедиции РКСВА делятся на два типа: историко-археологические и лингво-этнографические. Именно этнографические материалы, предмет интереса МАЭ, наполняли большинство коллекций «Русского комитета» [114, с. 213]. В качестве примера приведем успешную поездку приват-доцента факультета восточных языков Петербургского университета (впоследствии академика) В. М. Алексеева, отправившегося в 1911-1912 гг. в Китай по заданию РКСВА и привезшего полную и разнообразную коллекцию этнографических предметов (№ 2054) [114, с. 213]. Среди совместных экспедиций МАЭ и РКСВА были этнографические поездки Б. О. Пилсудского на Сахалин, Ц. Ж. Жамцарано в Иркутскую область [115, с. 127], Б. А. Михайлова и Б. Э. Петри к кудинским бурятам, А. В. Анохина к алтайцам, С. Д. Майнагашева в Енисейскую область для исследования тюркских племен [166, с. 55]. Период 1903-1914 гг. был отмечен наиболее плодотворным сотрудничеством Русского Комитета и

МАЭ: в этот период большинство азиатских коллекций музея пополнялось благодаря экспедициями РКСВА (№ 1268, 1270-1276, 1465, 1916) [200, с. 70].

Среди экспедиций «Русского комитета», занимавшихся исследованием языков, литературы и быта азиатских народов были: поездка К. Г. Залемана для изучения иранских языков Средней Азии (1908), А. Н. Самойловича к туркменам и хивинским узбекам (1908), И. И. Зарубина и французского ираниста Р. Готьо в Памир и Припамирские области (1914), экспедиции И. И. Зарубина в Памир 1914, 1915-16 и 1917-1918 гг., С. Е. Малова для изучения языка и быта уйгуров Западного Китая (1909-1911, 1913-1915), командировка Ф. И. Щербатского для исследования рукописей из тибетских монастырей в Ургу (1905), Б. Б. Барадийна с целью собирания памятников буддийской литературы и изучения буддийских центров в Тибет (1905-1907), В. И. Анучина в Туруханской край для изучения языка и быта енисейских остяков [40, с. 508] и другие. Эти ученые привозили лингвистические и этнографические материалы, рукописи, публиковали отчеты в «Известиях Русского комитета».

Что касается историко-археологической экспедиционной деятельности «Русского комитета», то существовало два магистральных направления работы: Китайский Туркестан (Восточный Туркестан и провинция Ганьсу) и азиатские владения России (Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток). В них были задействованы разные группы ученых – специалистов в своей области. Ярким исключением была работа художника и исследователя, сотрудника МАЭ С. М. Дудина, проявившего себя сразу в двух направлениях: Дудин принимал участие во многих экспедициях как в Средней Азии, так и на территории Китая. Два направления отличались друг от друга особенностями организации процесса и своими задачами. Работы в Китайском Туркестане были нацелены на изучение архитектурных объектов, в первую очередь – буддийских пещерных храмов, сооруженных на территории оазисов Таримского бассейна вдоль трасс Шелкового пути (Дуньхуан, Куча, Турфан

и другие). Как считается учеными, культовые буддийские постройки начали появляться там уже с 4 в. н. э. [152, с. 323].

За рубежом большое значение для успеха экспедиций имела связь исследователей с российскими дипломатами. Важность этой связи проявилась уже в процессе подготовки: так, главным источником для первой поездки от «Русского комитета» в Восточный Туркестан была рукописная карта, специально присланная консулом Н. Ф. Петровским [100, с. 13]. Консул подтвердил, что раскопки в Кучарском оазисе, проводимые там русскими учеными, могут встретить недовольство со стороны китайских властей. Поэтому первая экспедиция РКСВА в Восточный Туркестан – поездка М. М. Березовского в Кучу получила скорее разведывательный характер. Дальнейшие экспедиции в этот регион тоже не были в полном смысле слова археологическими: участниками проводились расчистки и небольшие раскопы в отдельных пещерах. Дипломаты взаимодействовали с учеными и в ходе работ на местности, например, консул Н. Н. Кротков оказал помощь Первой Русской Туркестанской экспедиции при работах в Улан-бае, а Вторая Русская Туркестанская экспедиция останавливалась в Урумчи у Дьякова [166, с. 68, 75].

В 1906-1907 гг. состоялась экспедиция М. М. Березовского в Кучарский оазис [189, с. 31]. Несмотря на первые успешные шаги по налаживанию связей между сообществом ученых и правительством, «Русскому комитету» долгое время не удавалось найти средств на организацию большой экспедиции в Центральную Азию с археологическими целями. В итоге, в 1905 г. было решено командировать для изучения памятников малоисследованного Кучарского оазиса Михаила Михайловича Березовского – многоопытного путешественника и ученого – зоолога, ботаника, географа и этнографа. М. М. Березовский исследовал около 20 пещерных храмов в окрестностях Кучи, привез фрагменты росписей, скульптуры и рукописей. Вместе со своим двоюродным братом художником Н. М. Березовским он доставил в Петербург рисунки, кальки с росписей и

множество фотографии. Экспедиция в Кучу была небольшой, но исключительно полезной в свете дальнейших исследований.

В 1909-1910 и 1914-1915 гг. С. Ф. Ольденбург возглавлял две важнейшие зарубежные экспедиции РКСВА – это были Русские Туркестанские экспедиции (РТЭ). I РТЭ, отправленная для изучения Карашарского, Турфанского и Кучарского округов Восточного Туркестана, привезла свыше 30 ящиков предметов, рукописи и более 1500 фотографий [235, с. 496]. В их числе были памятники искусства, археологические находки, предметы нумизматики. Турфанский округ поразил многообразием памятников, которые были зафиксированы в 5 листах планов, 76 листах эскизов, рисунков, 770 фотографиях, было собрано 25 ящиков различных предметов и фресок [166, с. 70-71]. Экспедиция была особенно удачлива на находки фрагментов рукописей, был собран и некоторый этнографический материал. Детально изучив привезенные памятники, «Русский комитет» составил программу дальнейших работ. Накопленные в России и за рубежом материалы требовали своей научной интерпретации. Необходимо было определиться с хронологией памятников буддийского искусства в Восточном Туркестане и Западном Китае и собрать еще больше материалов для стилистического анализа произведений искусства этого региона [166, с. 73-74].

Для решения этих задач было решено направить новую большую экспедицию к пещерам между городами Ань-Си и Дуньхуаном (западная граница провинции Ганьсу). Эта экспедиция получила название Второй Русской Туркестанской (II РТЭ). На этот раз «Русским комитетом» был выбран лишь один архитектурный комплекс, но он требовал исчерпывающего исследования. Выбор неслучайно пал на область Дуньхуан: в средние века находившейся в ней комплекс Могао, или «Пещеры 1000 Будд», играл исключительное историко-культурное значение благодаря своему географическому положению. Это был один из главных центров распространения буддизма в Китай. Могао представляет собой пещерный

храмовый комплекс в три яруса и знаменит своими стенными росписями и статуями. При том, что II РТЭ побывала в Дуньхуане после английской (А. Стейна), французской (П. Пеллио), китайской (организованной властями провинции Ганьсу) и японской (К. Отани) экспедиций [152, с. 329], ей удалось привезти множество образцов стенописи, рукописей, около 100 тыс. знаков подвижного уйгурского шрифта и небольшие деревянные бруски, важные для истории книгопечатания [167, с. 31]. На территории комплекса Могао, который Ольденбург называл «музеем буддийского искусства» [179, с. 58], были найдены образцы живописи на холсте, шелке и бумаге VII–XI вв.: фрагменты икон и вотивных знамен с изображениями божеств буддийского пантеона с донаторами.

Экспедиции «Русского комитета» в азиатские владения России имели численное превосходство перед заграничными. Большинство поездок было связано с изучением культур народов, населявших территорию Средней Азии [166, с. 156]. Исследователи этого региона внимательно изучали письменные источники и делали попытки связать полученные данные с найденным археологическим материалом. Эти экспедиции, в отличие от русских мероприятий в Китае, стоит в полной мере признать археологическими. Из этих поездок привозили археологический материал, фотографии, рисунки, чертежи.

Экспедиционная деятельность РКСВА в Средней Азии была связана с работой местных краеведов [140, с. 10, 64]. «Русский комитет» субсидировал раскопки научно-краеведческой организации «Туркестанский Кружок любителей археологии» (1895-1917), который под руководством В. В. Бартольда занимался изучением археологии и материальной культуры региона. Археологические работы «Русского комитета» проходили в крупнейших центрах средневековой городской культуры Средней Азии – Самарканде, Пайкенде, Отраре. Особое внимание из них уделялось Самарканду и его древнему городищу Афрасиабу [165, с. 53]. С первого года своего существования Комитет по предложению своего секретаря

В. В. Бартольда приступил к историко-археологическому изучению Самарканда, присоединенного к Российской империи в составе Самаркандской области Туркестанского края ещё в 1868 г. [166, с. 100-101]. К началу XX в. уже имелась длительная история его изучения, но «Русскому комитету», благодаря В. В. Бартольду и члену-корреспонденту Комитета самаркандскому краеведу и археологу В. Л. Вяткину, удалось открыть в изучении Афрасиаба новую страницу, что затем привело к систематическому изучению древнего города уже советскими учеными. При активном участии академика Бартольда Комитет стал вести энергичную борьбу за сохранение ценнейших памятников Туркестана, таких как городище Афрасиаб и обсерватория Улугбека. Несколько успешных экспедиций Комитета было проведено в окрестностях Самарканда В. Л. Вяткиным. Это раскопки 1904 г. в Намаз-гох, 1905 г. в Афрасиабе и — особенно – раскопки обсерватории Улугбека, внука Тимура, в 1908-1909 гг., результаты которых были широко востребованы среди историков, археологов и астрономов. «Русский комитет» продолжил линию экспедиций археолога и востоковеда Н. И. Веселовского [140, с. 80–81]. Он неоднократно обращался в комитет для получения средств на фиксацию памятников, в том числе для работ художника С. М. Дудина и архитектора К. К. Романова в Самарканде. Например, в 1905 г. Дудин произвел раскопки и фотосъемку в комплексе Шахи Зинда, а также собрал коллекцию керамики для Музея антропологии и этнографии и Этнографического отдела Русского музея [199, с. 617].

В 1914 и 1916 гг. состоялись поездки члена «Туркестанского кружка любителей археологии», ученика В. В. Бартольда Л. А. Зимина на городище Пайкенд и в Бухару. Изучение города Карши и гробницы шейха Бахауддина Накшбанда были целями Зимина в Бухаре. Он составил план городища и нанес на карту главные части развалин древнего города Нахшеба. Как и в случае с Вяткиным, его дело было продолжено в советский период. Упомянем ещё одну удачную поездку от «Русского комитета» в азиатскую часть России, совершенную А. В. Адриановым. С 1904 г. на средства РКСВА

Адрианов исследовал енисейские писаницы, а в 1907 открыл единственный в своем роде памятник — каменный столб с надписью одного из уйгурских ханов 8 в. н. э. [40, с. 508].

Кратко охарактеризовав коллекции, привозимые из экспедиций «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении», стоит обратить внимание на решающую роль Министерства иностранных дел в его судьбе: оно финансировало работы РКСВА, контролировало состав членов комитета и состав бюро, гарантировало покровительство и помощь во время зарубежных поездок. Таким образом, этот научный проект находился под полным контролем властей, а его деятельность согласовывалась с политическими задачами, стоявшими перед государством. Именно «Русскому комитету» было суждено стать центральным руководящем органом «Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии», что отражало высокий статус и большую научную ценность работы этой организации.

Деятельность РКСВА принесла в музейные фонды Санкт-Петербурга множество самых разных коллекций из восточных стран – Китая, Монголии, Тибета и восточных регионов Российской империи. В соответствии с направленностью научных поездок, типологически коллекции представляли собой собрания археологических и этнографических материалов. Что касается работ на территории другого государства – Китая, то они были нацелены на изучение архитектурных объектов, и среди находок экспедиций преобладали детали убранства древних храмов и фрагменты найденных на их территории рукописей. В Санкт-Петербург привозили вспомогательные материалы для дальнейших исследований: фотографии, рисунки, обмеры и чертежи, фиксировавшие древние постройки. В течение всего периода своей работы РКСВА был связан с музейной жизнью Санкт-Петербурга. Особенно ярко это проявилось в согласовании работы РКСВА и Музея антропологи и этнографии через директора музея и председателя «Русского комитета»

востоковеда-арабиста В. В. Радлова: проводились совместные экспедиции обеих организаций, участники поездок получали предварительную музейную подготовку.

Исследование разнообразных коллекций восточных предметов, собранных благодаря деятельности Министерства иностранных дел Российской империи, проводилось с помощью типологического разделения коллекций по принципу способа и целей составления. Типология коллекций представляет собой наполнение структуры взаимодействия МИДа и музеев, которой посвящена первая глава настоящей работы.

Рассматривая коллекции в целом, следует говорить о существовании определённой связи между темпами развития и направленностью международных отношений и составлением коллекций памятников. В период XIX-начала XX в. налаживались интенсивные политические и культурные связи с различными регионами восточного мира, происходило открытие в дипломатическом отношении новых стран, развивались исследования на территории азиатской части России. Продолжились контакты Российской империи с Османской империей и Персией, ханствами Средней Азии. В соответствии с направленностью работы российских представительств на Востоке, в первую половину XIX в. было составлено немало коллекций с памятниками из Ближневосточного региона, а с середины века – из среднеазиатских ханств, перешедших под протекторат России, – в первую очередь, в формате посольских даров. В конце столетия – начале XX в. наблюдалось расширение географического ареала восточной политики России. Происходило активное развитие отношений со странами Дальнего Востока и Центральной Азии, что отвечало включенности России в широкую орбиту международных связей. Среди дипломатических даров и предметов дипломатических коллекций стали возникать предметы из Сиама, Кореи, Японии.

Выделяются две масштабные группы коллекций и два региона, которые им соответствуют: (1) Ближний Восток и Средняя Азия, с которыми

были связаны научные интересы с целью продолжения дипломатических контактов, и (2) Дальний Восток и Юго-Восточная Азия, откуда поступало немало редких предметов – именно здесь наблюдалось возникновение новых контактов. Среди всех государств, с территории которых поступали предметы в коллекции, необходимо особо выделить Китай. Памятники культур народов, проживавших на территории Цинской империи, поступали в музейные фонды Санкт-Петербурга в составе дипломатических коллекций, дипломатических даров, в результате передач из хранения Азиатского департамента и находок экспедиций «Русского комитета». С середины XIX в. вплоть до Октябрьской революции наблюдалось развитие дипломатических отношений и культурных связей с этой страной, что и сказалось на большом числе ценностей, попадавших в Россию из Китая.

В предметном отношении в коллекциях преобладали археологические материалы, памятники письменности, предметы быта, произведения искусства, памятники нумизматики. В целом экспонирование предметов до поступления в столичные музейные собрания имело ограниченный характер. Исключение составляет нескольких временных выставок и деятельность двух небольших частных музеев на основе дипломатических коллекций.

Доминирующей мотивацией при составлении коллекций восточных предметов следует назвать научный интерес коллекционеров. Так, крупные коллекционеры-дипломаты часто составляли коллекции как для себя, так и для музеев-научных центров, с которыми они были тесно связаны: подавляющее число коллекций направлялись в Азиатский музей, Музей антропологии и этнографии, Императорский Эрмитаж. Ближневосточные коллекции Учебного отделения были актуальны только в тесном кругу ученых и имели сугубо практическое назначение: помочь в подготовке специалистов для более успешного развития российской политики на Ближнем Востоке. В течение всего периода своей работы «Русский комитет» также учитывал интересы научных и музейных столичных кругов. Несколько особняком в вопросе использования предметов стоят дипломатические дары,

которые в контексте императорской коллекции не рассматривались в качестве материалов для научных изысканий. Посольские дары обладали высокими эстетическими качествами, имели репрезентативную функцию как символы побед на полях дипломатии и рассматривались в качестве экзотических предметов, что обуславливало их присутствие в интерьерах царских резиденций. Часть коллекции посольских даров, очевидно, менее интересовавшая получателя, вскоре после дарения отправлялась на хранение в музейные собрания.

Базируясь на наиболее крупных и известных азиатских коллекциях, мы пришли к следующему выводу относительно роли Министерства иностранных дел в их формировании. За исключением единичных договоренностей между конкретными музеями и чиновниками, о которых упоминалось выше, какого-либо крупного государственного заказа на пополнение музеев не наблюдалось. При этом следует заключить, что сформированные азиатские коллекции представляли собой один из результатов большого востоковедческого проекта, проводимого внутри МИДа, в рамках которого развитие науки отвечало государственным интересам. Было прослежено, что МИД предоставляло условия, необходимые для составления частных коллекций ученых-дипломатов; служебные задачи МИДа вызывали к появлению и развитию ведомственных коллекций; в процессе обмена дипломатическими дарами и накопления находок во время экспедиций роль МИДа была посреднической. Все эти разнообразные практики коллекционирования проливают свет на научные, культурные и политические задачи, стоявшие перед данной государственной структурой.

ГЛАВА 3. Бытование азиатских коллекций, поступивших от Министерства иностранных дел Российской империи, в музейном пространстве

§ 1. Особенности поступления коллекций в музеи Санкт-Петербурга

Приступая к изучению бытования предметов из восточных коллекций в пространстве музея, в первую очередь необходимо обратить внимание на то, при каких обстоятельствах эти предметы поступали в музеи Санкт-Петербурга, поскольку переход предметов в музейные коллекции приводил к важнейшим изменениям в их судьбе. Стоит оговориться, что изменения начинали происходить еще на этапе коллекционирования. По мнению С. Пирс, именно коллекционирование придает предмету значимость, переводя его из материального «измерения» в наследуемое. Без этого этапа невозможно его превращение в музейный предмет [276, с. 53]. Сам акт отбора также добавляет нечто новое к природе предмета, поскольку отныне он имеет репрезентативное и метафорическое отношение к целому: предмет олицетворяет некоторую группу предметов или явлений. Таким образом, потенциал для создания интерпретаций закладывается уже в момент формирования коллекции. Вслед за С. Стюард скажем, что функция коллекции заключается во многом в создании нового контекста, находящегося в метафорическом отношении с миром повседневной жизни [283, с. 254].

Процесс перемещения предмета в музейное собрание в музееведческой литературе называют процессом музеализации. Он позволяет проследить переход предмета в новую культурную реальность [266, с. 115]. Предмет, обладающий музейным значением, становится в результате музеализации

музейным предметом. Согласно определению А. М. Разгона, музейный предмет — это изъятый из реальной действительности предмет музейного значения, включенный в музейное собрание и способный длительно сохраняться [181, с. 37]. Будучи центральным аспектом всей музейной деятельности, музейный предмет определяется также как «движимый объект культурного и природного наследия, первоисточник знаний и эмоций, изъятый из среды бытования или музеефицированный вместе с фрагментом среды и включенный в музейное собрание» [161]. Значение предмета определяется его информационным потенциалом, важным для общества, и музейной ценностью, которая складывается из его научной, исторической, мемориальной и художественной ценности.

С поступлением в музей предмет существенным образом трансформируется: его начинают рассматривать как предмет, обладающий особой важностью для истории человеческой культуры [35, с. 21]. Отныне статус его меняется, утрачивается прежняя функциональность. В музее предмет становится «знаком», с которым можно взаимодействовать только в условиях диалога с человеком – музейным сотрудником и музейным посетителем [35, с. 22]. При этом не теряется связь предмета и с теми, кем и для кого он создавался в прошлом. Тем самым в пространстве музея предмет становится незаменимым свидетелем и источником информации об ушедшей эпохе [35, с. 23]. Его отношение к прошлому прочно зафиксировано: теоретически этот знак может сохраняться вечно, в то время как поколения посетителей музея сменяют друг друга [276, с. 44].

Метаморфозы музейного предмета происходят в особом пространстве – пространстве музея, о котором часто пишут в свете культурологического подхода [111; 146; 101; 75; 173]. Согласно ему, пространство музея выступает как особая проекция культурного пространства и времени. Пространство музея представлено одновременно в знаково-символической форме и в виде совокупности предметов, связанных событий, достижений общества и культуры [111, с. 16]. Е. Н. Мастеницей был сформулирован

тезис о музее как о пространстве межкультурной коммуникации, которое служит развитию межкультурных взаимодействий, «информационному и ценностному обмену между различными социальными общностями и сообществами, этносами, поколениями, профессиональными, возрастными, территориальными и иными субкультурами» [146, с. 29]. Музей рассматривается в качестве важнейшего для современного общества элемента инфраструктуры культурной коммуникации [144, с. 262]. О музеях рассуждают как о местах культурной дипломатии в трудах по зарубежной музеологии [258, с. 11]; к этой идее имеет отношение и Хартия ИКОМ о культурном разнообразии 2010 г. [151, с. 44].

Музеи сегодняшнего дня, музеи «общества эпохи постколониализма» [215, с. 23], становятся более социально ответственными в отношении признания своего прошлого. По точному замечанию Д. Харриса, «многие музеи сегодня занимаются рефлексивными практиками для того, чтобы четко осмыслить скрытые в них политические интенции, некогда прикрывавшиеся фантазиями о музейной прозрачности и нейтральности» [239, с. 41]. По мнению П. ван Менша, принятие такой ответственности требует адаптации традиционных этических принципов. Если первое поколение музейных кодексов этики имели скорее интроспективный характер, то сегодня они все больше взывают ко связи с обществом [151, с. 85]. Одной из ключевых задач сегодняшних музейных профессионалов является, по утверждению Дж. Марстин, выработка новой музейной этики, которая должна включать в себя социальную инклюзию, абсолютную прозрачность и разделенную со вне музейными общественными кругами опеку над культурным наследием [275, с. 4].

С желанием изменить сложившуюся ситуацию связана весьма популярная сегодня концепция «деколонизации» в деятельности музеев. Сложность избавления от колониальной риторики – одна из наиболее актуальных и в то же время болезненных этических проблем западного музейного сообщества сегодняшнего дня. Шаги по «деколонизации музеев»

предпринимаются и в России, например, в Сибирских музеях [190, с. 121], где отрабатываются модели репатриации музейных предметов и новых способов участия коренных народов в музейной жизни. В центральных музеях страны, и в первую очередь в музеях петербургских, распространена иная риторика, опирающаяся на модель «диалога культур». Эта модель характеризуется, в частности, тем, что Восток не представлен в отечественных музеях как отстраненный и обобщенный «другой». Например, в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге народы, населяющие нашу страну, показаны наряду с русскими, коим отдана большая часть экспозиции в соответствии с процентным соотношением. Идея о музеях как о местах встречи разнообразных культур наиболее ярко выражается в рассуждениях о миссии энциклопедических, или универсальных музеев. По словам М. Б. Пиотровского, музей «показывает и доказывает равенство культур, их возможность вступать в диалог, будучи вырванными из своей среды обитания» [191, с. 113].

Собирание памятников дипломатами было одним из способов формирования коллекций, важных для построения культурных диалогов. Дипломаты хорошо ориентировались в культурах стран своего пребывания, проводя за границей годы, а порой и десятилетия. Длительное пребывание за границей и постоянная вовлеченность в актуальную повестку дел, интерес к истории превращали их в экспертов по культуре этих стран. Коллекционирование восточных предметов старины и современных вещей было частью образа жизни дипломатов и подогревалось научным интересом к странам, в которых они работали. Эти обстоятельства обуславливали высокое качество составляемых коллекций, их музейный уровень.

Собирая коллекции памятников восточных культур за рубежом и привозя их затем на родину, делая их доступными для обозрения и изучения, дипломаты выполняли гуманистическую миссию по обогащению национальной культуры и воспитанию подлинного уважения к истории и культуре других стран. Для этой цели дипломаты могли направлять

предметы в музеи или же открывать собственные небольшие музеи – кабинеты, как было в случае с дипломатами П. Л. Шиллингом и З. Ф. Леонтьевским. Впрочем, эти частные музеи дипломатов были впоследствии расформированы, а предметы из них переданы в государственные музеи.

Конечно, культурная миссия по составлению коллекций и ознакомлению с ней своих соотечественников была прерогативой не только российских дипломатов, но представляла актуальность и для их европейских коллег. В истории музеев мира интересен пример Музея Кестнера в Ганновере (Германия), основу которого составила коллекция античной и древнеегипетской пластики дипломата Августа Кестнера. Музей был открыт в 1889 г. в соответствии с завещанием коллекционера, пожелавшим передать собранную им художественную коллекцию в дар родному городу при условии соблюдения её целостности. Коллекция Кестнера действительно не была рассредоточена, а собрание музея лишь росло и пополнялось с течением времени.

В России многие восточные коллекции, всё еще остававшиеся к 1917 г. в частном владении, ожидала сложная, порой трагическая судьба. Большая часть «бывших» дипломатических собраний уцелела в годы Гражданской войны именно благодаря защите их музейными институциями, в фондах которых они находились. К концу XIX в. проблема охраны памятников стала предметом обсуждения в российском обществе, и тогда же стала закладываться основа для появления понятия «культурное наследие». Комплектование петербургских музейных фондов азиатскими памятниками началось еще во времена Петра I (известно, например, что в петровской Кунсткамере хранились предметы мусульманской культуры [22, с. 111]), но только на рубеже XIX-XX вв. восточные предметы начали рассматриваться в качестве свидетельств достояния той или иной восточной культуры – например, мусульманской или буддийской. На формирование этих представлений постоянно оказывала влияние внешняя политика России на

Востоке. В частности, только после вхождения с состав Российской империи среднеазиатских ханств встал вопрос защиты обретенных таким образом древних памятников мусульманской культуры – например, мечетей и других культовых сооружений Самарканда [22, с. 113].

Еще в дореволюционный период профессионалами музейного дела высказывались идеи относительно необходимости открытия новых музейных институций. В 1912 г. известный археолог, этнограф и востоковед, один из основателей Этнографического отдела Русского музея императора Александра III А. А. Миллер предлагал учредить в Москве или Петрограде «Музей восточных древностей» и «Музей азиатско-исламского искусства» [22, с. 74]. Этот факт говорит о том, что уже в самом начале XX в. разрабатывались новые схемы по работе с восточными коллекциями памятников, сосредоточенными в столице.

По мнению В. Г. Ананьева, понимание особого культурного значения коллекций, превышающего простую сумму значений входящих в них предметов, появилось не в Советские годы, но формировалось еще в поздний период существования Российской империи [22, с. 98]. Это наблюдение помогает объяснить желание, с которым дипломаты-коллекционеры передавали собранные ими артефакты в музейные институции. Оно было вызвано заботой о целостности коллекций, которые были составлены столь большими трудами. В этом отношении уместно применить понятие «музеальность», предложенное З. Странским для определения музейного отношения человека к действительности, желания сохранять и использовать предметы, наделенные особым смыслом [62, с. 11]. В своем стремлении реализовать эту потребность коллекционеры направляли предметы в музеи как в исторически сложившуюся наиболее надежную форму защиты и хранения ценностей. Как правило, дипломаты, коллекционировавшие восточные памятники, передавали предметы в эти музеи и другие научные центры. Поступления совершались еще при жизни коллекционеров или вскоре после их смерти в соответствии с завещанием. Многие

коллекционеры-дипломаты направляли в музеи лишь часть своей коллекции, оставляя другую ее часть в семье, но и наследники часто склонялись к решению о передаче унаследованного собрания в музеи.

Лидирующими институциями в этом отношении были Азиатский музей и Этнографический музей (с 1878 г. – Музей антропологии и этнографии) Академии наук. Группы памятников, которые в них направлялись, – это печатные и рукописные памятники письменности и этнографические предметы соответственно. Азиатский музей и МАЭ представляли собой те крупные востоковедческие организации в столице Российской империи, обеспечение которых было предметом постоянной заботы властей. Санкт-Петербургская академия наук, к которой они относились, была ведущим государственным научным учреждением и финансировалась за счет казны.

В Азиатский музей и Кунсткамеру (Этнографический музей) направлялись памятники, собранные в разные годы деятельности П. Л. Шиллинга. Пополнение собрания рукописей Азиатского музея памятниками письменности из коллекции ученого происходило еще при его жизни. Даже покупка крупного собрания рукописей императором Николаем I для Министерства народного просвещения привела вскоре к передаче их именно в этот музей [255, с. 224, 246]. После скоропостижной кончины Шиллинга значительная часть его коллекции (рукописи) была куплена Азиатским музеем, а другая часть (культовые предметы, картины и статуэтки) перешла в собрание Этнографического музея по решению наследников.

Между двумя научными центрами, музеем и библиотекой, была разделена и основная часть коллекции З. Ф. Леонтьевского, ближайшего коллеги П. Л. Шиллинга по изучению культуры Китая. Передача состоялась по решению самого коллекционера и была обусловлена изменившимися жизненными обстоятельствами ученого. Часть коллекции Леонтьевского, отправленная в Этнографический музей, содержала маньчжурские, корейские и китайские костюмы [209, с. 110]. В Публичную библиотеку перешли книги и акварели из его собрания.

Восточные памятники, собиравшиеся членами Русской духовной миссии в Пекине – Н. И. Любимовым, М. В. Ладыженским и другими, по традиции тоже направлялись в научные центры – в первую очередь, это были памятники письменности, предназначенные для Азиатского музея Императорской Академии наук. В деле пополнения фондов Азиатского музея на протяжении XIX-начала XX в. стоит особо выделить группу российских дипломатов из Восточного Туркестана – прежде всего это Н. Ф. Петровский и Н. Н. Кротков, а также С. А. Колоколов, А. А. Дьяков, М. И. Лавров, Я. Я. Лютш, С. В. Соков.

Памятники из коллекции Петровского поступали в Азиатской музей несколькими партиями начиная с 1892 г. Именно Петровскому Азиатский музей (ныне – Институт восточных рукописей РАН) обязан своими богатыми коллекциями индийских, хотано-сакских, тибетских, тохарских и других рукописей, создававшихся народами, проживавшими на территории Восточного Туркестана с глубокой древности. В общей сложности собрание центральноазиатских памятников из коллекции Н. Ф. Петровского составляет сегодня в ИВР РАН 582 единицы хранения [179, с. 14]. На момент смерти Петровского предметы из его собрания находились также в Эрмитаже и музее Русского археологического общества. Предметы, которые консул оставил у себя, были переданы в музеи в соответствии с его завещанием. Так, в 1909 г. в собрание Азиатского музея поступила 131 мусульманская рукопись из Восточного Туркестана из коллекции Петровского [18], а также многочисленные фрагменты рукописей на санскрите; китайские и уйгурские письменные памятники [179, с. 17]. Ещё одно поступление рукописей из коллекции Петровского в Азиатский музей состоялось в 1910 г. через британского консула в Кашгаре Д. Маккартнея [179, с. 17].

Систематическим пополнением музейных фондов древними памятниками занимался Н. К. Кротков, отправлявший рукописи в Азиатский музей, а предметы материальной культуры из оазисов Восточного Туркестана – в Музей антропологии и этнографии. С 1898 г. Кротков

передавал памятники письменности из Синьцзяня в Азиатский музей, благодаря чему в музее была составлена колоссальная коллекция из 4073 единиц хранения [179, с. 15]. Большая ее часть представлена фрагментами рукописей. В письмах Н. К. Кроткову С. Ф. Ольденбург сообщал, что его находки получили инвентарные номера и хранятся в отдельных ящиках, а также снабжены картотекой. Дипломат заботился о надлежащем хранении памятников своей коллекции, а также занимался собственными научными изысканиями с использованием музейных фондов.

Пополнение коллекций МАЭ от дипломатов носило не случайный, но системный характер: по подсчетам Е. А. Резвана, в Музее антропологии и этнографии на сегодняшний день хранится 125 коллекций, связанных с именами 43 русских дипломатов, передававших эти коллекции в музей в период с конца XVIII до начала XXI в. Сюда входят как восточные коллекции, так и собрания этнографических предметов из стран Африки, Мексики и Бразилии [207, с. 69]. При этом основная масса предметов поступила в музей именно в XIX-начале XX в., в период деятельности Азиатского департамента МИД [207, с. 70]. Одним из ярких примеров взаимодействия музея и дипломата была деятельность А. А. Адамова, направившего в МАЭ в 1911 г. собранные им коллекции предметов быта, произведений искусства и фотоиллюстраций из стран Ближнего Востока [207, с. 73].

Первая коллекция предметов, собранная К. фон Вебером в Сеуле и окрестностях города, поступила в Музей антропологии и этнографии в 1893 г. В то время дипломат все еще находился на своей службе в столице Кореи [210, с. 15-16]. Вторая коллекция была подарена Вебером тому же музею в 1907 г. Коллекция преемника Вебера на дипломатической службе Н. Г. Матюнина также была передана при жизни коллекционера в МАЭ.

Многие коллекции восточных памятников, составленные служащими МИДа, направлялись в Императорский Эрмитаж. В течение XIX в. фонды Эрмитажа пополнились предметами из собрания В. В. Вельяминова-Зернова,

А. П. Базилевского, Н. К. Гирса, А. Г. Влангали, Е. К. Бюцова. Н. Ф. Петровского, Я. Я. Лютша. По традиции в коллекцию Эрмитажа поступали памятники, не только интересные в научном отношении, но и обладающие высокими художественными качествами. Если рукописи и предметы быта представляли первоочередной интерес для ученых из Азиатского музея и МАЭ, то в Эрмитаж отправлялись памятники, интересные в историко-художественном, эстетическом отношении. Собрания Базилевского, Влангали и Бюцова были полны разнообразными предметами декоративно-прикладного искусства из разных восточных стран. Передачи из коллекции Вельяминова-Зернова заключали в себе нумизматику и произведения из бронзы, Гирса – мелкую пластику.

Дипломаты из Синьцзяня – Н. Ф. Петровский и его коллеги – направляли в Эрмитаж памятники изобразительного искусства и ремесла, которые представляли собой в то же время археологический материал. Поступление в Императорский Эрмитаж памятников изобразительного искусства и материальной культуры из собрания Петровского было единовременным. Покупка музеем крупной коллекции произошла в ноябре 1897 г. по инициативе хранителя Г. Е. Кизерцкого [229, с. 428]. Памятники были привезены в Петербург самим дипломатом, который продемонстрировал свои находки на заседании РАО 25 февраля 1897 г., где с ними и познакомился Кизерицкий, выступавший за активное пополнение эрмитажных коллекций редкими памятниками археологии [201, с. I-II]. Собрание Петровского, насчитывающее свыше 3000 предметов, в музее получило известность под названием «коллекция Петровского», или «Йотканская коллекция», поскольку большая часть собрания, около 2,5 тыс. предметов, представляла собой терракотовые изделия из Йоткана (Хотанский оазис), датируемые II-VI в. н. э. [189, с. 45].

Большинство восточных дипломатических коллекций осталось в тех музеях, куда они были переданы при жизни собирателей или вскоре после их кончины. Например, рукописи, собранные Лавровым и Кротковым, и сегодня

находятся в фондах ИВР РАН (в прошлом – фонды Азиатского музея) с момента передачи, а предметы коллекции Ладыженского хранятся в МАЭ под теми же номерами (№ 667 (свыше 1000 предметов) и № 683 (свыше 70 предметов) [114, с. 212]). Таким образом, понимание дипломатами музейной значимости собственных коллекций благотворно сказалось на их целостности и сохранности в отечественных музеях. Отметим, что практика приема дипломатических коллекций в музеи актуальна и по сей день. В качестве примера достойна упоминания передача почетным консулом Гвинейской республики в Петербурге и Ленинградской области С. А. Гирдиным своей коллекции Эрмитажу в 2016 г. Благодаря дару консула в музее открылся совершенно новый раздел — африканского искусства. Постоянная музейная экспозиция «Искусство народов Африки» в Главном штабе Государственного Эрмитажа была сформирована после нескольких временных выставок с участием этих предметов — масок, скульптур, оружия и посуды.

Как было выявлено в предыдущей главе, внутриведомственные коллекции МИДа представляют собой две группы. Первая заключает в себе коллекции Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте, а вторая — хранение восточных предметов в стенах самого департамента. К двум группам также примыкает хранение восточных предметов в недрах Московского архива МИД, чья судьба связана с историей музеев Москвы и не входит в область настоящего исследования. Коллекции Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте состояли из собрания книг, манускриптов и нумизматического собрания, которое часто называли «музеем». Этот факт, даже при отсутствии устоявшейся терминологии для этого собрания, говорит о том, что управляющие Учебным отделением придавали ему достаточно большое значение. Коллекции составлялись в первую очередь для нужд учащихся в Институте, к ним также прибегали ученые и профессора в своей научной деятельности. Несмотря на очевидную практическую значимость, еще в годы

работы Учебного отделения начался процесс расформирования коллекции. Судьба музея напрямую зависела от позиции руководства. Противоположных взглядов на этот вопрос придерживались директора П. И. Демезон (директор в 1843-1872 гг.) и М. А. Гамазов (директор в 1872-1893 гг.). Лингвист Демезон не видел необходимости в пополнении коллекций и вообще в содержании нумизматического кабинета, что привело к передаче части собрания в Азиатский музей Императорской Академии наук еще в 1864 г. При этом в годы директорства Демезона институтская библиотека оставалась незатронутой. Существовали и вполне рациональные причины, по которым Демезон отказался от сохранения части нумизматической коллекции в стенах Института. Ведь именно в эти годы по решению министра А. М. Горчакова внутри министерства происходили серьезные изменения. В том числе, число должностей в МИДе было сокращено более чем в два раза, а в соответствии с новым «Учреждением» 1868 г. были уточнены и вновь сформулированы функции министерства. Задачи научных коллекций при Учебном отделении восточных языков нигде не были прописаны, и по всей видимости в обновленном министерстве им не уделялось столь же много внимания, как прежде, при директоре Ф. П. Аделунге (директор в 1825-1843 гг.) и главе МИДа К. В. Нессельроде.

Следующий директор Учебного отделения, дипломат и ученый-востоковед широкого профиля Гамазов, напротив, настаивал на сохранении целостности коллекции, хлопотал о продолжении ее финансирования. Он хорошо понимал важность использования исторических источников, коими были музейные предметы и сокровища библиотеки, в подготовке будущих дипломатов. Напомним, что именно при Гамазове увидели свет первые сборники с научным описанием обеих частей коллекции Учебного отделения, составленные ведущими отечественными специалистами. Нарушение целостности коллекций Института восточных языков стало не единственным сокращением собраний восточных памятников в МИДе.

Также в 1860е гг. произошла передача части рукописей из библиотеки Азиатского департамента в Азиатский музей.

Книжное собрание Азиатского департамента хранилось в здании гражданских министерств на Дворцовой площади. Собрание славилось великолепным подбором китайской литературы — так называемой «китайской библиотекой» с книгами и рукописями, привезенными членами Русской духовной миссии в Пекине. В связи с недостатком места в департаментских кабинетах и малой доступностью для ученых в 1864 г. «китайская библиотека» была отправлена в Азиатский музей. Архивные документы свидетельствуют и о передаче китайских шрифтов в Академию наук в 1864 г., а также об отправке некоторых китайских предметов, происходивших из коллекции иеродиакона Илариона, в Эрмитаж в 1865 г [9; 10]. Обе группы предметов находились на временном хранении в Азиатском департаменте. Несомненно, процессы расформирования ведомственных коллекций МИДа были связаны с реорганизацией внутри ведомства, со снятием с него второстепенных задач и направлением части его коллекций в профильные организации. Именно в 1864 г. произошло выделение Русской духовной миссии в Пекине из состава Министерства иностранных дел. Не вызывает удивления, что и дальневосточные коллекции, составленные членами миссии, также были перевезены из стен министерства.

Две группы ведомственных коллекций МИДа объединяет то, что они были малодоступны широкой публике. Регулярная возможность пользоваться ими была лишь у профессоров, студентов Учебного отделения восточных языков и у чиновников министерства. Поэтому еще до Октябрьской революции 1917 г. их начали передавать в музеи и научные центры, что открывало возможности работы с ними более широкого круга ученых. В отличие от коллекций Учебного отделения восточных языков, хранение предметов материальной культуры стран Дальнего Востока в Азиатском департаменте не имело официального статуса и не было институционально оформлено. Его временный характер предполагался

изначально, что подтверждают и другие случаи передач предметов из департамента в столичные музейные собрания. По сообщению Е. А. Резвана, в 1842, 1843 и 1863 гг. в коллекцию Этнографического музея непосредственно от Азиатского департамента МИД поступили три группы памятников, которые были собраны сотрудниками Русской духовной миссии в Пекине [207, с. 70]. В 1842 г. из Азиатского департамента в собрание Этнографического музея перешло 3 алтарных свечи [114, с. 216]. В следующем 1843 г. состоялась крупная передача из 611 предметов быта китайцев, тибетцев, непальцев и корейцев, которую мы связываем с привозом памятников приставом Любимовым в 1841 г. ([114, с. 215]; см. Главу 2 § 2).

Несколько иначе обстояли дела с библиотекой департамента, которая не носила временного характера. В её состав входили книжные и рукописные сокровища восточных стран, но ее коллекции также могли быть расформированы, переданы в другие ведомства по распоряжению высшего начальства. Это и произошло в действительности. Таким образом, процессы разделения коллекций в полной мере коснулись обеих групп ведомственных собраний МИДа.

Непростая судьба была уготовлена и для библиотеки Учебного отделения при Азиатском департаменте. В 1917 г. библиотека была вывезена в московский архив МИД [18]. Коллекция полностью влилась в состав рукописного фонда Азиатского музея лишь в 1921 г. Этот год был отмечен поступлением 527 списков из бывшего Института восточных языков, причем ряд памятников, около 20 единиц, был утерян во время переезда в Москву и обратно [18]. Известно также о покупке некоторых рукописей из этого собрания через антикваров частными лицами – востоковедами К. И. Чайкиным, Б. Н. Заходером и А. А. Стариковым. Впоследствии эти рукописи пополнили фонды Республиканского рукописного фонда АН АзССР в Баку и Института востоковедения АН ТаджССР в Душанбе [18].

Итак, к началу Советской эпохи ведомственные коллекции восточных предметов из Министерства иностранных дел оказались в основном в трех учреждениях: в Азиатском музее Академии наук, Эрмитаже и МАЭ. Благодаря МИДу Азиатский музей получил рукописи и печатные материалы из Ближневосточного региона, фонды Эрмитажа пополнились китайскими скульптурами, интересными в художественном отношении предметами культа, а Музей антропологии и этнографии приобрел предметы быта и культовые предметы из Дальнего Востока.

В предыдущей главе была рассмотрена такая категория восточных памятников как дары российским императорам. Было выявлено, что восточные дипломатические дары украшали интерьеры царских дворцов в связи с их высокими эстетическими качествами, с их редкостью и репрезентативной функцией как символов дипломатических побед императоров. Таким образом, существенная часть посольских даров сохранялась в дворцах членов императорской фамилии. Также отмечалось, что восточные предметы в контексте царской коллекции утрачивали свою первоначальную функцию, что было связано с очевидными различиями в культурных практиках. Пользуясь терминологией П. Ван Менша [150], можно сказать, что фактическая идентичность предметов (будь то восточные религиозные предметы, реликвии, оружие или посуда) сменялась актуальной идентичностью как объектов для украшения интерьера. В то же время многие китайские дары, в западной терминологии – «произведения декоративно-прикладного искусства», уже представляли собой предметы, предназначенные для созерцания. Россия имела достаточно длительную историю обмена культурными ценностями в виде посольских даров с этой страной, и китайские предметы в российских коллекциях не были диковинками в полном смысле этого слова.

Предмет мог менять свою идентичность и в момент преподнесения дара. Например, при подношении русскому царю буддийского алтарного украшения лидеры Тибета понимали, что этот предмет не будет

использоваться русским православным царем по назначению. Алтарное украшение наделялось скорее символическим подтекстом. Очевидно, оно должно было представлять религиозную культуру Тибета и напоминать о дружественных связях между двумя странами. Буддийская ритуальная скульптура и алтарные украшения действительно были установлены в личных покоях царской семьи в Зимнем дворце: так, например, чакра находилась на Салтыковской лестнице [85, с. 18; 68, с. 372].

Вместе с этим некоторые полученные в дар предметы пополнили музейные собрания еще в дореволюционный период. Передачи были инициированы самими обладателями. Известно, например, о передаче императором Николаем I нумизматических, в том числе восточных, памятников в Минцкабинет Эрмитажа. Цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II, передал на хранение в МАЭ ряд подарков, полученных им во время путешествия по Востоку в 1890-1891 гг. В числе этих предметов – монументальная фигура бога охоты из Вьетнама и личное оружие короля Сиама [134]. Российские дипломаты, принимавшие дары от правителей восточных стран, также могли передавать эти памятники в музеи. Так, в Морской музей Санкт-Петербурга от дипломата К. фон Вебера была принесена в дар «старинная пушка», подарок корейского короля Коджона [210, с. 16-17].

Революция 1917 г. повлекла за собой смену владельцев коллекций дипломатических даров. Одна из причин потери информации о конкретных посольских дарах, да и самих даров, может быть связана с перемещением этих предметов из царских собраний во время Революции и Гражданской войны. В годы, когда частные собрания были национализированы, след многих даров затерялся, а отдельные фрагменты некогда единой царской коллекции были распределены по музеям. Так произошло, например, с буддийской ритуальной скульптурой и алтарными украшениями – подарками семье императора Николая II, которые были рассеяны по собраниям Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии и Этнографического музея.

Часть даров и вовсе не дошла до нашего времени, а упоминания о них сохранились только в архивах [206, с. 14].

Многие разнородные и редкие предметы, собранные только благодаря традиции обмена посольскими дарами, стали достоянием музеев. На сегодняшний день дары правителей Востока российским императором, членам их семей и дипломатам хранятся в Государственном Эрмитаже, Музее антропологии и этнографии, Российском этнографическом музее, Военно-историческом музее артиллерии [206, с. 16-17], ГМЗ «Царское Село» [137, с. 8, 15, 17], а также в Государственном музее Востока (Москва) [124]. Список музеев может быть уточнен и продолжен в будущем в связи с поступлением новой информации о музейном бытовании предметов из состава посольских даров. Первое место по числу такого рода коллекций занимает Эрмитаж, в наибольшей мере унаследовавший царские коллекции со времен переноса столицы в Санкт-Петербург императором Петром I в 1712 г. В Эрмитаже восточные предметы, входившие в состав дипломатических даров российским императорам, хранятся в Отделе Востока и Отделе нумизматики.

Поступление дипломатических даров в музейные собрания должно было обеспечивать их дальнейшую сохранность и неприкосновенность. В то же время, современные сотрудники музеев – хранители такого рода предметов встречаются с большими трудностями в деле их атрибуции. Фиксируется утрата информации об этих предметах. Дело в том, что еще во времена Российской империи записи об их поступлении в дворцовые коллекции велись нерегулярно (См., напр., [30, с. 10; 137, с. 15-17]). Хранитель восточного оружия А. А. Иванов (Государственный Эрмитаж) замечал относительно даров из среднеазиатских ханств, что они распределялись между членами царской семьи и могли затем оказаться в разных дворцах. Эти перемещения могли вовсе не фиксироваться документально. В связи с этим «предстоит еще огромная работа по атрибуции и опознанию таких вещей, привезенных в Россию в разные годы»,

– писал ученый [97, с. 67]. В Государственном Эрмитаже восточные предметы из коллекций посольских даров изучают их хранители М. Л. Меньшикова [153], Ю. И. Елихина [85; 87].

Подношение даров ещё с XVIII в. стало носить камерный характер [206, с. 15]. Данная традиция имела достаточно частный, «домашний» характер символического обмена ценностями между правителями. Поэтому, даже несмотря на то, что некоторые подарки от лидеров восточных стран сохранились и отождествлены в музеях, их репрезентация на выставках носит вынужденно фрагментарный характер. В результате коллекции восточных дипломатических даров разного времени словно бы ускользают от восприятия в своем целостном виде.

Материалы из экспедиций Русского комитета после их прибытия в Санкт-Петербург поступали на хранение в различные музеи и научные учреждения. Ученые-руководители экспедиций РКСВА категорически выступали против «кладоискательства», подчеркивая строго научные цели своих командировок. На первый план выходила функция музеев как научных организаций, способных сохранить коллекции и предоставить возможности для их дальнейшего изучения. Этнографические материалы из разных регионов Востока передавались в МАЭ, отчасти – в Эрмитаж и Императорский российский исторический музей, а рукописи направлялась в Азиатский музей [166, с. 37]. Значительная часть материалов попадала в МАЭ, что нельзя назвать случайностью. Как было упомянуто выше, председатель РКСВА В. В. Радлов был в то же время директором Музея антропологии и этнографии.

Экспедиции РКСВА поставляли такое множество материала, что в Азиатском музее была заведена особая «Книга для записей пожертвований от Русского Комитета», куда вносились сведения о поступлениях от исследователей Ц. Жамцрано, Б. Барадийна, Б. Я. Владимирцова, Н. Очирова, А. В. Бурдукова, обогатившие Архив востоковедов обширными данными по изучению тюркских и монгольских народов [133, с. 31]. В коллекцию

Азиатского музея вошли и многочисленные фрагменты рукописей, доставленные двумя Туркестанскими экспедициями под руководством С. Ф. Ольденбурга.

Итак, история поступления восточных коллекций в музейные фонды позволяет проследить неразрывную связь музейного сообщества с научным, где музеи выступали в роли центров сохранения и распространения знания. Археологические и этнографические предметы, древние рукописи и другие важные для востоковедения предметы представляли первоочередной интерес для ученых из Азиатского музея и Музея антропологии и этнографии, а в Эрмитаж направлялись памятники, имевшие, помимо научной ценности, высокие эстетические качества.

Если предметы передавались в музеи при жизни собирателей, а тем самым проявлялось осознание владельцами их музейной ценности, — их судьба складывалась более успешно. Это и происходило в действительности с большинством частных коллекций дипломатов, которые стремились пополнять музейные фонды и состояли в тесной связи с научным востоковедческим сообществом Петербурга. Передача ценностей в музеи – продажа или безвозмездное дарение было вызвано заботой о будущем коллекций, об их целостности. Как показала история бытования дипломатических коллекций в годы Гражданской войны, дипломаты сделали верный выбор в пользу сохранения своих коллекций в музейных собраниях. Большинство восточных дипломатических коллекций осталось в тех музеях, куда они были переданы при жизни собирателей или вскоре после их кончины. Что касается тех собраний, которые не были интегрированы в музейные фонды до Октябрьской революции, то их судьба сложилась гораздо сложнее. Примером служит коллекция сиамкой пластики дипломата Г. А. Плансона. Внутриведомственные коллекции МИДа подверглись частичному разделению еще до революции: они пополнили собрание крупнейших столичных музеев с восточными коллекциями, чтобы стать доступными для широкого круга ученых. Собранные в ходе экспедиций

«Русского комитета» находки предназначались для музейных фондов. Некоторые полученные в качестве посольских даров предметы пополнили музейные собрания еще в дореволюционный период по желанию получателя. Оставшиеся фрагменты царской коллекции были распределены по музеям после революции, а часть коллекции была бесследно утеряна.

В результате музеализации в судьбе предметов происходили важные изменения. Отныне артефакты становились музейными предметами, утрачивалась их прежняя функциональность, приобреталась музейная ценность, на первый план выходил заложенный в них информационный потенциал. Перешедшие в пространство музея восточные памятники там, как правило, и оставались, будучи интегрированными в музейные фонды, что демонстрирует важнейшую функцию музея по сохранению объектов культурного наследия.

§ 2. Направления музейных научных исследований предметов из азиатских коллекций

Дальнейшее бытование музейных предметов из восточных коллекций может быть изучено с помощью подхода, применяемого в современной музеологии. Принято рассматривать судьбу предметов через процесс исследования и сохранения, а также вовлечения в коммуникативные системы в рамках взаимодействия музея и общества [35, с. 20]. В первом случае они рассматриваются в качестве музейных предметов, во втором – в качестве музейных экспонатов. Именно коллекции музейных предметов образуют ядро музея, вокруг которого выстраивается вся его основная деятельность [283, с. 125]. По словам С. Стюард, музей служит центральной метафорой

коллекции, стремясь к «аутентичности и замыканию всего пространства и темпоральности» [283, с. 256].

После того, как предмет в процессе музеализации обрел статус музейного предмета, с ним начинают происходить значительные изменения, связанные с превращением предмета в знак – символ прошлого [35, с. 21]. Здесь уместно вновь обратиться к положениям акторно-сетевой теории, поскольку биография предметов выходит на новую ступень с попаданием предметов в музейные собрания. Интересно, что при относительно высокой степени физической сохранности предметов, которая наблюдается в музее, довольно сильно могут меняться способы работы с этими предметами: с течением времени их начинают по-новому анализировать и интерпретировать. Музейные коллекции рассматриваются «как динамичные, взаимосвязанные, социальные и материальные совокупности, имеющие важные последствия для современной музейной практики» [259, с. 21]. Действительно, с помощью рассмотрения истории бытования восточных коллекций в музейных институциях можно наблюдать как с их помощью выстраиваются новые ассоциативные связи и вырабатываются новые знания.

По мысли П. Ван Менша, важнейшей концепцией музеологии является осмысление предмета в качестве неисчерпаемого источника информации [150]. Ван Менш полагает, что музейный предмет заключает в себе множество данных, в том числе, данные, связанные с процессом музеализации, т.е. изменения его идентичности во время помещения в музей. По мнению ученого, предмет как мельчайший элемент материальной культуры обладает собственной определенной и доступной для познания идентичностью. Он понимает под идентичностью определенное состояние, выделяя три состояния предмета – концептуальную, фактическую и актуальную идентичность. В упрощенном виде концептуальная идентичность проистекает из замысла предмета, фактическая – из его реализации, а использование предмета диктует его актуальную идентичность. В связи с этим уместно привести высказывание Т. Шолы:

«Множество музейных предметов в современных музеях известны нам только лишь как красивые предметы. Они утратили все следы тех реальных, изначальных функций, того смысла, которым обладали…» (Цит. по: [150, с. 181]).

По мысли представительницы Лестерской школы музеологии С. Пирс предметы музейных коллекций выступают агентами прошлого в современности и в то же время – носителями постоянных символических реинтерпретаций [23, с. 161]. Для настоящего исследования важно то, что предметы, существующие в пространстве музея, в связи с изменением культурного пространства и времени способны наделяться новыми смыслами. Э. Хупер-Гринхилл также развивала мысль об изменчивости значений материальных объектов [269, с. 196]. Концепция Хупер-Гринхилл связана с использованием герменевтического подхода в исследовании музеев, согласно которому значение музейных предметов существенно меняется от контекста. Как пишет автор, один и тот же материальный предмет, будучи помещенным в разные дисциплинарные практики, будет классифицирован по-разному. Из этого следует различное значение и значимость этих объектов [269, с. 6-7; 151, с. 12].

Я. Ассман утверждает, что предметы не имеют собственной памяти, однако они способны хранить воспоминания, которые мы сами в них помещаем [257, с. 111]. Это справедливо для любого объекта, который обладает потенциальной возможностью стать таким вместилищем воспоминаний, в том числе и для музейного предмета. В западных странах данная концепция оказала ощутимое влияние на падение приоритета музейного предмета. Подлинные предметы стали не столь важны, как идеи, распространить которые музей стремится за счет различных подвластных ему средств [239, с. 38]. Вкладываемые значения выходят на границы самих предметов, включая в себя «образцы функциональных связей и мыслительных ассоциаций» [62, с. 17]. По наблюдению А. В. Головнева, сегодня музей возвращается к своей первоначальной миссии – античной

миссии театра и форума, где предмет перестает рассматриваться как проходящая сквозь время «капсула смысла», но активно вовлекается в обмен смыслами [62, с. 16-17].

С целью проследить изменение идентичности музейных предметов рассматривается история музейного бытования восточных коллекций, составленных благодаря деятельности МИДа, с момента их поступления в музейные институции до тенденций последнего времени. Восточные предметы рассмотрены в контексте коллекций, в которых они входили, что позволяет отойти от специфики профильных дисциплин и уделить должное внимание судьбе собраний в целом.

Важнейшие изменения в истории восточных коллекций, составленных благодаря деятельности МИДа Российской империи, принесло с собой наступление Советской эпохи. Произошла национализация частных собраний и дворцов членов российской императорской семьи, а вскоре последовала централизация музейного дела и переформирование музейных фондов. Были изданы декреты по охране памятников и ограничению вывоза культурных ценностей за рубеж. В первые годы после Октябрьской революции определялась будущая стратегия управления музейными собраниями страны, которая должна была стать унифицированной. Национализация собраний часто приводила к исчезновению историй, связанных с приобретением этих вещей. Контекст составления дипломатических коллекций и культурная деятельность царских дипломатов не представляли особого интереса в условиях новой идеологической системы. Предполагаем, что информация о частных коллекциях многих дипломатов могла вовсе исчезнуть, как и сами предметы из этих собраний. Отметим, что данная тема представляет собой сюжет для дальнейших исторических и музеологических исследований.

Одним из наиболее показательных примеров утраты сведений о прежнем владельце является история коллекции буддийской скульптуры Г. А. Плансона. После отъезда с семьей за границу в 1916 г. коллекционер

так и не вернулся в Россию. Предметы его богатого собрания сиамской скульптуры, поистине уникальной для российского востоковедения, не были переданы в музеи ранее и остались в частной собственности в Петрограде. Собрание дипломата в составе 220 предметов было национализировано в 1917 г. и передано в Государственный Музейный фонд, где были утрачены сопроводительные сведения о коллекционере и характере самой коллекции [70, с. 29].

С приходом Советской власти Азиатский музей не потерял своей роли как крупного центра по изучению стран Востока с поистине колоссальным фондохранилищем древних рукописных и печатных памятников восточных культур. Он также являлся единственным востоковедческим образованием внутри Академии наук. В свете новых реалий СССР в 1929 г. с целью «всестороннего и глубокого изучения стран Востока» [196, с. 128] был образован Институт востоковедения. Азиатский музей с его фондами полностью вошел в состав Института, а его сотрудники получили возможность пользоваться этими материалами в своей работе. Первым директором Института востоковедения был назначен С. Ф. Ольденбург. Таким образом, с 1930-х гг. хранителем памятников Азиатского музея стал Институт востоковедения Академии наук СССР, где был сформирован Рукописный фонд. Собрание восточных рукописей и библиотека остались в Ленинграде и после перевода Института в Москву в 1951 г. В Ленинграде был образован Сектор восточных рукописей Института востоковедения, который с 1956 г. стал называться Ленинградским отделением Института востоковедения (ЛО ИВ АН, в 1960-1970 – Институт народов Азии; возглавил его И. А. Орбели).

Советская эпоха принесла с собой новый виток в изучении восточных предметов коллекций, хранившихся в научных обществах и музеях. Основной научной базой советского востоковедения являлся Институт востоковедения, а также Эрмитаж. Силами сотрудников Института востоковедения была проделана большая работа по инвентаризации и

каталогизации его собрания, опубликованию каталогов и научных описаний фондов. Ленинградское отделение Института востоковедения сосредоточило свое внимание на изучении истории, религии и философии древнего и средневекового Востока, для чего в первую очередь необходимо было ввести в научный оборот и исследовать хранящиеся в его фондах памятники письменности.

Памятники письменности Востока из собрания Института востоковедения тщательно изучались в советский период. В том числе, внимание уделялось памятникам, происходившим из дипломатических коллекций. Эти исследования смогли еще лучше засвидетельствовать значимость сделанных находок. Отмечалось, что наибольший вклад в изучение центральноазиатских памятников внесли консул в Кашгаре, коллекционер древностей Н. Ф. Петровский и академик С. Ф. Ольденбург, возглавивший две Туркестанские экспедиции [184, с. 9]. Благодаря деятельности Петровского, открытию индийских рукописей в Центральной Азии, в том числе и на неизвестных прежде языках, появились новые отрасли в науке – центральноазиатская филология и центральноазиатская палеография [184, с. 10].

В работах ученых Института наблюдалась преемственность. С. Ф. Ольденбург приступил к исследованию памятников письменности из коллекции Н. Ф. Петровского еще во времена Азиатского музея и в первые годы работы Института востоковедения. Его труды были затем продолжены в том же Институте В. С. Воробьевым-Десятовским [189, с. 47], а после смерти ученого – Г. М. Бонгард-Левиным, М. И. Воробьевой-Десятовской и Э. Н. Темкиным [184]. В Эрмитаже памятники из дипломатических коллекций стали предметом исследований Н. В. Дьяконовой [82], М. Л. Меньшиковой [155], О. П. Дешпанде [70], [71], [72], Ю. И. Елихиной [85].

После революции 1917 г. и в 1930е гг. происходило переформирование музейных фондов. В 1930-х гг. произошли значительные изменения в

бытовании ряда восточных коллекций, и связаны они были с перемещением коллекций из одних музейных хранилищ в другие. Это коснулось всех типов восточных собраний, составленных благодаря деятельности МИДа. На этом этапе также могла происходить утрата или сознательное сокрытие документальных сведений о прежних владельцах, особенно в тех случаях, если они были связаны со службой в царских министерствах.

Крупнейшая в Ленинграде коллекция предметов восточного искусства сформировалась в Эрмитаже с образованием Отдела Востока и поступлением в него памятников как из других эрмитажных отделов, так и из других музейных институций. Музеями, передавшими часть своих азиатских коллекций Отделу Востока, были Музей антропологии и этнографии, Русский музей, Общество поощрения художников [254, с. 13]. Фонды Отдела Востока постепенно формировались в течение 1920-30-х гг. История нового отдела началась еще в 1920 г., когда было учреждено Отделение мусульманского средневековья (позже – «Отделение Кавказа, Ирана и Средней Азии») во главе с И. А. Орбели. В 1926 г. Отдел Востока был официально образован, что повлекло за собой расширение штата сотрудников и тематики научных исследований [99, с. 219].

Для комплектования фондов в отдел направлялись восточные коллекции, хранившиеся в других музейных структурах. Например, Отдел Востока пополнили предметы коллекции Н. Ф. Петровского, поступившие в Эрмитаж еще в 1897 г., а из Отделения средних веков и эпохи Возрождения поступили восточные памятники коллекции А. П. Базилевского [97, с. 215]. Были задействованы фонды и других музейных институций. Одним из источников пополнения Отдела Востока Эрмитажа стала Буддийская секция Этнографического отдела Государственного Русского музея. Именно в Русском музее некоторое время хранилась коллекция Г. А. Плансона, оказавшаяся там в 1923 г. в результате передачи из Музейного фонда. Только в 1931 г., в связи с реорганизацией Русского музея, коллекция сиамской скульптуры в составе 220 предметов перешла в собрание Эрмитажа [70, с.

29], заложив тем самым основу художественного собрания памятников этой страны (общее количество сиамской скульптуры в Эрмитаже – 284 номера [70, с. 29]).

Коллекция дальневосточных предметов декоративно-прикладного искусства П. С. Строганова была рассредоточена, но ряд произведений поступил в Государственный Эрмитаж из собрания Строгановского дворца-музея в 1928 г. [91, с. 182-187].

В 1930е гг. значительное число экспонатов было передано в Отдел Востока из Музея антропологии и этнографии по решению Президиума Академии наук СССР [115, с. 116]. Отметим, что наблюдалось и обратное движение коллекций: некоторые предметы из состава прежних дипломатических даров, хранившихся в Зимнем дворце, отправились в конце 1920-х гг. в МАЭ. В Эрмитаж из МАЭ в 1930 г. поступил ряд произведений настенной живописи клеевыми красками с изображением бодхисаттв. Памятники, сохранившиеся в виде фрагментов, происходят из буддийских монастырей оазисов Безеклик и Турфан и были созданы в X-XI вв. Музейные специалисты относят их к предметам из коллекции Н. Н. Кроткова. К памятникам собрания Кроткова в Эрмитаже относятся также предметы из древних погребений Турфанского оазиса, приобретенные консулом у местных жителей. Впрочем, их атрибуция под вопросом в связи с отсутствием документальных подтверждений о происхождении предметов, которые поступили из МАЭ в 1930-31 гг.

В 1932 г. из МАЭ в Отдел Востока Эрмитажа поступила на хранение внушительная по размерам тханка (215х125 см) с изображением тысячерукого Авалокитешвары из оазиса Турфан, относящаяся к X-XI в. (Инв.№ ТУ-777). В сопроводительных документах отсутствовали сведения о происхождении памятника [82, с. 44]. Ранее музейные специалисты полагали, что памятник также происходит из коллекции дипломата Н. Н. Кроткова, но сегодня ее относят к материалам I РТЭ С. Ф. Ольденбурга. Также в 1930е гг. в Отдел Востока из МАЭ поступили предметы, собранные врачом

консульства в Урумчи А. И. Кохановским и дипломатом С. А. Колоколовым. Коллекция Колоколова в Эрмитаже насчитывает более 60 предметов, к которым относятся археологические материалы – медные и бронзовые бляшки, украшения, фрагменты глиняных фигурок и глиняных сосудов, каменных статуэток, наконечники стрел, а также монеты и печати. Все памятники происходят из Хотанского оазиса Восточного Туркестана.

В 1930е гг. из МАЭ в формировавшийся Отдел Востока Эрмитажа было направлено множество памятников из коллекций экспедиций «Русского комитета». Эти предметы представляли собой средневековые памятники культуры Восточного Туркестана и Средней Азии. Вместе с керамикой и фрагментами настенной живописи в Эрмитаж передавались кальки и планы архитектурных памятников, фотографии и негативы – вся сопроводительная документация, создававшаяся участниками экспедиций. (Материалы, связанные с передачей коллекций в Государственный Эрмитаж, хранятся в Научном Архиве МАЭ РАН (Ф. K-IV. Д. 6. № 2).

В. Н. Кисляковым было создано два списка этнографических коллекций: первый состоит из оставшихся в МАЭ и поныне хранимых там коллекций, а второй – из переданных в Эрмитаж в 1930е гг. [115, с. 119-122, 123-127]. В первом списке среди экспедиций подконтрольного МИДу РКСВА перечислены находки из поездок В. М. Алексеева в Китай (1912), Б. Б. Барадийна в Тибет, Монголию и к бурятам, проживавшим на территории России (1908-1909, 1916) и другие, с указанием номера коллекции, года ее поступления в музей, наличия фотографий, открыток, негативов. Во втором списке отметим предметы из экспедиции М. М. Березовского и Русских Туркестанских экспедиций С. Ф. Ольденбурга.

Фонды Эрмитажа обогатились памятниками живописи и скульптуры, добытыми в ходе экспедиции М. М. Березовского в Кучарский оазис (1905-1907), в 1930-31 гг. Коллекция состояла из фрагментов храмовой настенной живописи и скульптуры – фигур «рыцарей» Шакья, матриц для отливки статуй из глины, резных рельефов – относящихся к эпохе распространения

буддизма в этом регионе. Составленная таким образом эрмитажная коллекция памятников из Кучарского оазиса почти полностью состоит из находок экспедиции Березовского [189, с. 123]. Находки I РТЭ, которые составляли в МАЭ 12 номеров коллекций, также поступили в Отдел Востока Эрмитажа в 1930-31 гг. В 1930–1934 гг. в Отдел Востока из МАЭ отправились коллекции II РТЭ по настоянию их собирателя, руководителя экспедиции Ольденбурга.

После смерти С. Ф. Ольденбурга в 1935 г. работу над исследованием привезенных им памятников продолжили научные сотрудники Эрмитажа А. С. Стрелков и Н. В. Дьяконова [76]. Н. В. Дьяконова стала автором нескольких работ по памятникам из Кучи, Кизила и других оазисов Восточного Туркестана [80; 81], доставленным экспедициями Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии при МИДе. Памятники из Могао (Дуньхуана) изучались одним из ведущих китаистов М. Н. Кречетовой, Н. В. Дьяконовой, а также специалистом по китайскому и центральноазиатскому искусству М. Л. Пчелиной (Рудовой), чьи труды оказали существенное влияние на построение музейных экспозиций [99, с. 231]. Характерным для исследований коллекций «Русского комитета» было то, что роль царского министерства в складывании собраний не становилась объектом специального анализа. Также хорошо объяснимо отсутствие внимания к личностям дипломатов-коллекционеров МИДа Российской империи. В некоторых работах по искусству и культуре отдельных восточных регионов о них есть лишь скудные упоминания (например, [83]), а в других их имена и вовсе не встречаются – при том, что дипломаты сыграли решающую роль в формировании ряда музейных коллекций (например, [79]).

В 1930-е гг. происходило комплектование фондов Музея истории религии, основанного в системе Академии Наук СССР в 1932 г. Возглавил музей инициатор его создания – выдающийся этнограф и религиовед В. Г. Богораз. Этот новый музей задумывался как исследовательское учреждение, перед которым ставилась задача комплексного изучения

развития религии как общественно-исторического феномена, при этом исследования должны были опираться на имеющиеся музейные коллекции [248, с. 15]. Основу музейного собрания составил ряд коллекций из Музея антропологии и этнографии, а также Эрмитажа, Русского музея и Библиотеки Академии наук. В числе поступлений была коллекция китайских народных картин (лубков) из порядка 1000 листов – часть сохранившейся коллекции, составленной академиком В. М. Алексеевым во время нескольких научных поездок в Китай (1906-1909, 1912 и 1926 гг.) [92, с. 78; 116]. Для целей нашего исследования особо стоит выделить экспедицию в южный Китай, снаряженную «Русским комитетом» и МАЭ специально для пополнения музейных фондов [92, с. 78]. Передача китайских лубков в Музей истории религии состоялась в 1938 г.: частично они были переданы самим Алексеевым, частично – перешли из Государственного антирелигиозного музея, работавшего в 1930е гг. в стенах музея-памятника Исаакиевского собора [92, с. 79]. В те же годы фонды Музея истории религии пополнились небольшой – около 20 единиц – коллекцией южноазиатской скульптуры и культовых предметов, происходившей из частного собрания дипломата Г. А. Плансона [141, с. 58].

В 1950–1954 гг. в Эрмитаже проходила реставрация произведений живописи и скульптуры из оазисов Восточного Туркестана реставраторами П. И. Костровым и Е. Г. Шейниным. В те же годы хранитель коллекции Н. В. Дьяконова составляла проект новой экспозиции, которая призвана была показать «многообразную жизнь средневекового Синьцзяна, творческое сотрудничество его многоплеменного населения в создании этой культуры, а также ту историческую среду, в которой протекал этот сложный процесс» [77, с. 11] На экспозиции использовались памятники из экспедиций РКСВА, впервые были показаны вспомогательные научные материалы – копии росписей, зарисовки и фотографии.

Поколения ученых занимались исследованием памятников, привезенных российскими дипломатами и добытых экспедициями РКСВА, с

момента их обнаружения. Тем не менее даже спустя столетие многие данные не введены в научный оборот, что связано с их количеством, разрозненностью и объективными трудностями в освоении. Сегодня осуществляется работа по их обнародованию, появляются источниковедческие, музееведческие и архивоведческие исследования этих материалов [51; 52; 231; 233; 234; 235; 236; 54; 55; 48; 49]; выходят работы, содержащие новую атрибуцию памятников [154; 214]. В ряду многочисленных трудов по этой тематике необходимо выделить 5-томник, в котором опубликованы памятники буддийского искусства из монастыря Могао (Дуньхуан), привезенные II РТЭ [187]. В сборник включены работы хранителя памятников из коллекций экспедиций «Русского комитета» в Эрмитаже К. Ф. Самосюк.

Для изучения памятников письменности из Дуньхуана в Институте восточных рукописей РАН был образован особый Дуньхуанский фонд, состоящий из более чем 20 тыс. единиц хранения. Исследованием этих памятников, их инвентаризацией, каталогизацией и описанием в разные годы занимались следующие сотрудники Института: В. М. Алексеев, В. Ф. Розенберг, С. Е. Малов, К. К. Флуг, В. С. Колоколов, Л. Н. Меньшиков, В. С. Спирин, С. А. Школяр, М. П. Волкова, И. С. Гуревич, М. И. Воробьева-Десятовская, Л. И. Чугуевский, А. С. Жуковская, И. В. Попова. В реставрации памятников были задействованы Р. В. Кандинский и Г. С. Макарихина, в последние годы – И. В. Крякина и Е. С. Озернова [195].

В постсоветский период не прекратились научные исследования дипломатических коллекций, собранных благодаря деятельности МИДа Российской империи. К примеру, Е. В. Нестерова изучила коллекцию из 70 китайских акварелей З. Ф. Леонтьевского, хранящуюся в Публичной библиотеке. Исследовательница пришла к выводу, что все эти акварели с изображением видов Китая, с жанровыми сценками, изображениями птиц, надгробных памятников, обрядов и церемоний, а также портретами, были созданы кистью китайского художника, прошедшего обучение у европейца

[170, с. 50, 52]. В Музее антропологии и этнографии памятники из внутриведомственных коллекций МИДа – Учебного отделения и хранения в Азиатском департаменте – становятся предметами исследований Е. А. Резвана [207], В. Н. Кислякова [111], П. В. Рудь [212], в Институте восточных рукописей ими занимался О. Ф. Акимушкин [18].

На современном этапе с процессом изучения и экспонирования предметов коллекций в музее неразрывно связаны вопросы их реставрации. К 2000м гг. закончилась реставрация памятников письменности из коллекции, привезенной экспедицией М. М. Березовского и хранящейся в ИВР РАН. С целью недопущения дальнейшего разрушения фрагменты этих рукописей на бумаге были законсервированы в мелинекс – прозрачный полиэстер, пропускающий воздух [186, с. 77].

Вместе с этим с 1990-х гг. начали особое внимание обращать на происхождение коллекций, исследовать историю их формирования в целом. В результате с помощью предметов из дипломатических коллекций стало возможным рассказывать о деятельности дипломатов времен Российской империи на экспозициях, отдавая должное их вкладу в формирование музейных фондов. Так, вплоть до 1990-х гг. коллекция Г. А. Плансона, хранившаяся в Эрмитаже, не была изучена в этом отношении [70, с. 27]. Биографические сведения о Плансоне – дипломате времен Российской империи, чье имя было предано забвению в советские годы, – были по крупицам собраны хранителем этих памятников О. П. Дешпанде. Благодаря её исследованиям стала известна и история последующего музейного бытования предметов. На временной выставке «Сакральный дар божеству», состоявшейся в Государственном Эрмитаже в 2016 г., было показано много произведений, приобретенных дипломатом Плансоном, указано происхождение предметов. В 2021 г. в Музее антропологии и этнографии были специально изучены корейские предметы из коллекции К. фон Вебера в связи с подготовкой выставки о дипломате [210, с. 37].

Бытование музейных предметов из восточных коллекций, составленных в ходе деятельности МИДа Российской империи, было изучено с помощью рассмотрения основных направлений в исследовании этих предметов. Далее эти же предметы будут проанализированы под другим углом, в качестве музейных экспонатов. Представляется возможным обозначить некоторые предварительные выводы.

Было прослежено, что в советские годы в таких крупнейших научных центрах как Институт востоковедения и Эрмитаж изучение этих предметов вышло на новый уровень, что отвечало развитию советского востоковедения в целом. Научные сотрудники Института востоковедения, Музея антропологии и этнографии, Эрмитажа и других институций проводили каталогизацию, инвентаризацию собраний, выпускали научные каталоги и описания фондов. В их работе были затронуты все типы интересующих нас в рамках данного исследования коллекций. Сегодня продолжается не только атрибуция предметов, выход исторических, этнографических и искусствоведческих исследований, но и введение многих данных в научный оборот. Это прежде всего объясняется количеством памятников, особенно тех, что были привезены экспедициями «Русского комитета».

На бытовании предметов отразилось возникновение новых научных организаций на базе прежних, перемещение коллекций из одних музейных фондов в другие. Так, в 1930-е гг. в Эрмитаже был сформирован Отдел Востока с самой крупной коллекцией восточных предметов в Советском Союзе, а хранителем памятников Азиатского музея стал Институт востоковедения Академии наук СССР. В результате этих передвижений могла произойти потеря информации о прежних владельцах. В связи с идеологической обстановкой контекст составления коллекций, культурная деятельность МИДа Российской империи не были специальным предметом интереса ученых. При том, что проводимые исследования свидетельствовали в пользу большой научной значимости предметов из этих коллекций, прицельно изучать их происхождение и историю формирования собраний

начали только с 1990-х гг. Таким образом, с течением времени одни и те же предметы начинают анализировать и интерпретировать под новым углом зрения, прослеживая скрытые прежде культурно-исторические связи и вырабатывая новые знания.

§ 3. Экспозиционные стратегии по работе с предметами из азиатских коллекций

Выставочная деятельность музея отражает произошедшие изменения в понимании и интерпретации музейных предметов, становясь итогом научной работы с ними. К. Помян полагал, что экспонирование музейных предметов демонстрирует особое значение, которое им придается при выведении из экономического обращения и «превращении в нечто иное». Для таких предметов, утративших свою первоначальную функцию, ученый ввел специальный термин – «семиофор» [194, с. 12, 28-29]. Семиофорами могут быть как произведения искусства, так и природные и экзотические творения, «останки прошлого» [194, с. 12]. С течением времени эти предметы накапливают всё новые значения, что и получает отражение в постоянных и временных музейных экспозициях [277, с. 25].

Представляется целесообразным рассмотрение исторических и современных экспозиционных подходов к исследуемым коллекциям. Прежде чем обратиться к выставочным стратегиям по работе с памятниками Востока советского и постсоветского времени, уместно остановиться на обзоре выставочных практик, которые имели место в дореволюционный период. Уже тогда музейными специалистами большое внимание уделялось

визуальному воздействию предметов. Практика экспонирования предметов до революции может быть рассмотрена в рамках двух основных подходов. Первый можно назвать архаичным, но не терявшим свою актуальность со времен учреждения Кунсткамеры императором Петром I. Этот подход был распространен в музейной практике вплоть до конца XIX в. в МАЭ, он же был применен и в построении выставки по результатам восточного путешествия великого князя Николая Александровича в Эрмитаже в 1893-94 гг. Этот обычай экспонирования «чудес и редкостей» длительное время не терял своей актуальности во многом в связи с тем, что вплоть до конца XIX столетия научные принципы показа азиатских коллекций не были выработаны до конца [126, с. 12].

Ситуация изменилась на рубеже XIX-XX вв., когда в музейное дело оказались вовлечены новые специалисты – востоковеды мирового уровня – такие, к примеру, как В. В. Радлов. В 1889 г. МАЭ получил новое выставочное помещение, где через два года открыл свою первую объединённую экспозицию: в 1878 г. Анатомический и Этнографический музеи Академии наук образовали Музей антропологии и этнографии. Для построения экспозиции привлекались скульпторы и художники [200, с. 78]. Вся экспозиция строилась по географическому принципу, однако она разнилась от отдела к отделу, во главе которых были поставлены разные принципы – типологии, тематики, материала или личности собирателей [200, с. 77]. Выставки не имели четкого плана, отмечалась также перенасыщенность материалом [200, с. 78].

Уделял внимание экспозиционной работе с привозимыми памятниками и «Русский комитет». Известно о выставке 1908 г., организованной Министерством императорского двора по предложению РКСВА. «Выставка древностей Восточного Туркестана и Самарканда» была организована в Большом Царскосельском дворце для обозрения императором Николаем II и особо приглашенными лицами. Экспозиция находок, привезенных экспедициями Русского комитета, имела целью убедить в необходимости

поддержать его работу финансово и организационно. Николай II отнесся к этой идее благосклонно, в результате чего в 1909-10 и 1914-15 гг. при поддержке правительства были организованы две важнейшие поездки РКСВА – Русские Туркестанские экспедиции под руководством С. Ф. Ольденбурга.

Научный принцип показа восточных коллекций получил свое развитие в советский период. Предметы из восточных коллекций экспонировались в залах, посвященных истории и культуре тех стран и регионов, из которых они происходили. Среди дипломатических коллекций был представлен в основном археологический и этнографический материал, обладающий большой информативностью и экспрессивностью. В связи с этим предметы из дипломатических коллекций начиная с советского времени экспонировались на постоянных и временных выставках в отечественных музеях, прежде всего – в тех институциях, где они хранятся. Лидирующими музеями в этом отношении являлись и до сих пор являются Государственный Эрмитаж и Музей антропологии и этнографии, где и проходят соответствующие выставочные программы.

Восточные памятники из дипломатических коллекций привлекались в музейной экспозиционной практике советских лет, но в специальную группу по принципу составления изначальных коллекций они не выделялись. В музейных экспозициях эти памятники выступали наряду с другими предметами в рассказе о культуре и искусстве стран своего происхождения. В 1931 г. открылась первая постоянная экспозиция Отдела Востока Эрмитажа, комплексная выставка именно такого рода. Построена она была с применением марксистко-ленинской методологии. На выставке была реализована идея показа памятников культуры как исторических источников, у посетителей появилась возможность сопоставить памятники культуры и искусства разных стран Востока и углубить свои познания о культурных достижениях разнообразных восточных регионов [99, с. 222; 254, с. 16]. В своем расширенном варианте (выставка заняла 83 зала) она вновь открылась

в 1935 г., будучи подготовленной специально к III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии. К 1940 г. постоянная экспозиция Отдела Востока из 86 залов представляла одно из крупнейших и наиболее значительных в научно-исследовательском отношении собраний памятников восточных культур в мире [254, с. 5].

В Музее антропологии и этнографии первую небольшую выставку памятников искусства Восточного Туркестана организовал С. Ф. Ольденбург. Им же была разработана постоянная выставка буддийского искусства Синьцзяна в Эрмитаже, открывшаяся в 1935 г. Экспозиция, развернутая в Темном коридоре на втором этаже Зимнего дворца, сопровождалась акварелями, прорисовками и фотографиями из экспедиций [154, с. 115]. Затем последовало открытие и другой экспозиции, посвященной Китаю, – занявшей 24 зала выставки культуры и искусства Китая («Культура и искусство феодального Китая», 1939 г.), первой в Советском Союзе [99, с. 225]. На выставке демонстрировались находки из Русских Туркестанских экспедиций С. Ф. Ольденбурга и раскопок в Ноин-Уле и Хара-Хото П. К. Козлова [254, с. 24]. В ноябре 1944 г. Эрмитаж представил выставку восточных памятников, которые оставались в городе в дни блокады. Наряду с египетскими древностями, иранскими миниатюрами и среднеазиатскими коврами на ней были показаны памятники из Восточного Туркестана, китайский фарфор и многие другие произведения. Среди остававшихся в Ленинграде предметов были знаменитые лёссовые скульптуры волков из пещерного комплекса Могао, привезенные в Санкт-Петербург в рамках Второй Русской Туркестанской экспедиции. Отсыревшие от влажности в годы блокады скульптуры были отреставрированы в 1950-х гг., и позже заняли свое место на постоянной экспозиции в музее [154, с. 115]. В 1951 г. в Эрмитаже была обновлена экспозиция «Культура и искусство Китая», а в 1954 г. открылась выставка «Культура и искусство Синьцзяна I-XII вв.».

Временные и постоянные выставки отвечали идеологическим требованиям Советского государства. Пожалуй, особенно ярко это

прослеживалось на примере экспозиций Государственного музея истории религии, работавшего в здании Казанского собора. С момента поступления в фонды музея предметов из коллекции В. М. Алексеева началась разработка раздела экспозиции «Религии Китая», в которой принимал участие сам ученый [92, с. 80-81]. Открывшаяся в 1940 г. выставка «Религии Китая» имела актуальный на тот момент социально-политический характер: её целью было показать «борьбу китайского народа против реакционного влияния религии на культуру» [92, с. 83]. На выставке были показаны лубки из собрания Алексеева, в которых нашли отражение даосские и конфуцианские представления, народные верования китайцев [92, с. 84].

Предметы из восточных коллекций также используются в оформлении некоторых экспозиций. Ярким примером тому служит фрагмент старинного деревянного дома из индийского города Насик, привезенный дипломатом Андреевым. Часть этого дома оформляла вход на экспозицию зала «Народы Южной Азии». По словам музейных специалистов, эта часть экспозиции «сохранилась в памяти как репрезентативный предмет индийской культуры у многих поколений посетителей МАЭ» [126, с. 91].

В постсоветский период развивались начинания советского времени по экспонированию и изучению восточных предметов из коллекций, составленных благодаря работе МИДа Российской империи. Продолжилась распространенная в советские годы практика показа этих экспонатов наряду с другими памятниками в контексте рассказа об истории и культуре восточных стран. К примеру, предметы из коллекций дипломатических даров участвуют в рассказе о культуре стран своего происхождения на постоянных экспозициях Государственного Эрмитажа. Буддийская культовая скульптура – подарки семье Николая II – показана на постоянной экспозиции культуры и искусства Центральной Азии в Государственном Эрмитаже. Здесь находятся, среди прочих, фигура бога врачевания Амитаюса, подаренная царевичу Алексею (Инв. № КО-384), алтарные украшения – подарок от китайской делегации на коронацию Николая II (Инв. № КО-382, 383). Произведения

снабжены этикетками, которые раскрывают историю их поступления в царскую коллекцию. Эту же концепцию можно наблюдать и на открывшейся в конце 2023 г. постоянной выставке культуры и искусства Китая (также в Эрмитаже): в экспозицию были включены некоторые предметы из состава дипломатических подарков Николаю II от китайского императора.

Вместе с этим в российских музеях стали намечаться новые тенденции в экспозиционной работе с этими предметами. Идея расширить возможности интерпретации предметов была связана, во-первых, с уходом в прошлое советской идеологии, в рамках которой было не принято акцентировать внимание на достижениях царских дипломатов. Стало возможным более внимательно заняться изучением истории формирования коллекций, глубже изучить исторический контекст их возникновения и представить результаты музейной аудитории в виде временных и постоянных музейных экспозиций. Во-вторых, российская музейная мысль восприняла распространенную в западной музеологии концепцию, в соответствии с которой смысл музейного предмета зависит от точки зрения музейных специалистов и посетителей. Иными словами, значение предмета не является имманентным ему, но вкладывается в него [239, с. 36; 266, с. 117]. По мнению представителей Новой музеологии коллекция является средством действия музея, а её предметы служат инструментом для высказывания автора экспозиции [130, с. 69-70]. Данная идея углубила поиск дополнительных смыслов восточных предметов из коллекций посольских даров в российских музеях. Музейные специалисты стали наблюдать, что в каждую историческую эпоху один и тот же предмет был носителем разных посланий. Так же, как музей не существует вне времени, музейные предметы в одном и том же музее с течением времени будут рассказывать посетителям о разном, меняя как актуальность, так и само свое значение в зависимости от текущей ситуации. Вместе с отменой прежних идеологических требований данная мысль дала жизнь новым выставочным концепциям и новым экспозиционным сценариям. Тем самым менялась сама идентичность этих музейных

предметов, демонстрируя способность музея участвовать в построении знания. Эти выставочные стратегии, нацеленные на демонстрацию истории международных отношений дореволюционной поры, особенно актуальны по отношению к коллекциям дипломатических даров.

Ряд крупных выставок, проведенных российскими музеями в последние годы, был специально посвящен дипломатическим дарам русским царям, императорам, а также советским лидерам. По числу таких временных выставок и постоянных экспозиций на первые места вышли Музеи Московского Кремля и Государственный Эрмитаж как музеи с наиболее богатыми коллекциями предметов, принадлежавшими российским правителям. На временных выставках и постоянных экспозициях часто раскрывается функция дипломатических подарков как символов установления и поддержания международных отношений. В таком ключе прошли выставки в Музеях Московского Кремля: «Посольские дары. Сокровища Оружейной палаты» (1996), «Россия – Британия: к 450-летию дипломатических отношений» (2003), «Во утверждение дружбы…» Посольские дары русским царям» (2005), выставка «Дипломатические дары – язык мира» в Константиновском дворце (2006).

Дипломатические дары российским императорам были представлены на экспозиции «Императорские коллекции Кунсткамеры», действовавшей в Музее антропологии и этнографии РАН с 1997 по 2000 гг. Выставка знакомила посетителей с редкими предметами, подаренными музею членами российской императорской семьи в разные годы. Многие из этих предметов были получены царями в качестве посольских даров. Например, в 1877-1878 гг. императору Александру III была преподнесена богатая этнографическая коллекция произведений болгарских мастеров в знак признательности за освобождение Болгарии [102]. Выставка «Панорама событий. Восток глазами цесаревича Николая Александровича» (Государственный музей-заповедник «Царицыно», 2010-2011 гг.) стала попыткой воссоздать, насколько это

возможно, предметный состав и идейную составляющую выставки в Зимнем дворце 1893-1894 гг.

В современной выставочной деятельности Музея антропологии и этнографии также звучит тема дипломатических подарков. В частности, эта категория коллекций представлена в разделе постоянной экспозиции, открывшейся в ноябре 2022 г., — «Имперский зал: Многонародная Россия». На выставке демонстрируются посольские дары от правителей восточных стран и глав восточных регионов Российской империи. Это дары от правителей Сиама и Японии, преподнесённые в рамках путешествия цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II) на Восток в 1890-1891 гг., а также подарки от эмиров бухарских российским императорам.

В постсоветский период стало возможным рассказывать о вкладе отечественных дипломатов в распространение знаний о странах Востока. Музейные предметы, собранные некогда дипломатами, вновь обретают свое значение как свидетели важных культурных процессов, связанных с развитием востоковедения в России и с укреплением международных отношений. В ряде новых музейных выставок и постоянных экспозиций эта их роль выходит на первый план. Таким образом, идентичность предметов в музейном пространстве претерпевает изменения. Примером может послужить временная выставка в Государственном Эрмитаже «Пещеры тысячи будд» (2008), приуроченная к 190-летию Азиатского музея и подготовленная совместно с наследником его коллекций – Институтом восточных рукописей РАН. Манускрипты и произведения искусства были скомпонованы на выставке по оазисам Шелкового пути, что позволило создать целостное впечатление о средневековых центрах буддийской культуры. На экспозиции были представлены рукописи и археологические находки из собрания дипломата Н. Ф. Петровского, многие из которых впервые вводились в научный оборот. Выставка также знакомила с материалами экспедиций «Русского комитета» при Министерстве

иностранных дел Российской империи. Некоторые из этих памятников демонстрировались и на временной выставке 1993 г. «Забытая империя на Шелковом пути» за пределами России – в Швейцарии, Австрии и Германии, а также на Тайване.

В 2013 г., после проведения выставки «Пещеры тысячи будд», состоялось обновление постоянной экспозиции в Государственном Эрмитаже в залах 3-го этажа Зимнего дворца, где представлены предметы из Турфанского, Карашарского, Кучарского и Хотанского оазисов Восточного Туркестана. Предваряет экспозицию баннер с текстом об истории исследования Центральной Азии, в том числе об экспедициях «Русского комитета», руководимых М. М. Березовским и С. Ф. Ольденбургом.

В первом зале постоянной экспозиции центральное положение занимает монументальная живописная композиция «Пранидхи» («Принесение обета»), а напротив нее – сопоставимый с ней по размерам фрагмент росписи с изображением Бодхисаттвы Маньджушри со свитой. Оба произведения относятся к буддийскому искусству XI в., и оба были привезены из монастыря Безеклик I РТЭ под руководством С. Ф. Ольденбурга – одной из важнейших экспедиций «Русского комитета». В зале Кучарского оазиса находки экспедиции М. М. Березовского показаны в одних витринах с предметами, привезенными экспедицией С. Ф. Ольденбурга, что подчеркивает единство поисков ученых. На этикетках к этим предметам – фрагментам живописи, скульптуры, матрицам для изготовления статуй – отражена история бытования предметов в музеях нашей страны. Например, указывается, что деревянные фигурки персонажей буддийского пантеона и животных были привезены экспедицией М. М. Березовского, затем поступили в МАЭ, откуда в 1930-1931 гг. пополнили собрание Эрмитажа.

II РТЭ отведены два зала постоянной эрмитажной экспозиции. Первый из них посвящен изучению пещер храмового комплекса Могао (Дуньхуана). Рядом с произведениями средневекового буддийского искусства

экспонируются записи и полевые зарисовки С. Ф. Ольденбурга, его личные вещи. Интересно, что выставку сопровождает фотография спроектированной Ольденбургом экспозиции буддийского искусства Синьцзяна в Эрмитаже 1935 г. Здесь же представлены акварели и этюды маслом С. М. Дудина, фиксировавшие росписи и скульптуры монастыря, а также фотографии и планы. В соседнем зале выставлены произведения скульптуры и живописи VI–X вв. из Могао: фигуры фантастических зверей из лесса и соломы, знамена, фрагменты икон на шелке, холсте и бумаге.

На постоянной экспозиции в Зимнем дворце широко представлены археологические памятники из коллекции Н. Ф. Петровского, которым посвящен целый зал (№ 359). Здесь представлены памятники из Хотанского оазиса Восточного Туркестана: разнообразные изделия из терракоты, бронзовые и терракотовые фигурки буддийских божеств, иконы на дереве и нефритовые статуэтки. Рядом с витринами находится баннер с информацией о Петровском и его культурной деятельности в Восточном Туркестане. Группа памятников из собрания Н. Н. Кроткова также экспонируется в Эрмитаже (зал № 359b) в галерее культуры и искусства Центральной Азии. Там показаны предметы из древних погребений Турфана, приобретенные консулом у местных жителей. Это деревянные погребальные фигурки воинов, женские фигурки, относящиеся к X-XI вв., и фигура будды VIII в. из лесса, расписанная клеевыми красками.

Совместная выставка Эрмитажа и Института восточных рукописей «Кисть и Калам» (2018–2019) развивала идею выставки «Пещеры тысячи будд»[115]. Она была посвящена 200-летию Азиатского музея и была задумана с упором на экспонирование памятников письменности Востока. В залах Государственного Эрмитажа были показаны рукописи из коллекции Н. Ф. Петровского, хранившиеся в Азиатском музее с момента их поступления от дипломата. Среди них, к примеру, – приобретенная консулом в Кашгаре «Сутра Совершенной мудрости в 150 строк» из Хотана, датируемая VII-IX в. По соседству посетители могли ознакомиться с

предметами из коллекций других российских дипломатов, работавших в Синьцзяне, – Н. Н. Кроткова и А. А. Дьякова. Из собраний этих дипломатов происходили показанные на выставке памятники из оазиса Турфан: фрагмент свитка XIV в. «Канон десяти правителей» и свиток «Покаяние» (Хуаставанифт) IX в.

На временной выставке «Кисть и калам» были представлены некоторые книги, происходящие из библиотечного собрания Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте и затем оказавшиеся в Азиатском музее – ИВР РАН. Посетители музея могли полюбоваться интересными в художественном отношении рукописями – разворотами краткой редакции «Шахнаме» Абу-л-Касима Фирдоуси второй четверти-середины XV в., украшенной миниатюрами, страницами рукописного Корана конца XVI-середины XVII в. на арабском языке, рукописи дидактического сочинения «Опочивальня тонких мыслей и цветник словес» и поэтического сборника XVI в. на персидском языке, подносного экземпляра «Уложения Тимура» на узбекском языке.

Стоит обратить внимание на то, что предметы из ведомственных коллекций МИДа не выделяются в специальную группу предметов по принципу обстоятельств их коллекционирования. Этому может быть несколько объяснений. С одной стороны, значительную долю предметов из ведомственных коллекций МИДа стоит признать не обладающей в достаточной мере аттрактивностью и экспрессивностью. Коллекции Учебного отделения восточных языков и хранение Азиатского департамента – это, в основном, рукописи, книги и нумизматические материалы. Аттрактивность, по определению Российской музейной энциклопедии, — это свойство музейного предмета, связанное с его внешней привлекательностью. Экспрессивность также является одним из свойств музейного предмета, определяющим его способность к эмоциональному воздействию [217]. Оба эти свойства присущи главным образом произведениям искусства и

необычным по своему внешнему виду музейным предметам, а также уникальным и мемориальным предметам.

Наиболее важные характеристики музейного предмета определяют его значимость не только как первоисточника знаний, но и как первоисточника эмоций. Для музейной выставочной практики это означает, что музейный предмет должен быть привлекательным для зрителя с визуальной точки зрения, в определенной степени зрелищным, необычным, иными словами, он должен приковывать к себе внимание. Если информативность, способность являться источником информации, и репрезентативность, способность достоверно представлять круг определенных предметов или явлений, в полной мере присущи указанным группам памятников, то аттрактивность и экспрессивность этих предметов отходят здесь на второй план. Это не означает, тем не менее, полный отказ от музейной репрезентации. Стоит привести пример с выставкой «Кисть и калам», на которой музейные специалисты смогли зрелищно показать памятники письменности, удачно расположив их в витринах с точки зрения экспозиционного дизайна и сопроводив предметами материальной культуры, близкими к тематике выставки. Высокая научная ценность предметов была усилена их эстетическими качествами, раскрытыми музейными специалистами. В то же время указанные особенности данной группы памятников объясняют их редкое появление на музейных экспозициях.

С другой стороны, деятельность сотрудников МИДа, приводившая к пополнению музейных фондов страны, продолжает оставаться недостаточно изученной. Это объясняет отсутствие подобного рода экспозиционных нарративов. В будущем история культурной деятельности министерских служащих могла бы стать тем организующим началом, благодаря которому эти разнородные группы предметов составились бы в единую экспозицию. Отметим, что на современном этапе музейной работы с памятниками рассматриваемой группы наблюдается интерес к истории их обнаружения и последующего музейного бытования. Это отражается на логике построения

экспозиций и наличии соответствующей сопроводительной информации на баннерах и этикетках. Примером может послужить постоянная экспозиция в Государственном Эрмитаже «Культура и искусство Центральной Азии».

Итак, предметы из ведомственных коллекций МИДа не претерпели существенного изменения своей идентичности в пространстве музея. Их музейная ценность по-прежнему определяется главным образом важностью для востоковедческой науки. В XIX-начале XX в. коллекции накапливались в ведомственных структурах Министерства иностранных дел, где сохранялись и изучались, но доступ к ним имело ограниченное число лиц. В результате перераспределения коллекций и их поступления в музеи они стали более доступными для ученых. В музеях на первый план выходят такие свойства этих музейных предметов как информативность и репрезентативность. Все эти особенности касаются в первую очередь бывших коллекций Учебного отделения восточных языков и библиотеки Азиатского департамента. Что же касается предметов из экспедиций РКСВА, то они обладают значительно большей аттрактивностью и экспрессивностью, что и используется в музейных экспозициях с участием памятников из данных коллекций.

Летом 2021 г. в Эрмитаже, на третьем этаже Зимнего дворца, открылась еще одна постоянная экспозиция, посвященная культуре и искусству центральноазиатского региона, – «Запасная галерея памятников искусства Центральной Азии II – XIX веков из фондов Эрмитажа. От Индии до Китая». Выставка является логическим продолжением и расширением основной экспозиции, открытой с 2013 г., она предоставляет возможность более подробно ознакомиться с древними памятниками, относящимися к буддийской культуре оазисов Шелкового пути. В девяти залах выставки показаны ранее не выставлявшиеся в музее фрагменты настенной живописи, тханка, скульптура. Некоторые из них происходят из экспедиционных коллекций РКСВА.

В современной экспозиционной деятельности восточные предметы из дипломатических коллекций иногда выделяют в специальную группу,

объединенную личностью собирателя. Рассказ с помощью музейных предметов об истории дипломатических контактов через призму личности дипломата говорит о желании добавить экспозиционному нарративу антропологическое измерение. Эта тенденция является ответом музея на доминирующее в современной культуре движение к отчуждению предметной среды и разобщенности. В современных реалиях музей представляет собой одну из немногих институций, которая, по словам Л. М. Шляхтиной, «противостоит прогрессирующей дематериализации мира», распространяемой с помощью новейших цифровых технологий [249, с. 10]. Важнейшим средством, которым располагает музей, является музейный предмет – вещь как «теплый» и «близкий» феномен культуры [34, с. 34].

Например, в 1999 г. в Ярославском художественном музее прошла выставка «Восток глазами русских», приуроченная к 200-летию со дня рождения З. Ф. Леонтьевского (Ярославль был родиной дипломата [60]), где были показаны акварели из его собрания и другие предметы. Сохранившееся собрание китайских ваз из коллекции П. С. Строганова было представлено на выставке 2019 г. [129, с. 23-24] в Государственном Эрмитаже «Забытый русский меценат. Собрание графа Павла Сергеевича Строганова».

В 2021 г., во время пандемии коронавируса, в Музее Антропологии и этнографии РАН в Санкт-Петербурге прошла выставка «Российский посланник в Корее: Карл Вебер и его коллекции», посвященная 30-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея. Насколько нам известно, это первая временная монографическая выставка в современном музее, специально рассказывающая о дипломате-коллекционере времен Российской империи. Выставка, организованная при поддержке Корейского фонда, была призвана сделать упор и на современные отношения между двумя странами [210, с. 12-13], связав тем самым историю русско-корейских связей и ситуацию сегодняшнего дня.

На выставке 2021 г. были представлены предметы из корейских коллекций, хранящиеся в МАЭ РАН, наибольшее число которых относится к коллекции первого посланника России в Корее К. И. Вебера. В основу экспозиции легла коллекция предметов, собранная Вебером в Сеуле и окрестностях города и приобретенная у него музеем в 1893 г. [210, с. 15-16]. Её дополнили предметы из собрания МАЭ, которые были собраны в Корее современниками Вебера и с его поддержкой [210, с. 35]. Среди них – предметы из коллекции Н. Г. Матюнина, преемника Вебера на его посту российского посланника в Корее [210, с. 74]. Интересным экспозиционным решением с символическим подтекстом стало воссоздание музейных предметов, связанных с международными отношениями. Специально для выставки о К. фон Вебере была произведена реставрация керамической посуды, найденной при строительстве нового здания русской миссии в Сеуле. Из 22 фарфоровых фрагментов керамики пунчхон (XV в.) с росписью подглазурным кобальтом было собрано две вазы [210, с. 30]. Еще пять черепков из собрания музея было также представлено на выставке.

Уважение ко вкладу отечественных дипломатов в культуру проявляется не только в музеях с многовековой историей. Так, в планах нового Петербургского музея исламской культуры заявлена выставка, посвященная этнографическим коллекциям российских дипломатических служащих [207, с. 79].

В результате обзора основных направлений в научной и экспозиционной работе с рассматриваемыми памятниками были выделены главные стратегии по работе с ними в музеях. На эти стратегии оказали существенное влияние, с одной стороны, свойства этих памятников как музейных предметов, а с другой, – изменение идентичности, которые претерпели эти предметы в пространстве музея. Среди дипломатических коллекций, а также находок экспедиций доминирует археологический и этнографический материал, который обладает большой информативностью, а также экспрессивностью. Дипломатические дары от восточных правителей

представляют собой редкие и особо ценные предметы, обладающие также высокой аттрактивностью, – зачастую это произведения искусства. В связи с этим предметы из данных категорий часто привлекаются для построения экспозиций в музеях, где они хранятся, прежде всего – в Государственном Эрмитаже и Музее антропологии и этнографии. Предметы из ведомственных коллекций МИДа экспонируются реже, что связано с их невысокой аттрактивностью и экспрессивностью как нумизматических предметов и памятников письменности.

При наблюдаемом разнообразии выставочных концепций с участием восточных памятников из интересующих нас коллекций выделяются две основные экспозиционные стратегии по работе с ними. Первая стратегия подразумевает участие памятников в рассказе об истории и культуре стран и регионов своего происхождения. Данная тенденция зародилась еще в дореволюционный период, когда на рубеже XIX-XX вв. в музеях восторжествовал научный принцип показа восточных коллекций, постепенно заслонив собой архаичный способ экспонирования в духе показа экзотических предметов и редкостей. На первых выставках подобного рода экспозиция строилась по географическому принципу, а для оформления привлекались скульпторы и художники. В советский период научный принцип показа восточных коллекций получил свое развитие, а памятники стали трактовать в качестве исторических источников. Выставки этого времени имели выраженный социально-политический характер, должны были удовлетворять идеологическим требованиям.

Вторая стратегия, активно развивающаяся в последние три десятилетия, обращает внимание на историю отечественной дипломатии и развития международных отношений. Эта тенденция позволяет говорить о возрождении интереса в обществе к первоначальному контексту составления коллекций и подводит к необходимости дальнейшего исследования роли государства в музейном строительстве. В постсоветский период стало возможным уделять больше внимания вкладу дипломатов периода

Российской империи в развитие отечественного востоковедения. Выставочная стратегия особенно актуальна по отношению к коллекциям дипломатических даров, которые зачастую экспонируют через призму личности дипломата, и по отношению к дипломатическим подаркам как символам установления и поддержания международных отношений.

§ 4. Принципы работы с предметами из азиатских коллекций на экспозициях в Главном штабе Государственного Эрмитажа

Обзор экспозиционных стратегий с участием памятников из восточных коллекций, проведенный выше, продолжается рассмотрением выставочной деятельности Главного штаба Государственного Эрмитажа. Стоит уделить внимание временным выставкам и постоянным экспозициям Главного штаба, связанным с Востоком, поскольку на территории данного архитектурного комплекса с 1830 по 1917 г. работали чиновники Министерства иностранных дел Российский империи, в том числе – служащие Азиатского департамента. По мысли современных музеологов, здания, в которых находятся музейные коллекции, могут быть учтены в качестве одного из звеньев в цепи отношений, состоящей из музейных специалистов, коллекционеров, посетителей музеев и самих предметов, способов их показа [259, с. 10-11]. Такой взгляд развивается в новых исследованиях материального (material studies), для которых также важна предметная среда как самостоятельный носитель информации, в особенности – роль музейных предметов и экспозиций в процессе построения многомерных связей и систем [37]. С этой точки зрения выставочное пространство со своей культурной биографией является одним из участников процесса коммуникации и добавляет от себя

дополнительный пласт информации, который оказывает своё влияние вне зависимости от степени раскрытия этого послания музейными специалистами.

Топографическое измерение обладает несомненной важностью в работе с музейными предметами, обуславливая эмоциональную связь посетителей выставки с событиями прошлого, имевшими место в том же пространстве. П. ван Менш использует для описания одной из наиболее актуальных задач в современной музеологии словосочетание «топографический поворот», под которым понимается повышенное внимание к «физическому контексту» пространств, которое позволяет достигнуть лучшего понимания культурного наследия [151, с. 81-82].

В 1988 г. восточное крыло здания Главного штаба стало частью Государственного Эрмитажа. Руководством музея было принято решение об организации в Главном штабе экспозиций, посвященных искусству и культуре с начала XIX в. до современности. Сделано это было для упрощения ориентирования посетителей в зданиях и коллекциях Эрмитажа: так, Главный штаб стал площадкой для демонстрации экспонатов, относящихся к последним двум столетиям. Соотносилось с данной идеей и то обстоятельство, что здание Главного штаба, спроектированное К. И. Росси, было построено в стиле ампир в 1819-1829 гг. Вместе с этим, нельзя было оставить в стороне то обстоятельство, что здание имело богатейшую историю, связанную с расположением здесь Министерства иностранных дел. Об истории МИДа в здании Главного штаба повествует постоянная экспозиция «Министерство иностранных дел Российской империи», расположившаяся в присутственной галерее времен К. В. Нессельроде и А. М. Горчакова. Другая постоянная выставка, открытая в залах анфилады по соседству, называется «Под знаком орла. Искусство ампира» [105]. Она посвящена искусству и моде первых десятилетий XIX в. и в то же время напоминает о блеске парадной части квартиры управляющего

Министерством иностранных дел канцлера К. В. Нессельроде, в залах которой она расположена.

На постоянной выставке в Эрмитаже «Министерство иностранных дел Российской империи», действующей с 2013 г., с помощью музейных предметов рассказывается о становлении и развитии отношений с западными и восточными соседями России. Символично, что выставка размещается в восточном крыле здания Главного штаба, в залах, служивших в XIX в. центральными кабинетами Министерства иностранных дел. Интерьеры помещений (отделка стен, живопись и лепнина на потолке) были отреставрированы к открытию выставочного комплекса в 2013 г. Кабинету министра, секретарской, приемной и гардеробной комнатам был возвращен тот облик, который они имели в середине XIX в. Рассказ строится в хронологическом порядке. В первом зале, приемной, повествуется о времени императора Александра I. Второй зал, секретарская, представляет собой «типологическую реконструкцию» кабинета служащего. Третий и центральный зал – кабинет министра иностранных дел – посвящен эпохе императоров Николая I и Александра II, а в четвертом зале, служившим некогда гардеробной, развернут рассказ о внешней политике времен последних российских императоров – Александра III и Николая II. Большая часть экспонатов представлена дипломатическими дарами — это произведения искусства, попавшие в царскую коллекцию, а затем и в фонды Эрмитажа в результате дипломатической деятельности сотрудников МИДа. В экспликации, представленной на выставке, дипломатические дары упомянуты среди других материалов, посвященных деятельности МИДа и внешней политике России. Таким образом, данный материал представлен в контексте истории развития международных связей Российской империи: информационное сопровождение выставки являет собой краткий рассказ об основных внешнеполитических событиях в истории России в XIX-начале XX вв.

На самой выставке дипломатические подарки также вписаны в канву повествования об установлении международных отношений. В первом зале в витрине с оружием находится этикетка «Оружие как дипломатический подарок», которая дает краткие разъяснения особенностям данного типа посольского дара, который был принят как на Востоке, так и на Западе, и раскрывает его символику и историю. В третьем зале в отдельных витринах представлены дары Кокандских ханов Александру II – седло и щит, и другие дары Николаю I и Александру II от правителей среднеазиатских ханств – щит и три сабли с ножнами. Сопровождающие экспонаты этикетки, помимо основной информации о памятнике (название, материал, место и время изготовления, инвентарный номер в коллекции музея) поясняют и их происхождение. Указывается их принадлежность к составу посольских даров, год подношения, личность правителей. В витрине с тремя саблями и щитом имеется краткая пояснительная информация об истории российского завоевания среднеазиатских территорий и о том, что сабли были преподнесены в составе богатых даров, указан год подношения и имя правителя.

В четвертом зале представлены подарки среднеазиатских ханов Александру II, а также Александру III и Николаю II. В отдельной витрине показаны дары из Бухары – шашки в ножнах и посуда – блюдо и набор для щербета. Так же, как и в предыдущем зале, этикетки под экспонатами раскрывают исторический контекст преподнесения даров. Особую часть экспозиции занимают дары, полученные Николаем II от правителей стран Дальнего Востока. Прежде всего, это подношения от китайского императора Гуансюй по случаю коронации императора в 1896 г. и в рамках визита посольства в Санкт-Петербург в 1902 г.: экран и высокие подсвечники в виде журавлей из перегородчатой эмали, вазы и сосуды для вина. Экспозицию дополняют медали, отчеканенные на Санкт-Петербургском монетном дворе к событиям, важным для истории российско-китайских отношений. Между витринами с дарами из Средней Азии и Китая находится витрина с особенно

редкими и ценными для последнего российского императора предметами – первыми в истории подношениями российскому императору от сиамского короля по случаю установления дипломатических отношений между двумя странами (а чем рассказано в этикетках под экспонатами), а также с памятниками из Японии. Информация на этикетке поясняет, что предметы были получены в ходе путешествия цесаревича Николая Александровича в страны Востока, также в некотором смысле уникального: прежде будущие наследники престола отправлялись в подобные образовательные поездки в европейские страны. Среди прочих предметов здесь представлен японский меч тати, для которого дано пояснение относительно типологии предмета, истории его изготовления и обстоятельств дарения.

Таким образом, экспозиция «Министерство иностранных дел Российской империи» позволяет увидеть предметы из эрмитажной коллекции под тем углом зрения, под которым их рассматривали в процессе дарения и получения: дары выступают здесь в роли символов определенных этапов в отношениях между странами. Экспозиция тем самым позволяет составить впечатление о масштабах международных связей Российской империи.

Большинство этих предметов было показано на схожей по своей идее временной выставке «Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет» в 2014-2015 гг., также проходившей в стенах Главного штаба, но на этот раз на исторической территории архива Министерства иностранных дел. Данное обстоятельство подчеркивало роль дипломатического ведомства и его сотрудников в сложном процессе установления и поддержания межгосударственных связей. На временной выставке было показано ещё больше даров от правителей восточных стран, чем на постоянной экспозиции. Дары из стран Дальнего Востока (Китай, Тибет, Япония, Сиам) были представлены предметами декоративно-прикладного искусства, в меньшей степени — оружием и нумизматикой. Дары от правителей стран Ближнего Востока и ханств Средней Азии — это, в первую очередь, оружие и ювелирное искусство.

Выставка «Дары Востока и Запада» смогла убедительно показать, что предметы из посольских даров можно рассматривать не только как произведения искусства, демонстрирующие непревзойденные умения зарубежных мастеров. Предметы выступают и в роли свидетелей и символов масштабных геополитических процессов, определяющих исторических событий. В качестве примера приведем фарфоровые чашки на золотых подставках, вошедшие в состав дара персидского принца Хосров-Мирзы российской императрице Александре Федоровне. Дар был преподнесен в 1829 г., после убийства членов российского посольства в Тегеране, произошедшего в контексте российско-британского конфликта в Персидском регионе. Как известно, в результате этого нападения погиб отечественный дипломат, выдающийся драматург и музыкант А. С. Грибоедов. Представляется, что многогранные значения посольских даров могут быть востребованы в актуальном контексте постижения российской и мировой истории. Современная музейная среда может стать «полевой площадкой» для обсуждения и возникновения новых исторических концепций и представлений [259, с. 17-18]. Акцент на истории выставочных пространств создаст при этом условия для опыта погружения в прошлое.

Специфика посольских подношений изначально таила в себе определенные сложности для их дальнейшего изучения. Историками и музейными хранителями памятников отмечается, что церемониал преподнесения даров часто носил камерный характер и поступление предметов в царскую коллекцию плохо отражалось в документах. Полагают, что следы многих предметов могли затеряться в годы революции. Сложность в работе с этими группами памятников в музее состоит еще и в том, что без специального изучения, подразумевающего глубокий культурологический анализ, ускользает скрытый смысл подарков от правителей восточных стран.

При этом предметы данной группы наиболее аттрактивные и экспрессивные (в основном это произведения искусства), они часто

экспонируются в разных контекстах. В экспозиционной деятельности последних десятилетий предметы часто выставляются в контексте истории международных отношений, как памятники истории отечественной дипломатии. Представляется возможным включать их в более развернутое повествование о построении диалогов между культурами. Не стоит забывать, что обмен дарами между странами, поддерживавшими диалог на международном уровне, всегда был обоюдным. Помимо этого, существовала традиция поднесения даров Российскому императорскому двору от подданных других стран [1]. Царям и дипломатам преподносили много предметов, которые не сохранились до наших дней и не могут быть отражены в предметном ряде в музее. Информация о них способна, тем не менее, существенно дополнить такие экспозиции. На выставках возможен более подробный рассказ об обмене дарами как о части традиционного построения международных отношений и истории межкультурных связей, для чего также необходимы дальнейшие исторические и музееведческие исследования. Важным подспорьем может стать изучение архивных документов, относящихся к приему посольств из стран Востока. Эти документы хранятся в Архиве внешней политики Российской империи и в Российском государственном историческом архиве.

Азиатский департамент («Первый департамент» с 1897 г.) занимал в восточном крыле здания Главного штаба несколько помещений в двойной анфиладе комнат бельэтажа (3го этажа), выходящей окнами на Дворцовую площадь. С одной стороны череда этих залов была ограничена стеной, за которой начинались помещения Министерства финансов, с другой — квартирой министра иностранных дел. Мы полагаем, что книжные сокровища библиотеки Азиатского департамента и коллекция дальневосточных памятников также хранились в этих помещениях. Обстановка одного из кабинетов департамента начала 1830-х гг. показана на литографии «Азиатский департамент Министерства иностранных дел под управлением К. Родофиникина» с изображением известных исторических

деятелей и служащих департамента. Среди них – директор в 1819-1837 гг. К. К. Родофиникин, будущий директор (1841-1848 гг.) Л. Г. Сенявин; греческий богослов и филолог, просветитель К. Иконому; поэт, писатель и историк церкви, автор книги «Путешествие ко Святым местам в 1830 г.» А. Н. Муравьев. Сегодня в этом помещении развернута эрмитажная экспозиция, посвященная истории российской гвардии в царствование императора Николая I: это один из залов постоянной выставки «Российская императорская гвардия» в Главном штабе. В связи с другой тематикой экспозиция не позволяет раскрыть историю пребывания в этих комнатах Азиатского департамента МИД в 1830-1917 гг.

В качестве развития темы современных экспозиционных решений с участием восточных памятников были описаны выставки в Главном штабе Государственного Эрмитажа – постоянная экспозиция «Министерство иностранных дел Российской империи» и временная выставка «Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет». Основными экспонатами обеих выставок стали дипломатические дары российской императорской семье – один из результатов деятельности МИДа Российской империи по пополнению музейных фондов Санкт-Петербурга.

На выставках акцент делается на топографическом измерении, способном привнести дополнительную информацию в экспозиционный нарратив. Высказывается идея дальнейшего развития экспозиций подобной направленности ради достижения более глубокого понимания того, как в прошлом выстраивались диалоги между культурами. В залах, служивших в XIX в. центральными кабинетами Министерства иностранных дел, с помощью музейных предметов рассказывается о процессе становления отношений России со странами Запада и Востока. Дипломатические дары российскому императорскому двору трактовались как символы определенных этапов в отношениях между странами. Выставка «Дары Востока и Запада», развернувшаяся в 2014-2015 гг. на территории архива Министерства иностранных дел, была посвящена той же теме. Музейные

предметы выступали в роли свидетелей масштабных геополитических процессов и знаковых событий в отечественной истории. Стоит заключить, что руководящим принципом работы кураторов с данными предметами стало акцентирование их ценности как памятников отечественной дипломатии и свидетелей построения международных отношений с разными странами.

Бытование предметов из восточных коллекций в пространстве музея было изучено с помощью обращения к истории поступления коллекций в музейные институции и обзора основных тенденций в их исследовании и экспонировании. Было выявлено, что на сохранение коллекций благотворное влияние оказало понимание коллекционерами и хранителями их музейной значимости. В подавляющем большинстве рассмотренных исторических примеров восточные дипломатические коллекции отправлялись в музеи еще при жизни (или вскоре после кончины) собирателя. Что касается ведомственных коллекций, то они также пополняли музейные фонды еще в те годы, когда эти структуры – Учебное отделение восточных языков и Азиатский департамент – успешно функционировали. Коллекции дипломатических даров российский императорской семье были национализированы с приходом Советской власти. Значительная их часть сохранилась благодаря тому, что царские коллекции, хранившиеся в резиденциях российских императоров, перешли в фонды Эрмитажа и других музеев. Первое время музеи выступали по отношению к этим коллекциям как хранилища научных данных или редкостей, доступных лишь избранным. Таким образом, коллекционирование в рамках МИДа было переходным этапом на пути к формированию музейных коллекций, но в то же время это был необходимый этап. Для некоторых коллекций Министерство послужило временным хранилищем.

В первые годы Советской власти были национализированы те частные коллекции, которые не были ранее завещаны для передачи в музеи. Учрежденный в 1918 г. Государственный музейный фонд должен был заботиться о сохранении предметов, не допускать их порчи и грабежа и

перенаправлять их в музеи в соответствии с указаниями властей. Несмотря на это, ученые полагают, что многие предметы были безвозвратно утеряны, а коллекции знати – навсегда рассеяны именно в годы Гражданской войны.

Будучи особой проекцией культурного пространства-времени, пространство музея испытывает на себе изменения, которые с ним происходят. Находящиеся в нем музейные предметы способны, соответственно, наделяться новыми смыслами. Мы убедились в том, что значение многих музейных предметов из восточных коллекций поменялось с момента их поступления в музеи и находилось в зависимости от контекста, в котором их рассматривали. При этом относительно дипломатических даров замечено, что фактическая идентичность этих предметов сменялась актуальной идентичностью как объектов для украшения интерьера уже вскоре после получения дара. Предмет мог поменять свою идентичность и в момент преподнесения дара, поскольку даритель отдавал себе отчет в невозможности использования предмета по назначению.

На выставках в музеях на первый план выходили эстетические качества предметов и их ценность как памятников истории. В советские годы предметы из восточных коллекций, собранных благодаря деятельности царского МИДа, участвовали в рассказе о культуре стран своего происхождения наряду с другими памятниками из музейных фондов. В постсоветский период появилась благоприятная возможность для расширения интерпретации предметов из восточных коллекций. В музейных исследованиях больше внимания стали уделять истории обнаружения памятников, происхождению коллекций и их последующему музейному бытованию. Появился новый тип экспозиционного нарратива, связанный с историей построения международных отношений в дореволюционное время. Сегодня в музеях сохраняется память о культурной деятельности сотрудников МИДа. С одной стороны, это выполняется посредством музейного хранения, изучения, реставрации и экспонирования памятников, оказавшихся в их фондах благодаря деятельности служащих. С другой

стороны, с помощью практики показа предметов в музейной экспозиции возможен рассказ об этапах развития взаимоотношений нашей страны с восточными соседями.

Некоторые музейные экспозиции с участием дипломатических даров позволяют «вернуть» предметам те значения, которыми их наделяли в процессе дарения и получения. Предметы из посольских даров выступают в роли символов добрых отношений и рассматриваются в то же время как произведения искусства, демонстрирующие непревзойденные умения восточных мастеров. Очевидна и их роль как свидетелей и символов важных исторических событий и даже, в некоторых случаях, масштабных геополитических процессов. Такие выставки в Государственном Эрмитаже, как «Министерство иностранных дел Российской империи» и «Дары Востока и Запада», развивают эту идею, добавляя топографическое измерение: музейные предметы из состава дипломатических даров показаны в залах, где до революции размещались кабинеты Министерства иностранных дел.

В последние десятилетия наблюдается интерес к изучению и экспонированию дипломатических даров и личных коллекций дипломатов, но другие стороны деятельности МИДа по пополнению музейных фондов еще не получили должного внимания. Соответственно, процесс изменения идентичности был наиболее показательным для предметов из указанных двух групп коллекций. Что же касается бывших ведомственных коллекций МИДа (Учебного отделения и хранения Азиатского департамента), то они не претерпели существенного изменения своей идентичности в пространстве музея, продолжая служить в наибольшей степени научными материалами. Это обстоятельство объясняется недостаточной информированностью об этих культурных практиках, но большую роль здесь играют и свойства музейных предметов: музеологическая теория позволяет понять, что при недостаточной аттрактивности и экспрессивности такие предметы сложнее использовать на выставках. Относительно предметов из посольских даров и дипломатических коллекций отмечается, что они обладают в целом большей

аттрактивностью и экспрессивностью (в основном это произведения искусства, а также этнографические и археологические материалы) и часто экспонируются в различных контекстах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность Министерства иностранных дел Российской империи по формированию музейных фондов Санкт-Петербурга азиатскими памятниками стала одной из ярких страниц в истории накопления знаний об истории и культуре стран Востока в России. Задача по комплектованию музейных фондов объединила множество действующих лиц из числа дипломатов, чиновников, ученых и сотрудников музеев, работавших в плотном взаимодействии. Уделив пристальное внимание работе Министерства иностранных дел по пополнению музейных собраний, стало возможным глубже понять и конкретнее обозначить пути участия государства в развитии музейных фондов страны в исторической перспективе.

В рамках системы поступления памятников из восточных коллекций в музейные фонды Санкт-Петербурга на деятельности институций сказалась роль государственного регулирования. Министерство иностранных дел как проводник внешней политики государства с одной стороны и музеи как институции, получающие покровительство от государства, с другой, – являлись равноправными звеньями длинной цепи взаимоотношений, в результате которых стало возможным развитие старых и возникновение совершенно новых музейных фондов с восточными памятниками. В своей работе, связанной с восточным направлением, и столичные музеи, и Министерство иностранных дел испытывали влияние задач, связанных с налаживанием и поддержанием контактов с восточными странами и регионами.

В деле поступления памятников в музеи Министерство иностранных дел принимало на себя роль передаточного звена, которое само по себе не обладало необходимыми музейными формами для дальнейшего сохранения, изучения и экспонирования предметов. Роль МИДа в формировании коллекций могла быть как прямой, непосредственной, так и косвенной, более

абстрактной. Непосредственная роль ведомства прослеживалась при формировании таких типов коллекций как частные и ведомственные.

Частное коллекционирование получило чрезвычайно широкое распространение в среде дипломатов, занимавшихся научными разысканиями на своих должностных постах в странах Востока. Насчитывается более четырёх десятков служащих, которые составляли большие и малые коллекции памятников, и эти цифры прослеживаются только по опубликованным источникам. С одной стороны, такого рода коллекции отражали интерес дипломатов как частных лиц, а с другой – их деятельность была бы затруднена или вовсе невозможна без использования их положения как должностных лиц. Доминирующей мотивацией при составлении коллекций восточных предметов был научный интерес коллекционеров, немаловажной была и обстановка соперничества с их европейскими коллегами, которые также формировали собрания азиатских памятников. Крупные коллекционеры-дипломаты часто составляли коллекции и для себя, и для музеев-научных центров, с которыми они были тесно связаны: подавляющее число коллекций направлялись в Азиатский музей, Музей антропологии и этнографии и Императорский Эрмитаж. Дипломаты коллекционировали археологические предметы, древние рукописи, предметы быта, произведения искусства, нумизматические редкости. Коллекция каждого дипломата имела четко очерченный профиль, отражавший конкретные интересы служащего: это были достаточно типологически однородные предметы, относившиеся к одной культуре, – такая специализация характеризовала дипломатов прежде всего как серьезных ученых, а не собирателей экзотических предметов.

Ведомственные коллекции Министерства иностранных дел формировались в течение всего периода работы МИДа и стали результатом служебной, учебной и научной деятельности его сотрудников. Важнейшей причиной формирования собраний была необходимость их дальнейшего использования в работе самого ведомства. Ко внутриведомственным

коллекциям МИДа, сосредоточенным в Санкт-Петербурге, относились коллекции Учебного отделения (Института) восточных языков при Азиатском департаменте и хранение в самом Азиатском департаменте. В Институте находились нумизматический кабинет и библиотека с печатными и рукописными сочинениями разнообразной тематики. Собрание монет, медалей и книг было укомплектовано памятниками, происходившими из ближневосточного региона: в количественном отношении доминировали персидские и турецкие предметы. Коллекции Учебного отделения были актуальны только в кругу ученых-профессоров и студентов и имели сугубо практическое назначение, помогая в подготовке специалистов для службы в дипломатических представительствах в странах Ближнего Востока.

В стенах Азиатского департамент в здании Главного штаба на Дворцовой площади находилось хранилище редкостей – предметов быта и религиозного обихода, а также буддийской скульптуры и библиотека печатных и рукописных работ. В отличие от хранения Учебного отделения восточных языков, данные собрания были посвящены культуре стран Дальнего Востока – в первую очередь, Китая, а также Монголии, Кореи и Японии. Коллекции стали результатом научной и служебной деятельности членов находившейся в составе Министерства иностранных дел до 1864 г. Русской духовной миссии в Пекине – как светских, так и духовных лиц.

Существовало ещё два типа коллекций восточных памятников, в составлении которых принимало участие Министерство иностранных дел. Их можно объединить названием «(меж)государственные», поскольку для образования коллекций требовалось задействовать государственные ресурсы, войти в соприкосновение с дипломатическими и правительственными кругами других стран. Этот уровень подразумевал вовлеченность значительного числа действующих лиц в процесс формирования и использования коллекции. Министерство иностранных дел создавало необходимые условия для зарождения коллекций, при этом весьма

затруднительно выделить главных действующих лиц из представителей этого ведомства, которые бы оказали решающее влияние на их создание.

На данном уровне находятся дипломатические дары членам Российской императорской фамилии и дары российским дипломатам, а также результаты архитектурно-археологических и этнографических экспедиций, которые состоялись благодаря патронажу МИДа. Среди последних выделяется «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении» (1904-1923), организованный в составе самого Министерства иностранных дел. «Русский комитет» доставил множество находок как из восточной части Российской империи, так и из-за рубежа, в первую очередь с территории Цинской империи. Если среди находок экспедиций преобладал археологический и этнографический материал, то посольские дары представляли собой произведения искусства, дорогое оружие, посуду и прочие редкие и ценные предметы.

Невозможно составить корректное представление о смысле работы всей системы по обогащению музейных фондов памятниками Востока без понимания роли музеев XIX-начала XX вв. как научных центров, служивших незаменимым подспорьем в работе ученых-востоковедов. Музеи с восточными коллекциями были уникальными в своем роде источниками информации об истории и культуре стран и регионов Азии. Научные цели объединяли дипломатов-коллекционеров, иных служащих, трудившихся над созданием ведомственных коллекций МИДа, участников экспедиций, которые курировало это ведомство, а также музейных сотрудников. Все они приняли участие в расширении научной базы востоковедения, отвечавшего в рассматриваемый период высшим государственным интересам. Несколько обособленно в вопросе использования предметов находились дипломатические дары, которые не рассматривались в качестве материалов для научных изысканий в контексте императорской коллекции. Посольские дары обладали высокими эстетическими качествами, несли

репрезентативную функцию как символы побед на полях дипломатии и рассматривались в качестве экзотических предметов, что обуславливало их присутствие в интерьерах царских резиденций.

Власти не принимали участия в решении о пополнении музейных фондов напрямую, склоняясь, однако, к поддержке деятельности ученых и служащих ведомства, занятых в создании коллекций восточных памятников. Эта особенность стала отражением характера отечественного востоковедения, отличавшегося от распространенного в странах Запада способа накопления и использования знаний о Востоке. Последний получил в литературе название «ориентализм». Представление россиян, в том числе ученых-востоковедов, о Востоке отличалось от монолитного комплекса стереотипов. Это объяснялось необычным географическим положением нашей страны и развитыми контактами с восточными народами, её населявшими. Неотделимость «восточного» элемента от элемента «западного» в жизни социума, в политике и в культуре сказалось и на научных подходах к освоению знаний о Востоке. В работе выдающихся российских ученых, таких, как С. Ф. Ольденбург или В. В. Радлов, напрямую сотрудничавших с дипломатами и руководивших экспедициями, воплотились следующие основополагающие принципы по работе с памятниками: тактичный подход к сбору материала, максимально возможное невмешательство в целостность архитектурно-археологических ансамблей, создание большого количества сопроводительных материалов. Ученые и дипломаты сотрудничали с местными учеными и изучали древние культуры со вниманием к современным культурным практикам, доказывали необходимость использования научных знаний в актуальной работе государства в восточных регионах страны. Тем самым они отдавали себе отчет в том, что участвуют в построении знаний о Востоке с целью поддержания политической стабильности империи. Миф о «чистой» науке не был распространен и в среде служащих Министерства иностранных дел.

Напротив, работа по собиранию памятников восточных культур была напрямую связана с магистральными направлениями работы ведомства и стала выражением тех задач, которые перед ним возникали. Характер составленных коллекций по странам своего происхождения соответствует регионам и интенсивности дипломатических связей, что позволяет говорить о прямой зависимости между развитием международных отношений и пополнением музейных фондов памятниками культур восточных стран. Так, из государств, с которыми Россия продолжительное время вела диалог на международном уровне, было привезено наибольшее количество предметов, пополнивших вскоре музейные собрания. Лучшим примером в этом отношении являются культурные связи с Цинской империей. Памятники культур народов, в разное время проживавших на территории Китая, поступали в музейные фонды Санкт-Петербурга в составе всех выделенных типов коллекций – дипломатических коллекций, посольских даров, в результате передач из хранения Азиатского департамента и деятельности экспедиций «Русского комитета».

В период XIX-начала XX в. налаживались интенсивные политические и культурные связи с различными регионами восточного мира, происходило открытие в дипломатическом отношении новых стран, развивались исследования на территории азиатской части России. В соответствии с направленностью работы российских представительств на Востоке в первую половину XIX в. было составлено немало коллекций с памятниками из Османской империи и Персии, особенно – коллекций Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте. С ближневосточным регионом была связана задача его научного освоения с целью продолжения и углубления международных отношений. С середины XIX в. стали складываться коллекции предметов из среднеазиатских ханств, перешедших под протекторат России, –в первую очередь, в формате посольских даров. В конце XIX в. – начале XX вв. наблюдалось расширение географического ареала восточной политики России. Происходило активное развитие

отношений со странами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, что отвечало включенности России в широкую орбиту международных связей. Среди дипломатических даров и предметов дипломатических коллекций стали возникать предметы из Сиама, Кореи, Японии.

Осознание музейной ценности собираемых предметов коллекционерами, учеными и сотрудниками ведомства приводило к их попаданию в музейные фонды, что положительно повлияло на их сохранение и дальнейшее изучение. Напротив, многие не переданные в музей предметы из восточных коллекций в годы Гражданской войны были безвозвратно утеряны. В подавляющем большинстве рассмотренных исторических примеров восточные дипломатические коллекции отправлялись в музеи еще при жизни или вскоре после кончины собирателя. Некоторые музеи могли входить в контакт с крупными дипломатами в желании обзавестись памятниками, которых недоставало в их коллекции: так поступал директор Музея антропологии и этнографии В. В. Радлов, бывший в то же время председателем «Русского комитета». Он посылал запросы от лица МАЭ участникам экспедиций, направляемых от этой подконтрольной МИДу организации. Что касается ведомственных коллекций, то они также пополняли музейные фонды еще в те годы, когда эти структуры – Учебное отделение восточных языков и Азиатский департамент – успешно функционировали. При этом изначально ведомственные коллекции МИДа не планировали к немедленной передаче в музейные собрания: они использовались в работе служащих Азиатского департамента и в учебе студентов Учебного отделения восточных языков. Часть дипломатических даров российской императорской семье от правителей стран Востока также направлялась в музеи, как и подарки российским дипломатам от их зарубежных коллег. Остальные коллекции дипломатических даров российский императорской семье были национализированы с приходом Советской власти. Значительная их часть сохранилась благодаря тому, что

коллекции, хранившиеся в резиденциях российских императоров, перешли в фонды Эрмитажа и других государственных музеев.

Предметный состав коллекций обусловил свойства этих музейных предметов и их музейную ценность, что нашло отражение в их применении в музейной практике. В коллекциях преобладали археологические материалы, памятники письменности, предметы быта, произведения искусства, памятники нумизматики. В целом экспонирование предметов до поступления в столичные музейные собрания имело ограниченный характер. Исключение составляет нескольких временных выставок и деятельность двух небольших частных музеев П. Л. Шиллинга и З. Ф. Леонтьевского на основе дипломатических коллекций.

Первое время музеи выступали по отношению к этим коллекциям как хранилища научных данных или редкостей, доступных лишь избранным. Ситуация в корне изменилась с начала XX в. и особенно – со времени прихода Советской власти, когда предметы из восточных коллекций стали активнее вовлекаться в выставочные программы. На выставках в музеях на первый план выходили эстетические качества предметов и их ценность как памятников истории. В советские годы предметы из восточных коллекций, собранных благодаря деятельности Министерства иностранных дел Российской империи, участвовали в рассказе о культуре стран своего происхождения наряду с другими памятниками из музейных фондов.

В постсоветский период появилась благоприятная возможность для расширения интерпретации предметов из восточных коллекций. В музейных исследованиях больше внимания стали уделять истории обнаружения памятников, происхождению коллекций и их музейному бытованию. Появился новый тип экспозиционного нарратива, раскрывающий историю международных отношений дореволюционного периода. С помощью демонстрации предметов в музейной экспозиции строятся повествования о развитии взаимоотношений нашей страны с восточными соседями, уделяется

внимание и отдельным служащим ведомства, чья деятельность наиболее очевидным образом повлияла на формирование музейных коллекций.

Значение многих музейных предметов из рассмотренных коллекций изменилось с момента их поступления в музеи, находясь в зависимости от общего контекста, в котором их рассматривали. Некоторые современные музейные экспозиции с участием дипломатических даров позволяют вновь наделить предметы тем значением, которым они обладали в процессе дарения и получения. Стремление вернуться к первоначальному историческому контексту, прослеженное на ряде примеров современной музейной научной и экспозиционной работы, свидетельствует об актуализации этого прошлого, необходимой для разработки новых методик по работе с данными музейными предметами. Так, на выставках предметы из посольских даров выступают в роли символов международных отношений и рассматриваются в то же время как произведения искусства, демонстрирующие непревзойденные умения создавших их мастеров. Очевидна их роль как свидетелей и символов важных исторических событий и даже масштабных геополитических процессов. Такие выставки в Главном Штабе Государственного Эрмитажа как «Министерство иностранных дел Российской империи» и «Дары Востока и Запада» развивают эту идею, добавляя к интерпретации предметов топографическое измерение: музейные предметы из состава дипломатических даров показаны в залах, где до революции размещались кабинеты Министерства иностранных дел.

В последние десятилетия наблюдается интерес к изучению и экспонированию дипломатических даров и личных коллекций дипломатов, но другие стороны деятельности Министерства иностранных дел Российской империи по пополнению музейных фондов еще не получили должного внимания. Таким образом, предметы из указанных двух групп коллекций претерпели наибольшие изменения в своей интерпретации. Что же касается предметов из бывших ведомственных коллекций МИДа, то они продолжают использоваться в основном как научные материалы. Это обстоятельство

объясняется как недостаточной информированностью об этих культурных практиках, так и свойствами этих памятников как музейных предметов: при сравнительно невысокой аттрактивности и экспрессивности их участие на выставках затруднено. Напротив, предметы, входившие в состав посольских даров и дипломатических коллекций, обладают в целом большей аттрактивностью и экспрессивностью и часто экспонируются в различных контекстах.

Несмотря на то, что со времени рассматриваемых событий прошло уже более ста лет, а государственный строй претерпел серьезнейшие изменения, задача по составлению музейных коллекций с помощью деятельности сотрудников российского Министерства иностранных дел не потеряла своей актуальности. В свою очередь музеи – современные хранители восточных коллекций уделяют внимание их интерпретации как памятников истории и свидетелей развития международных отношений.

В настоящем исследовании был затронут один из аспектов истории пополнения отечественных музейных фондов памятниками культур Востока при помощи государственных ведомств. Необходимо заметить, что музейные фонды Санкт-Петербурга обладают значительными коллекциями, составленными благодаря Министерству иностранных дел Российской империи, и по другим неевропейским регионам. Речь идёт о памятниках из стран Африки, о культурном наследии коренного населения Америки. Перспективной темой для дальнейших исследований является также история формирования музейных фондов Москвы и других городов Российской империи. Продуктивным расширением тематики станет выход за рамки изучения работы лишь одного учреждения – Министерства иностранных дел; выход за хронологические рамки, связанные с годами существования этого ведомства. Например, логичным продолжением работы будет объединение собранной информации с данными по истории культурной деятельности Коллегии иностранных дел, основанной в 1718 г. и ликвидированной в 1832 г. Стоит углубить исследование истории культурных контактов с

восточными странами и регионами и в аспекте пополнения библиотечных фондов страны, составления естественнонаучных коллекций, приобретения художественных материалов, по другим направлениям. Остается надеяться, что данная проблематика будет развиваться и в дальнейшем в ракурсе изучения истории науки, музейного дела и деятельности государственных структур с целью углубления знаний об истории отечественной культуры и многообразии культур стран и регионов Востока.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I Архивные источники

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502б. 1851-1917.

2. АВПРИ. Ф. 152. 1589-1915. Оп. 505.

3. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 102. Ч. V. Расписание. Предметы. Учебные занятия. Экзамены, бумаги и экзамены учащихся. Корреспонденция.

4. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 105. Коллекция восточных монет.

5. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 237. Записка по вопросу об изучении языков и Стран Востока в связи с вопросом о реорганизации Учебного отделения восточных языков.

6. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 725/2. 1832-1917. Д. 178.

7. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 725/2. 1832-1917. Д. 257.

8. АВПРИ. Ф. 161. IV-33. Оп. 144. Д. 1. 1864-1865. О передаче Китайской библиотеки Азиатского департамента в Императорскую Академию наук.

9. АВПРИ. Ф. 161. IV-33. Оп. 144. Д. 1. 1865-66. О передаче хранящихся в Азиатском департаменте Китайских вещей в Эрмитаж.

10. АВПРИ. Ф. 161. IV-33. Оп. 144. Д. 2. О передаче в Императорскую Академию наук находящихся в Азиатском департаменте деревянных и свинцовых Китайских шрифтов.

11. АВПРИ. Ф. 161. IV-51. Оп. 146. Д. 1. Об учреждении при Азиатском департаменте Библиотеки и собрания Восточных монет и прочих предметов (1819).

12. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 181. Оп. 17. Восточные и русские рукописи.

13. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 448. Д. 41. 1841. 156 л.

14. Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 172 Оп. 136. Д. 30. Гамазов Матвей Авельевич. Письмо Александру Егоровичу Влангали. Черновое. 17 июня 1886.

II Научная литература

15. Абашин С. Н. [Рецензия] / С. Н. Абашин // Антропологический форум. – 2014. – № 20. – С. 343–351. – Рец. на кн.: «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / Вера Тольц. Москва : Новое литературное обозрение, 2013. 332 с.

16. Адамова А. Т. Два портрета Фатх-Али-шаха из собрания Государственного Эрмитажа и каджарский официальный стиль / А. Т. Адамова // Сообщения Государственного Эрмитажа. – 1971. – Вып. 33. – С. 85–87.

17. Адамова А. Т. Персидские рукописи, живопись и рисунок XV-начала XX века: каталог коллекции / А. Т. Адамова. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. – 509 с. : ил.

18. Акимушкин О. Ф. К истории формирования фонда мусульманских рукописей / О. Ф. Акимушкин // Институт восточных рукописей (Санкт-Петербург) : [сайт]. – URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=1406 (дата обращения: 02.11.2023).

19. Алаев Л. Б. Ориенталистика и ориентализм. Почему книга Эдварда Саида не имела успеха в России? / Л. Б. Алаев // Ориентализм vs. ориенталистика: сб. статей / отв. ред. В. О. Бобровников, Мири С. Дж. Сандра. – Москва, 2016. – С. 16–26.

20. Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.01.01 / П. В. Алексеев. – Томск, 2015. – 39 с.

21. Алексеев П. В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому / П. В. Алексеев. –Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. — 348 с.

22. Ананьев В. Г. Институт истории искусств как центр музееведческой мысли Петрограда – Ленинграда конца 1910-х – 1920-х гг. / В. Г. Ананьев. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. — 408 с.

23. Ананьев В. Г. История зарубежной музеологии: Идеи, люди, институты / В. Г. Ананьев. – Москва : Памятники исторической мысли, 2018. – 392 с.

24. Ананьев В. Г. Концепт «музея как контактной зоны» в современной зарубежной историографии / В. Г. Ананьев // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. –№ 1. – С. 81–89.

25. Ананьев В. Г. Российская академия наук и проблема перемещения памятников историко-культурного наследия грузинского происхождения в 1920-е гг. / В. Г. Ананьев, М. Д. Бухарин // Византийский временник. – 2020. – Т. 140. – С. 360–379.

26. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – Москва : Кучково поле, 2016. – 416 с.

27. Андреев А. И. Буддийская святыня Петрограда / А. И. Андреев. – Улан-Уде : ЭкоАрт, 1992. – 128 с. : ил.

28. Андросов С. О. Приобретения П. И. Кривцова в Италии / С. О. Андросов // Николай I и Новый Эрмитаж. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 48–51.

29. Андросов С. О. Русские заказчики и итальянские художники в XVIII в. / С. О. Андросов. – Санкт-Петербург, 2003. – 286 с. : ил.

30. Арапова Т. Б. Китайские расписные эмали. Собрание Государственного Эрмитажа / Т. Б. Арапова. – Москва : Искусство, 1988. – 292 с. : ил.

31. Асварищ Б. И. Картинная галерея А. М. Горчакова. Каталог выставки к 200-летию со дня рождения светлейшего князя, государственного канцлера

Александра Михайловича Горчакова / Б. И. Асваріщ. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. – 94 с. : ил.

32. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 58.

33. Астров И. В. Главный штаб: здание гражданских министерств / И. В. Астров. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. – 78 с. : ил.

34. Балаш А. Н. Вещеведение как междисциплинарная проблема музеологического образования / А. Н. Балаш // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 11 (89). – С. 32–35.

35. Балаш А. Н. Вещь в музее: размышления о судьбе «предмета музейного значения» / А. Н. Балаш // Вопросы музеологии. – 2013. – № 1(7). – С. 19–24.

36. Балаш А. Н. Изучение феномена коллекционирования в образовательном процессе вуза / А. Н. Балаш // Вестник Санкт-Петербургского института культуры. – 2017. – № 4 (33). – С. 175–178.

37. Балаш А. Н. Музеология и исследования новой материальности / А. Н. Балаш // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2022. – № 1 (50). – С. 18–23.

38. Балаш А. Н. Музей как «другое пространство» культуры / А. Н. Балаш // Музей – памятник – наследие. – 2018. – № 1 (3). – С. 12–22.

39. Банк А. В. Восточные собрания Эрмитажа (общая характеристика, основные линии исследования) / А. В. Банк ; XXV Международный конгресс востоковедов. – Ленинград : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1960. – 86 с.

40. Бартольд В. В. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1903–1909 гг. / В. В. Бартольд // Сочинения : в 9 т. / В. В. Бартольд. – Москва, 1977. – Т. 9 : Работы по истории востоковедения. – С. 503–510.

41. Басханов М. К. Кашгар: фотолетопись Большой игры (коллекции Н. Ф. Петровского и Я. Я. Лютша в собрании МАЭ РАН) / М. К. Басханов, Е. А. Резван. – Санкт-Петербург : Нестор-история, 2021. – 624 с. : ил.

42. Бобков И. М. Постколониальные исследования / И. М. Бобков // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск, 1998. – С. 776.

43. Бобровников В. О. Ориентализм — не догма, а руководство к действию? О переводах и понимании книги Э.В. Саида в России / В. О. Бобровников // Ориентализм vs. ориенталистика : сб. статей / отв. ред. В. О. Бобровников, Мири С. Дж. Сандра. – Москва., 2016. – С. 53–77.

44. Бурков В. Г. Азиатский департамент. К истории Министерства иностранных дел России / В. Г. Бурков // Клио. – 2012. – № 8 (68). – С. 36–38.

45. Бурнашев В. П. Кабинет китайских редкостей, принадлежащих З. Ф. Леонтьевскому / В. П. Бурнашев // Северная пчела. – 1832. – № 191. – С. 3–4.

46. Бурнашев В. П. Кабинет китайских редкостей, принадлежащих З. Ф. Леонтьевскому : продолжение / В. П. Бурнашев // Северная пчела. – 1832. – № 192. – С. 3–4.

47. Бурнашев В. П. Кабинет китайских редкостей, принадлежащих З. Ф. Леонтьевскому : заключение / В. П. Бурнашев // Северная пчела. – 1832. – № 193. – С 3–4.

48. Бухарин М. Д. Исследование пещерно-храмовых комплексов Туюк-мазар и Безеклик Второй Туркестанской экспедиции в 1915 г. (по материалам записных книжек С. Ф. Ольденбурга) / М. Д. Бухарин // Вестник древней истории. – 2019. – Т. 79, № 1. – С. 121–135.

49. Бухарин М. Д. Маршрут и хронология работ Второй Русской Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга (1914–1915 гг.) / М. Д. Бухарин // Российская археология. – 2019. – № 2. – С. 151.

50. Бухарин М. Д. «Мы оба работаем для России, для науки…» : переписка С. Ф. Ольденбурга и Н. Н. Кроткова из архивных собраний РАН /

М. Д. Бухарин // Scripta antique. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. – 2016. – Т. 5. – С. 395–457.

51. Бухарин М. Д. Новые документы к истории изучения Восточного Туркестана / М. Д. Бухарин // Вестник древней истории. – 2014. – № 3. – С. 163–183.

52. Бухарин М. Д. Письма А. А. Дьякова С. Ф. Ольденбургу из собрания СПФ АРАН / М. Д. Бухарин // Вестник истории, литературы, искусства. – 2013. – Т. 9. – С. 440–448.

53. Васильева О. В. Из истории одного собрания / О.В. Васильева // Восточная коллекция. – 2002. – № 2 (9). – С. 126–129.

54. Воевода Е. В. Учебно-педагогическая деятельность Учебного Отделения Восточных языков при Азиатском департаменте МИД Российской Империи / Е. В. Воевода // Язык и коммуникация в контексте культуры: материалы IV международной научно-практической конференции 23–24 июня 2009 г. / отв. ред. Л. Костикова, С. Лобанов. – Рязань, 2009. – С. 309–316. – URL: https://mgimo.ru/library/publications/119896/ (дата обращения: 01.03.2024).

55. Воловников В. Г. Вклад в изучение Востока Дипломатического ведомства Российской империи в XVIII – начале XX века : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09 / В. Г. Воловников ; науч. рук. М. С. Лазарев ; ИВРАН. – Москва, 2004. – 314 с.

56. Воробьёва-Десятовская М. И. Материалы Н. Ф. Петровского в ИВР РАН / М. И. Воробьёва-Десятовская // Письменные памятники Востока. – 2011. – Вып. 1 (14). – С. 184–196.

57. Воробьева-Десятовская М. И. Российские ученые на тропах Центральной Азии (открытие забытых письменных культур) / М. И. Воробьёва-Десятовская // Письменные памятники Востока. – 2010. – № 112. – С. 237–253.

58. Воробьева-Десятовская М. И. Экспедиция М. М. Березовского в Кучу (1905–1908) / М. И. Воробьёва-Десятовская // Российские экспедиции в

Центральную Азию в конце XIX – начале XX века : сб. ст. / под ред. И. Ф. Поповой. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 65–74.

59. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории – Москва : Гл. ред. восточной литературы, 1988. – 456 с.

60. Гаврилова Т. М. К биографии З. Ф. Леонтьевского / Т. М. Гаврилова, Н. М. Егорова // Взгляд из России : каталог произведений из собрания Ярославского музея. – Ярославль, 1999. – С. 2–3.

61. Герасимов Г. И. Идеальная сущность музейного предмета / Г. И. Герасимов // Вопросы музеологии. – 2021. – Вып. (1) 12. – С. 116–130.

62. Головнёв А. В. Музейное мышление: соблазн открытия и инстинкт хранения / А. В. Головнёв // Кунсткамера. – 2019. – № 3 (5). – С. 10–18.

63. Греч Н. Барон Павел Львович Шиллинг / Н. Греч // Северная пчела. – 1853. – № 142. – С. 567–568.

64. Григорович Д. В. Дом графа Строганова / Д. В. Григорович ; публ. с коммент. С. О. Кузнецова, Ф. С. Светлакова, С. О. Андросова // Забытый русский меценат. Собрания графа Павла Сергеевича Строганова : каталог выставки. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 37–59.

65. Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке / Б. Н. Григорьев. – Москва : Молодая гвардия, 2010. – 521 [7] с. : ил.

66. Грицкевич В. П. История музейного дела конца XVIII – начала XX в. / В. П. Грицкевич. – Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2007. – 267 с.

67. Гурин В. Е. История формирования тибето-буддийских коллекций в музеях Санкт-Петербурга : дис. … канд. культурологии : 24.00.03 / В. Е. Гурин ; науч. рук. М. Е. Кравцова ; МАЭ РАН. – Санкт-Петербург, 2011. – 349 с.

68. Гурулева В. В. Русские коллекционеры памятников нумизматики на православном Востоке. (Вторая половина XIX — начало XX века) / В. В. Гурулева // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества : сб. науч. тр. : к XX Международному конгрессу византинистов. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 165–178. – URL:

https://www.ippo.ru/ipporu/article/russkie-kollekcionery-pamyatnikov-numizmatiki-na-p-201209 (дата обращения: 02.11.2023).

69. Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет : каталог выставки. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – 424 с. : ил.

70. Дешпанде О. П. Имя, незаслуженно забытое: Г. А. Плансон – дипломат и коллекционер / О. П. Дешпанде // Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге, 1703–1917 : тез. докл. конф. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1995. – С. 27–29.

71. Дешпанде О. П. Коллекция Г. А. Плансона в Эрмитаже / О. П. Дешпанде // Памятники культуры. Новые открытия: письменность. Искусство. Археология : ежегодник / [Рос. акад. наук. Науч. совет по истории мировой культуры]. – Москва: Наука, 1996. – С . 22–33.

72. Дешпанде О. П. "Сакральный дар божеству..." Скульптура Юго-Восточной Азии в Эрмитаже / О. П. Дешпанде. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. – 144 с. : ил.

73. Дешпанде О. П. Неопубликованные архивные материалы по истории российско-тайландских культурных связей (история создания тайской коллекции буддийской скульптуры Таиланда из собрания Эрмитажа) / О. П. Дешпанде, Б. Н. Мельниченко // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – 1995. – Вып. 15. – С. 84–98.

74. Дневники императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С. В. Мироненко. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 1100 с.

75. Дукельский В. Ю. Музей и культурно-историческая среда / В. Ю. Дукельский // Музееведение: Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности : сб. науч. тр. / отв. ред. В. Ю. Дукельский. – Москва : НИИК, 1989. – С.107–116.

76. Дьяконова Н. В. Буддийские памятники Дуньхуана / Н. В. Дьяконова // Труды Государственного Эрмитажа. – 1947. – Т. 4. – С. 445–470.

77. Дьяконова Н. В. Выставка культуры и искусства Синьцзяна I–XII вв. / Н. В. Дьяконова // Сообщения Государственного Эрмитажа. – 1955. – Вып. 8. – С. 9–11.

78. Дьяконова Н. В. Изобразительное искусство / Н. В. Дьяконова // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. – Москва, 2000. – С. 218–295.

79. Дьяконова Н. В. Культурное наследие национальных меньшинств Синьцзяна / Н. В. Дьяконова // Труды Государственного Эрмитажа. – 1958. – Т. II : Культура и искусство античного мира и Востока. – С. 201–213.

80. Дьяконова Н. В. Роспись потолка со знаками зодиака из Кизила – пещерного комплекса VI–VII вв. / Н. В. Дьяконова // Труды Государственного Эрмитажа. – 1989. – Т. 27. – С. 10–14.

81. Дьяконова Н. В. Сюжет стенной росписи V века из Кучара / Н. В. Дьяконова // Сообщения Государственного Эрмитажа. – 1984. – Вып. 49. – С. 55–58.

82. Дьяконова Н. В., Рудова М. Л. «Тысячерукий Авалокитешвара» из коллекции Н. Н. Кроткова (к вопросу о религиозном синкретизме в уйгурском Турфанском княжестве IX–XI вв.) / Н. В. Дьяконова, М. Л. Рудова // Искусство и религия : сб. науч. тр. – Ленинград, 1981. – С. 43–58.

83. Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности. Каталог хотанских древностей, хранящихся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (терракота и штук). / Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. – Ленинград : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1960. – 128 с. : ил.

84. Егорова А. А. Японское искусство на «Выставке предметов, поднесённых наследнику цесаревичу...»: презентация и восприятие / А. А. Егорова // Искусствознание. –2019. – № 2. – С. 130–167.

85. Елихина Ю. И. Буддийские дары дому Романовых из Галереи Драгоценностей / Ю. И. Елихина // Ювелирное искусство и материальная культура / науч. ред. Н.А. Захарова. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 14–20.

86. Елихина Ю. И. Культ обезьяны в искусстве Центральной Азии / Ю. И. Елихина // Труды Государственного Эрмитажа. Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина (21.01.1932 – 10.09.1984). – 2021. – Т. 105. – С. 363–374.

87. Елихина Ю. И. Тибетская коллекция Государственного Эрмитажа / Ю. И. Елихина // Страны и народы Востока. – 2014. – Вып. 35 : Коллекции, тексты и их «биографии». – С. 95–117.

88. Ермекбай Ж. А. Из истории Казахских коллекций на Российских и международных выставках второй половины XIX – начала XX вв. / Ж. А. Ермекбай // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию города Омска и 150-летию со дня рождения А. Н. Букейханова. / отв. ред. Ш. К. Ахметова, А. А. Ильина, И. В. Толпеко. – Омск, 2016. – С. 105–112.

89. Жукова А. Е. Азиатский департамент в структуре Министерства иностранных дел России во второй половине XIX в.: функции, личный состав, характерные черты / А. Е. Жукова // Клио. – 2017. – № 6 (126). – С. 66–73.

90. Жуковский В. А. Описание рукописей Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел / В. А. Жуковский // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования : ежегодник 1971. – 1974. – С. 432–516.

91. Забытый русский меценат. Собрания графа Павла Сергеевича Строганова : каталог выставки. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. – 233 с. : ил.

92. Завидовская Е. А. Академик В. М. Алексеев и Музей истории религии (Из истории создания экспозиции по истории религий Китая и формирования китайской коллекции ГМИР) / Е. А. Завидовская, Е. А. Терюкова // Труды Государственного Музея религии. – 2015. – Вып. 15. – С. 78–105.

93. Зайченко М. Г. Оружие как залог мира / М. Г. Зайченко, В. Н. Образцов // Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет : каталог выставки. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 69–77.

94. Залесская В. Н. Византийские памятники в коллекции А. П. Базилевского / В. Н. Залесская // Византиноведение в Эрмитаже. К XVIII Международному конгрессу византинистов. Москва, 8–15 августа 1991 года. – Ленинград, 1991 – С. 10–13.

95. Западноевропейское прикладное искусство средних веков и эпохи Возрождения из коллекции А. П. Базилевского : каталог выставки. – Ленинград : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986. – 128 с. : ил.

96. Зиновьева Ю. В. Музей и его партнеры: взаимодействие с местным сообществом / Ю. В. Зиновьева, Ю. Ю. Мацкевич // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 212. – С. 83–92.

97. Иванов А. А. Дары императорам от стран Востока // Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет : каталог выставки. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 61–69.

98. Иванова Е. В. Хроника поступления буддийских коллекций в МАЭ РАН / Е. В. Иванова // Вещи. Коллекции. Тексты. Сборник МАЭ. – 2009. – Т. 55. – С. 145–210.

99. Иерусалимская А. А. Отдел Востока / А. А. Иерусалимская, А. А. Иванов // Эрмитаж. История и современность, 1764–1988. – Москва, 1990. – С. 215–235.

100. Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 4. Ноябрь. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1904. — 29 с.

101. Иконникова С. Н. Культурное пространство музея как национальное достояние / С. Н. Иконникова // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. – Санкт-Петербург, 2004. – Вып. 8. – С. 25.

102. Императорские коллекции Кунсткамеры // Кунсткамера : [сайт]. – URL: https://www.kunstkamera.ru/museums_structure/sluzhby_i_podrazdeleniya/exhibitions_dep/exhibitions_archive/arhiv_vystavok/imperial_collections_of_kunstkammer (дата обращения: 02.11.2023).

103. Инкина Н. В. Археологические памятники, описанные Д. А. Клеменцем (1848–1914) во время Турфанской экспедиции 1898 г. / Н. В. Инкина // Конференция «Путь Востока», Путь Востока. Культура. Религия. Политика : материалы XVI молодежной конференции по проблемам философии, религии и культуры Востока (25–27 апреля 2013 г.). – Санкт-Петербург, 2014. – С.69–75.

104. Ипатова А. С. Письма архимандрита Поликарпа (из истории Российской духовной миссии в Пекине) / А. С. Ипатова // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 2. – С. 93–97.

105. Искусство ампира: Материалы выст. – Санкт-Петербург : Славия, 1999. – 103 с. : ил.

106. История отечественного востоковедения до середины XIX века / отв. ред. Г. Ф. Ким, П. М. Шаститко. – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 435 с.

107. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / ред. кол. А. А. Вигасин, А. Н. Хохлов, П. М. Шаститко. – Москва : Восточная литература, 1997. – 536 с.

108. К истории казахских коллекций МАЭ // Кунсткамера : [сайт]. – URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-906523-11-2/978-5-906523-11-2_17.pdf (дата обращения: 02.11.2023).

109. Каган М. С. Философия культуры : учебное пособие для вузов / М. С. Каган. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 353 с.

110. Калимуллина Ф. Г. В. В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства: монография / Ф. Г. Калимуллина. – Казань : Республиканский центр мониторинга качества образования, 2014. – 240 с.

111. Карлов И. И. Пространство музея в воспроизводстве современного российского общества : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / И. И. Карлов. – Москва, 2006. – 22 с.

112. Каталог книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в Библиотеке Азиатского департамента. – Санкт-Петербург : Типография Эдуарда Праца, 1843. – 102 с.

113. Кисляков В. Н. Китайские коллекции МАЭ РАН, привезенные членами Российской Духовной миссии в 30–40-е годы XIX в. / В. Н. Кисляков // Кюнеровские чтения (1998–2000) : краткое содержание докладов. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 69–72.

114. Кисляков В. Н. Материалы к описанию экспонатов МАЭ РАН по религиозным воззрениям китайцев. Сведения о собирателях / В. Н. Кисляков // Восточная Азия: Вещи, история коллекций, тексты : сб. МАЭ. – 2009. – Т. 55. – С. 211–253.

115. Кисляков В. Н. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКСВА) и коллекции по Восточной Азии МАЭ РАН / В. Н. Кисляков // Кюнеровский сборник: материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований: этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение, 2011–2012. – Санкт-Петербург, 2013. – Вып. 7. – С. 114–131.

116. Кисляков В. Н. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии и МАЭ / В. Н. Кисляков // Раддовский сборник : научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 70–72.

117. Кисть и калам: 200 лет коллекции Института восточных рукописей : каталог выставки. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. – 360 с. : ил.

118. Китайский лубок из собрания Государственного музея истории религии. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Музея истории религии, 2015. – 93 с. : ил.

119. Кожокар В. А. Взаимодействия коллекционеров и музейных работников северо-востока Казахстана с российскими коллегами на примере Ч. Ч. Валиханова, М. Шорманова и Д. П. Багаева / В. А. Кожокар // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : материалы I Международной научной конференции «Большой Алтай: развитие, интеграция, международное сотрудничество». – 2021. – Т. 2, № 10. – С. 127–133.

120. Колесников А. С. Россия и Восток в протоевразийстве Э. Э. Ухтомского / А. С. Колесников, Ю. Н. Стрижак. – Москва : Русайнс, 2021. – 272 с.

121. Колле Д. Сети вещей. Межкультурный обмен посредством объектов. Вводный доклад в рамках Тиссеновского семинара «Транснациональная история» / Д. Колле // Deutsches Historisches Institut Moscau : [сайт]. – URL: https://www.dhi-moskau.org/fileadmin/user_upload/DHI_Moskau/pdf/Veranstaltungen/2014/Kazan_2014_ColletRUS.pdf (дата обращения: 02.11.2023).

122. Коллекционеры, меценаты, благотворители: Россия, XVIII–XIX вв. / сост. Н. С. Кутейникова. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры, 1996. – 67 с.

123. Колосова Г. И. Дар короля Сиама / Г. И. Колосова // Научная библиотека Томского государственного университета : [сайт]. – URL: http://www.lib.tsu.ru/ru/dar-korolya-siama-0 (дата обращения: 02.11.2023).

124. Канэда Кэндзиро. Орёл на пне (Большой орёл) / Канэда Кэндзиро // Государственный музей Востока : [сайт]. – URL: https://www.orientmuseum.ru/events/2020/orel/index.php (дата обращения: 02.11.2023).

125. Краснодембская Н. Г. О концепции проекта «Созидатели Кунсткамеры» / Н. Г. Краснодембская // Радловские чтения – 2003 : материалы годичной научной сессии МАЭ РАН. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 53–56.

126. Краснодембская Н. Г. Михаил Степанович Андреев и его вклад в индийские коллекции Музея антропологии и этнографии РАН /

Н. Г. Краснодембская, Е. С. Соболева, В. Н. Кисляков. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2018. – 220 с.

127. Крыжановская М. Я. А. П. Базилевский и его коллекция «Памятников становления христианского искусства» / М. Я. Крыжановская // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов : сб. науч. тр. : к XXI Международному конгрессу византинистов, Лондон, 21–26 августа 2006 года. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. – С. 62–72.

128. Кузнецов А. И. Подготовка и воспитание дипломата в Российской империи : дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / А. И. Кузнецов ; науч. рук. Т. В. Зонова ; Дипломатическая академия МИД России. – Москва, 2005. – 218 с.

129. Кузнецов С. О. Сладкое художественное впечатление. Воскресение графа П. С. Строганова, забытого любителя искусств / С. О. Кузнецов // Забытый русский меценат. Собрания графа Павла Сергеевича Строганова : каталог выставки. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 9–35.

130. Куклинова И. А. Новая музеология: современное осмысление концепта / И. А. Куклинова // Вестник Санкт-Петербургского института культуры. – 2020. – № 3 (44). – С. 68–72.

131. Куклинова И. А. Новая музеология в трудах современных исследователей / И. А. Куклинова // Музей. Памятник. Наследие. – 2017. – № 1. – С. 137–145.

132. Куликов В. И. Дипломатический чиновник при генерал-губернаторе в административной системе Российской империи / В. И. Куликов // История российской государственности : доклады Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н. П. Ерошкина. – Москва, 2021. – С. 201–208.

133. Кульганек И. В. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН / И. В. Кульганек, И. Ф. Попова, Н. Д. Путинцева // Mongolica. – 2008. – Т. 8. – С. 31–33.

134. Кунсткамера. Коллекции по культуре и быту народов Южной и Юго-Западной Азии // Основы музейной статистики : [сайт]. – URL: http://musstat.vixpo.nsu.ru/?int=VIEW&el=846&templ=VIEW (дата обращения: 02.11.2023).

135. Курбанов С. О. У истоков российско-корейских отношений: люди и судьбы / С. О. Курбанов // Консул – 2012. – №4 (31). – С. 12–15.

136. Лапис И. А. Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа / И. А. Лапис, М. Э. Матье. – Москва : Наука, 1969. – 242 с. : ил.

137. Лебединская М. Декоративный металл и буддийская пластика Китая и Японии XVII – начала XX века. / М. Лебединская. – Санкт-Петербург : Царское Село, 2019. – 132 с. : ил.

138. Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа / В. Ф. Левинсон-Лессинг. – Ленинград : Искусство, 1985. – 404 с. : ил.

139. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2002. – 769 с.

140. Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.) / Б. В. Лунин. – Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1958. – 320 с.

141. Мазурина В. Н. Восточный фонд: история формирования в довоенный период и проблемы атрибуции / В. Н. Мазурина // Труды Государственного музея истории религии. – 2002. – Вып. 2. – С. 57–62.

142. Малышева М. П. Чингис Валиханов как этнограф, собиратель казахской старины / М. П. Малышева, В. С. Познанский. – Алматы: Білім, 2002. – 136 с.

143. Малышева М. П. Этнографические материалы Чингиса Валиханова / М. П. Малышева, В. С. Познанский // Известия АН КазССР. Серия общественная. – 1990. – № 5 (173). – С. 86–91.

144. Мастеница Е. Н. Миссия музея в ракурсе проблем межкультурной коммуникации / Е. Н. Мастеница // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – Санкт-Петербург, 2010. – Т. 190. – С. 256–262.

145. Мастеница Е. Н. Социальные функции музея в глобальном мире / Е. Н. Мастеница // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – Санкт-Петербург, 2015. – Т. 210. – С. 229–236.

146. Мастеница Е. Н. Феномен музея: опыт музеологической рефлексии / Е. Н. Мастеница // Вопросы музеологии. – 2011. – № 1 (3). – С. 20–30.

147. Матвеева П. А. «Все человечество едино»: В.В. Радлов и МАЭ / П. А. Матвеева. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2014. — 308 с.

148. Махровский О. В. Рождение электросвязи в России / О. В. Махровский // Век качества. – 2003. – № 1. – С. 72–76.

149. Мельниченко Б. Н. Дом Романовых и дом Чакри (Россия и Таиланд в конце XIX-начале XX вв.) / Б. Н. Мельниченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2009. – Вып. 3. – 17–33.

150. Менш П. ван. Значение: функциональная идентичность артефактов / П. ван. Менш // Вопросы музеологии. – 2014. – № 1 (9). – С. 177–192.

151. Менш П. ван. Новые тренды в музеологии / П. ван. Менш, Л. Мейер-ван Менш – Москва : Перспектива, 2021. – 127 с.

152. Меньшиков Л. Н. К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. / Л. Н. Меньшиков // Петербургское востоковедение. – 1993. – Вып. 4. – С. 321–331.

153. Меньшикова М. Л. Дальневосточные дары царскому двору / М. Л. Меньшикова // Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет : каталог выставки. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 51–61.

154. Меньшикова М. Л. Звери из Дуньхуана. Кто они и откуда? / М. Л. Меньшикова // Труды Государственного Эрмитажа. Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина (21.01.1932 – 10.09.1984). – 2021. – Т. 105. – С. 114–119.

155. Меньшикова М. Л. Искусство Китая в коллекциях Половцовых / М. Л. Меньшикова // Наше наследие. – 2006. – № 79–80. – URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7920.php (дата обращения: 11. 04. 2020).

156. Меньшикова М. Л. Китайское искусство в собрании Строгановых / М. Л. Меньшикова // Строгановы. Меценаты и коллекционеры : каталог выставки. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 151–159.

157. Мещерская Е. Н. Фрагменты сирийских рукописей из собрания ИВ РАН / Е. Н. Мещерская // Православный палестинский сборник. – 1998. – Вып. 98 (35). – С. 148–158.

158. Министерство иностранных дел России в 1802-1856 гг. Летопись дипломатической службы // Историко-документальный департамент МИД России : [сайт]. – URL: https://idd.mid.ru/letopis-diplomaticeskoj-sluzby (дата обращения: 02.11.2023).

159. Министерство иностранных дел России в 1856-1917 гг. Летопись дипломатической службы // Историко-документальный департамент МИД России : [сайт]. – URL: https://idd.mid.ru/letopis-diplomaticeskoj-sluzby (дата обращения: 02.11.2023).

160. Морозова Е. В. Музейная политика: содержательный аспект понятия / Е. В. Морозова // Вестник Санкт-Петербургского института культуры. – 2016. – № 1 (26). – С. 97–99.

161. Музейный предмет // Российская музейная энциклопедия: [сайт]. – URL: http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?7 (дата обращения: 02.11.2023).

162. Мусина М. Ш. Чокан Валиханов в Санкт-Петербурге / М. Ш. Мусина – Санкт-Петербург : Серебряный век, 2009. – 67 с. : ил.

163. Мусульманские коллекции МАЭ РАН // Кунсткамера : [сайт]. – URL: https://www.kunstkamera.ru/museums_structure/research_departments/islam/musulmanskie_kollekcii_mae_ran (дата обращения: 02.11.2023).

164. Мушкетов И. В. Чокан Валиханов и его геологическая коллекция / И. В. Мушкетов // Собрание сочинений в пяти томах / Ч. Ч. Валиханов. – Алма-Ата, 1984. – Т. 1. – С. 86.

165. Назирова Н. Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении / Н. Н. Назирова – Москва : Наука, 1992. – 191 с.

166. Назирова Н. Н. Центральная Азия в дореволюционном русском востоковедении (деятельность Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09 / Н. Н. Назирова ; науч. рук. Б. А. Литвинский ; Институт востоковедения АН СССР. – Москва, 1984. – 211 с.

167. Назирова Н. Н. Экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и Западный Китай (обзор архивных материалов) / Н. Н. Назирова // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / под ред. Б.А. Литвинского. – Москва, 1986. – С. 24–34.

168. Неверов О. Я. Коллекция Д. П. Татищева / О. Я. Неверов // Николай I и Новый Эрмитаж : каталог выставки, 19 февр. – 12 мая 2002 г., Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 56–59.

169. Неверов О. Я. Эрмитаж. Собрания и собиратели : альбом / О. Я. Неверов, М. Б. Пиотровский. – Санкт-Петербург : Славия, 1997. – 242 с. : ил.

170. Нестерова Е. В. Новое о коллекции китайских рисунков З. Ф. Леонтьевского. Вопросы атрибуции / Е. В. Нестерова // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН : доклады и сообщения. – Санкт-Петербург, 1989. – Ч. 1. – С. 49–54.

171. Нестерова Е. В. Российская Духовная Миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства (новые архивные материалы) / Е. В. Нестерова // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае / отв. ред. М. Н. Боголюбов. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 127–133.

172. Николай I и Новый Эрмитаж : каталог выставки, 19 февр. – 12 мая 2002 г., Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – 184 с. : ил.

173. Никонова А. А. Медиация, интерпретация, творчество: границы трансформации музейного пространства / А. А. Никонова // Вестник СПбГУ. Сер. 17. – 2015. – Вып. 2. – С. 73–78.

174. Ольденбург С. Ф. Искусство в пустыне / С. Ф. Ольденбург // 30 дней. – 1925. – № 1. – С. 47–52.

175. Ольденбург С. Ф. Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана / С. Ф. Ольденбург // Журнал Министерства народного просвещения. –1904. – Ч. 353, № 6., отд. 2. – С. 366–397.

176. Ольденбург С. Ф. Кульджинские буддийские терракотовые пластинки собрания Н. Н. Кроткова / С. Ф. Ольденбург // Известия Императорской Академии наук. – 1909. – С. 563–566.

177. Ольденбург С. Ф. О научном значении коллекции Н.Ф. Петровского / С. Ф. Ольденбург // Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества. – 1909. – Т. 19. – С. XXV–XXVIII.

178. Ольденбург С. Ф. Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837–1908 / С. Ф. Ольденбург // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. –1912. – Т. 20, вып. 1. – С. 1–8.

179. Ольденбург С. Ф. Пещеры тысячи Будд / С. Ф. Ольденбург // Восток : журнал литературы, науки и искусства. – 1922. – Кн. 1. – С. 57–66.

180. Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг. Краткий предварительный отчет с 53 таблицами, 1 планом вне текста и 73 рисунками и планами в тексте по фотографиям и рисункам художника С.М. Дудина и планами инженера Д. А. Смирнова. / С. Ф. Ольденбург – Санкт-Петербург : Изд. Имп. АН, 1914. – 88 с.

181. Основы музееведения : учеб. пособие. / отв. ред. Э. А. Шулепова. – Москва : Либроком, 2015. – 432 с.

182. Очерк истории Министерства иностранных дел: 1802–1902. – Санкт-Петербург : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1902. – 206, 34 с., 26 л. ил. : ил.

183. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. I. / отв. ред. А. Н. Сахаров – Москва : ОЛМА Пресс, 2002. – 606 с. : ил.

184. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 1. – Москва : АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т востоковедения, 1985. – 285 с.

185. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2. / отв. ред. Э. Н. Темкин. – Москва: АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т востоковедения, 1990. – 439 с.

186. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. – Москва : Наука, 2004. – 533 с.

187. Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в Государственном Эрмитаже : в 6 т. – Шанхай : Древняя книга, 1997–2002. – 6 т.

188. Петровский Н. Ф. Туркестанкие письма / Н. Ф. Петровский ; отв. ред. В. С. Мясников, сост. В. Г. Бухерт – Москва : Памятники исторической мысли, 2010. – 358 с.

189. Пещеры тысячи будд. Российские экспедиции на Шёлковом пути. К 190-летию Азиатского музея : каталог выставки. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. – 480 с. : ил.

190. Пименова К. В. Сакральные предметы и трансформации музейной этики: истоки, проблемы, решения / К. В. Пименова // Новые исследования Тувы. – 2019. – № 2. – С. 115–127.

191. Пиотровский М. Б. Музей в диалоге цивилизаций / М. Б. Пиотровский // Цивилизация: вызовы современности / ред. М. С. Уваров – Санкт-Петербург, 2009. – С. 113–118.

192. Пиотровский М. Б. Сверхмузей в эпоху крушения империи: Музей как фактор эволюции : актовая лекция директора Государственного Эрмитажа Пиотровского Михаила Борисовича, прочитанная 23 сентября 1996 года. / М. Б. Пиотровский. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУП, 1996. – 32 с.

193. Полянская О. Н. Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии / О. Н. Полянская //

Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2013. – № 7. – С. 123–130.

194. Помян К. Коллекционеры, любители и собиратели. Париж, Венеция: XVI-XVIII века / К. Помян. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. – 400 с.

195. Попова И. Ф. Дуньхуанский фонд Института восточных рукописей РАН (Азиатского Музея) / И. Ф. Попова // Институт восточных рукописей (Санкт-Петербург) : [сайт] – URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/templates/dunhuangica/index.html (дата обращения: 02.11.2023).

196. Попова И. Ф. Заседание Круглого стола «Состояние и перспективы развития российского востоковедения». Открытие выставки «Хранители культурного кода. Российское востоковедение в лицах» / И. Ф. Попова // Письменные памятники Востока. – 2020. – Т. 17, № 2 (вып. 41). – С. 117–130.

197. Попова И. Ф. О коллекциях и выставке / И. Ф. Попова, К. Ф. Самосюк // Пещеры тысячи будд. Российские экспедиции на Шелковом пути : к 190-летию Азиатского музея : каталог выставки. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 12–13.

198. Постарнак М. В. Нумизматические дары / М. В. Постарнак // Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет : каталог выставки. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 77–81.

199. Прищепова В. А. К 150-летию со дня рождения С.М. Дудина – художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН) / В. А. Прищепова // Антропологический форум-online. – 2011. – № 15. – С. 608–649.

200. Прищепова В. А. Коллекции заговорили: история формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану: 1870–1940. / В. А. Прищепова. – Санкт-Петербург : Петербургкомстат, 2000. – 269, [3] с.

201. Протоколы заседаний Восточного отделения Императорского Русского археологического общества // Записки Восточного отделения

Императорского Русского археологического общества. – 1899. – Т. 11. – С. I-XIII.

202. Протомузейные формы // Российская музейная энциклопедия : [сайт]. – URL: http://www.museum.ru/rme/imd_protomus.asp?2 (дата обращения: 02.11.2023)

203. Пятницкий Ю. А. Кипрская икона «Святого Маманта»: путешествие из Александрии в Санкт-Петербург / Ю. А. Пятницкий // 200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской империи : материалы Всероссийской научной конференции. Государственный Эрмитаж. 3–4 октября 2019 г. / под ред. С. Ю. Житенёва, К. А. Ваха. – Москва, 2019. – С. 79–101.

204. Разгон А. М. Научное описание музейных предметов / А. М. Разгон – Москва : Госкультпросветиздат, 1954. – 56 с.

205. Разгон А. М. Общетеоретические вопросы музееведения в научной литературе социалистических стран / А. М. Разгон // Музейное дело и охрана памятников: обзор, информация. – Москва : Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1984. – Вып. 1. – С. 2–39.

206. Раппе Т. В. Дипломатия в предметах / Т. В. Раппе // Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет : каталог выставки. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 11–17.

207. Резван Е. А. Коллекции дипломатов в собрании Петербургской Кунсткамеры / Е. А. Резван // 200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской империи : материалы Всероссийской научной конференции. Государственный Эрмитаж, 3–4 октября 2019 г. / под ред. С. Ю. Житенёва, К. А. Ваха. – Москва, 2019. – С. 69–79.

208. Рейтблат А. И. «Ориентализм» и русский ориентализм (Обзор книг по ориентализму в русских востоковедении и литературе) / А. И. Рейтблат //

Новое литературное обозрение. – 2020. – № 161. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21990/#_ftnref2 (дата обращения: 02.11.2023).

209. Решетов А. М. Значение трудов членов Российской духовной миссии в Пекине для этнографии / А. М. Решетов // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае : сб. ст. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 106–118.

210. Российский посланник в Корее: Карл Вебер и его коллекции : каталог выставки / отв. ред. А. В. Головнёв. Сост. Ю. С. Конькова, П. В. Рудь. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2020. – 160 с. : ил.

211. Рудь П. В. Альбомы китайских акварелей конца XIX-начала XX в. в собрании Музея антропологии и этнографии РАН (предварительные сведения) / П. В. Рудь // Кюнеровский сборник : материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение, 2008–2010. – Санкт-Петербург, 2010. – Вып. 6. – С. 286–289.

212. Рудь П. В. Собрание М. В. Ладыженского и Российская духовная миссия в Пекине / П. В. Рудь // Воображаемый Восток: Китай «по-русски». XVIII – начало XX века / авт.-сост. О. А. Соснина. – Москва, 2016. – С. 164–165.

213. Саверкина И. В. История частного коллекционирования в России: учеб. пособие / И.В. Саверкина. – Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2006. – 207 с.

214. Самосюк К. Ф. «Золотой мальчик» из росписи «Осада Кушинагары». Датировки и возможные интерпретации сюжета / К. Ф. Самосюк // Труды Государственного Эрмитажа. Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина (21.01.1932 – 10.09.1984). – 2021. – Т. 105. – С. 120–125.

215. Сафронова Ю. Историческая память. Введение: учебное пособие / Ю. Сафронова. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – 220 с.

216. Свиридов А. А. Коллекция Захара Федоровича Леонтьевского в собрании МАЭ РАН / А. А. Свиридов // Кюнеровские чтения (1995–1997 гг.) : краткое содержание докладов. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 33–35.

217. Свойства музейного предмета. Российская музейная энциклопедия : [сайт]. – URL: http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?137 (дата обращения: 02.11.2023).

218. Систематизация музеев. Российская музейная энциклопедия : [сайт]. – URL: http://www.museum.ru/rme/sci_ist.asp (дата обращения: 02.11.2023).

219. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения / П. Е. Скачков. – Москва : Наука, 1977. – 505 с.

220. Скачков П. Е. Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. / П. Е. Скачков // Петербургское востоковедение. – 1993. – Вып. 4. – С. 313–320.

221. Словарь актуальных музейных терминов / ред. Л. С. Глебова, М. Н. Тимофейчук // Музей. – 2009. – № 5. – С. 47–68.

222. Смелова Е. З. Функциональные особенности дарения советским политическим лидерам: культурологические аспекты / Е. З. Смелова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 5 (49). – С. 90–93.

223. Собиратели // Российский этнографический музей : [сайт]. – URL: https://ethnomuseum.ru/collections/projects/collectors/ (дата обращения: 02.11.2023).

224. Соболева Е. С. В. В. Радлов и система транспортировки в МАЭ (конец XIX – начало XX в.) / Е. С. Соболева // Primus inter pares (к 175-летию со дня рождения В.В. Радлова) / отв. ред.: П. А. Матвеева, Е. А. Резван – Санкт-Петербург, 2015. – С. 155–184.

225. Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата, 1893–1922. / Ю. Я. Соловьев – Москва : Соцэкгиз, 1959. – 413 с.

226. Сундиева А. А. Музейный мир России: к обоснованию понятия / А. А. Сундиева // Вопросы музеологии. – 2013. – № 1 (7). – С. 3–11.

227. Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции /
Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе. – Москва : РОССПЭН, 2019. – 285 с.

228. Тихонов Д. И. Сокровища Азиатского музея и их собиратели (исторический очерк) / Д. И. Тихонов // Сборник МАЭ. – 1973. – Т. 29. – С. 4–33.

229. Тихонов И. Л. Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г. Е. Кизерицкий / Д. И. Тихонов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. – 2012. – Вып. 11. – С. 419–438.

230. Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / В. Тольц. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – 336 с.

231. Тункина И. В. Документы по изучению С. Ф. Ольденбургом Восточного Туркестана в архиве Российской Академии наук / И. В. Тункина // С. Ф. Ольденбург – ученый и организатор науки / отв. ред. И.Ф. Попова. – Москва, 2016. – С. 313–347.

232. Тункина И. В. Н. Ф. Петровский как собиратель древних памятников письменности в Восточном Туркестане (по материалам писем В. Р. Розену и С. Ф. Ольденбургу) / И. В. Тункина // Восток-Запад: историко-литературный альманах: 2011–2012. – Москва, 2013. – С. 105–125.

233. Тункина И. В. Неизданное научное наследие С.Ф. Ольденбурга / И. В. Тункина // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. – Санкт-Петербург, 2015. – 2014. – С. 19–33.

234. Тункина И. В. О судьбе неопубликованного научного наследия С.Ф. Ольденбурга (к 150-летию со дня рождения С.Ф. Ольденбурга) / И. В. Тункина // Наука и техника: Вопросы истории и теории : материалы XXXIV Международной годичной конференции Санкт-Петербургского Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (25–25 ноября 2013 г.). – 2013. – Вып. 29. – С. 55–61.

235. Тункина И. В. Неизданное научное наследие академика С. Ф. Ольденбурга (к 100-летию завершения работ Русских Туркестанских экспедиций) / И. В. Тункина, М. Д. Бухарин // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. – 2017. – Т. 6. – С. 491–514.

236. Тункина И. В. Русские Туркестанские экспедиции в письмах С. М. Дудина С. Ф. Ольденбургу из собрания Санкт-петербургского филиала Архива РАН / И. В. Тункина, М. Д. Бухарин // Восток (Oriens). – 2015. – № 3. – С. 107–128.

237. Тынянов Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Время, 2018. – 512 с.

238. Харитонова А. М. Сиам глазами русского дипломата (по дневниковым записям Г. А. Плансона) / А. М. Харитонова // Ученые записки Петрозаводского Государственного Университета. – 2020. – Т. 42, № 4. – С. 27–33.

239. Харрис Д. «Наша печаль, наше хрупкое мужество»: музеефикация и Новая музеология / Д. Харрис // Вопросы музеологии. – 2011. – № 1(3). – С. 31–41.

240. Хохлов А. Н. Китаист М. Г. Оводов и его пекинская коллекция / А. Н. Хохлов // Общество и государство в Китае. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 413–423.

241. Хохлов А. Н. П. А. Дмитриевский – Российский дипломат и востоковед / А. Н. Хохлов // Корё Сарам. Записки о корейцах : [сайт]. – URL: https://koryo-saram.site/p-a-dmitrievskij-rossijskij-diplomat-i-vostokoved/ (дата обращения: 02.11.2023).

242. Хохлов А. Н. П. И. Кафаров: жизнь и научная деятельность (Краткий биографический очерк) / А. Н. Хохлов // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти) : материалы конф. / отв. ред. и сост. А.Н. Хохлов. – Москва, 1979. – Ч. 1. – С. 32–37.

243. Цешинская Е. А. Экспортные китайские миниатюры (тунцао чжи) из собрания Рыбинского музея-заповедника / Е. А. Цешинская // Общество и государство в Китае: XXXLII научная конференция : к 100-летию со дня рождения Л. И. Думана / отв. ред. и сост. С. И. Блюмхен. – Москва, 2007. – С. 211–240.

244. Чертилина М. А. «Альбом фотографий экспонатов антикварных предметов, привезённых наследником цесаревичем Николаем Александровичем из путешествия на Восток в 1890–1891 гг.»: источниковедческое и архивоведческое исследование / М. А. Чертилина // Вестник архивиста. – 2017. – № 4. – С. 63–87.

245. Чиркин С. В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата / С. В. Чиркин. – Москва : Русский путь, 2006. – 366 с.

246. Чугуевский Л. И. Шиллинг Павел Львович [Обозрение фонда № 56 Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН]. Вступление и публикация И. Ф. Поповой / Л. И. Чугуевский // Письменные памятники Востока. – 2006. – № 1 (4). – С. 249–263.

247. Чумакова Т. В. Музей истории религии АН СССР в начале 1930-х гг. / Т. В. Чумакова // Труды Государственного музея истории религии. – 2007. – Вып. 6–7. – С. 9–20.

248. Шахнович М. М. Музей истории религии Академии наук СССР и российское религиоведение / М. М. Шахнович, Т. В. Чумакова. – Санкт-Петербург : Наука, 2014. – 458 с.

249. Шляхтина Л. М. Социальные практики современного музея: границы доступности / Л. М. Шляхтина // Вопросы музеологии. – 2014. – № 2 (10). – С. 10–15.

250. Шубина С. А. Захар Федорович Леонтьевский (1799–1874) / С. А. Шубина // Православие на Дальнем Востоке. – 2001. – Вып. 3. – С. 99–112.

251. Шубина С.А. Научное наследие Захара Федоровича Леонтьевского / С. А. Шубина // Восточная коллекция. – 2000. – № 2 (9). – С. 130–133.

252. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.

253. Юренева Т. Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы / Т. Ю. Юренева. – Москва : Академический проект, 2004. – 560 с.

254. Якубовский А. Ю. К двадцатилетию Отдела Востока Государственного Эрмитажа / А. Ю. Якубовский // Труды Отдела Востока. – 1940. – Т. 3. – С. 5–26.

255. Яроцкий А. В. О деятельности П. Л. Шиллинга как востоковеда / А. В. Яроцкий // Очерки по истории русского востоковедения. – Москва, 1963. – Сб. 6. – С. 221–253.

256. Яроцкий А. В. Павел Львович Шиллинг (изобретатель электромагнитного телеграфа), 1786–1837. / А. В. Яроцкий. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 184 с.

257. Assman J. Communicative and Cultural Memory / J. Assman // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erll, A. Nünning. – Berlin; New York: De Gruyter. – P. 109–119.

258. Bergeron Y. Introduction / Y. Bergeron, M. Rivet // Decolonising Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin / ed. by Y. Bergeron, M. Rivet. – Paris, 2021. – P. 10–18.

259. Byrne S. Networks, Agents and Objects: Frameworks for Unpacking Museum Collections / S. Byrne, A. Clarke, R. Harrison, R. Tottence // Unpacking the Collection. Networks of Material and Social Agency in the Museum / ed. by S. Byrne, A. Clarke, R. Harrison, R. Tottence. – New York, London : Springer, 2011. – P. 3–28.

260. Collections Scièntifiques de l’Institut des langues orientales du Ministère des Affaires Étrangères. Vol. 1-8. – St.Pétersbourg : Académie Impériale des Sciences, 1881–1897.

261. Collections Scièntifiques de l’Institut des langues orientales du Ministère des Affaires Étrangères. Vol. 1. Manuscrits Arabes. – Saint-Pétersbourg, 1877. – 217 p.

262. Darcel A. Collection Basilewsky. Catalogue raisonné précédé d'un essai sur les arts industriels du I-er au XVI-e siècle / A. Darcel, A. Basilewsky. – Paris : Vve A. Morel et cie, 1874. – 2 p. ℓ., iv, 122 p., 1 ℓ., 200, [2] p.

263. Dorn B. Inventaire des Monnaies des Khalifes Orientaux et de plusieurs autres dynasties / B. Dorn // Collections Scièntifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires étrangères. – 1877. – Vol. 2. – 232 p.

264. Dorset C. Things and theories. The unstable presence of exhibited objects / C. Dorset // The Thing about Museum. Objects and Experience, Representation and Contestation / ed. S. Dudley. – London : Routledge, 2017. – P. 97–113.

265. Eaton N. Between Mimesis and Alterity: Art, Gift, and Diplomacy in Colonial India, 1770-1800 / N. Eaton // Comparative Studies in Society and History. – 2004. – Vol. 46, №. 4. – P. 816–844.

266. Gelmini de Faria A. C. A Cultural Heritage between two forces: Who shall preserve the Parthenon Marbles? / A. C. Gelmini de Faria, K. T. A. Pires // Decolonising Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin / ed. by Y. Bergeron., M. Rivet. – Paris, 2021. – P. 115–120.

267. Günzburg D. Les Manuscrits Arabes non compris dans le № 1, Karchounis, Grecs, Coptes, Éthiopies, Arméniens, Géorgiens et Babys de l'Institut des langues orientales / D. Günzburg, V. Rosen, B. Dorn // Collections Scièntifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires étrangères. –1891. – Vol. 6. – 271 p.

268. Hodder I. The contextual analysis of symbolic meanings / I. Hodder // Interpreting Museum and Collections / ed. Pearce, S. – London ; New York, 2003. – P. 12–13.

269. Hooper-Greenhill E. Museums and the Shaping of Knowledge / E. Hooper-Greenhill. –Taylor & Francis e-Library, 2003. – 232 p.

270. Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism / A. Khalid // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History (New Series). – 2000. – Vol. 1, № 4. – P. 691–699.

271. Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? / N. Knight // Slavic Review. – 2000. – Vol. 59, № 1. – P. 74–100.

272. Knight N. On Russian orientalism: A response to Adeeb Khalid / N. Knight // Kritika. –2000. – Vol. 1, № 4. – P. 701–715.

273. Markoff A. Catalogue des monnaies Arsacides, Subarsacides, Sassanides, Dabweihides / A. Markoff // Collections Scièntifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires étrangères. – 1889. – Vol. 5. – P. 1–182.

274. Markoff A. Registre Général des monnais orientales / A. Markoff // Collections Scièntifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires étrangères. – 1891. – Vol. 7. – P. 7–48.

275. Marstine J. The contingent nature of the new museum ethics / J. Marstine // The Routledge Companion to Museum Ethics: Redefining Ethics for the Twenty-First Century Museum / ed. by J. Marstine – Routledge, 2012. – P. 3–26.

276. Pearce S. Museums, Objects, and Collections: A Cultural Study / S. Pearce. – Smithsonian Institution, 2017. – 312 p.

277. Pearce S. Objects as meaning; or narrating the past / S. Pearce // Interpreting Museum and Collections / Ed. Pearce, S. – London ; New York, 2003. – P. 19–30.

278. Pearce S. On Collecting: An Investigation into Collecting in the European Tradition / S. Pearce. – Routledge, 2013. – 456 p.

279. Pearce S. Thinking about things / S. Pearce // Interpreting Museum and Collections / Ed. Pearce, S. – London ; New York, 2003. – P. 125–133.

280. Pitt Rivers Museum : [сайт]. – URL: https://www.prm.ox.ac.uk/ (дата обращения: 02.11.2023).

281. Rassool C. Museum labels and coloniality / C. Rassool // Words matter: an unfinished guide to word choices in the cultural sector / ed. W. Modest, R. Lelijveld. – Tropenmuseum, 2018. – P. 21–24.

282. Rosen V. Manuscrits Arabes de l'Institut des langues orientales / V. Rosen // Collections Scièntifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires étrangères. – 1877. – Vol. 1. – P. 1–268.

283. Steward S. Objects of desire / S. Steward // Interpreting Museum and Collections / Ed. Pearce, S. – London ; New York, 2003. – P. 254–258.

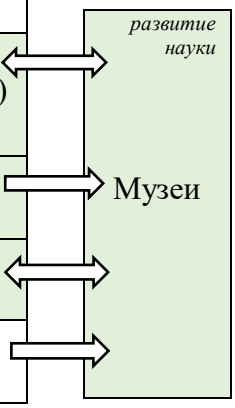
284. Todorova M. Does Russian orientalism have a Russian soul? A contribution to the debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid / M. Todorova // Kritika. – 2000. – Vol. 1, № 4. – P. 717–727.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А.

Схема «Взаимодействие Министерства иностранных дел Российской империи и музеев Санкт-Петербурга»

Роль МИДа в формировании коллекции	Уровень формирования коллекции (номер)	Уровень формирования коллекции (название)	Тип коллекции
Прямая	1	личный	Частные (дипломатические) коллекции
Прямая	2	ведомственный	Ведомственные коллекции МИДа
Косвенная	3	государственный	Находки экспедиций
Косвенная	3	государственный	Дипломатические дары



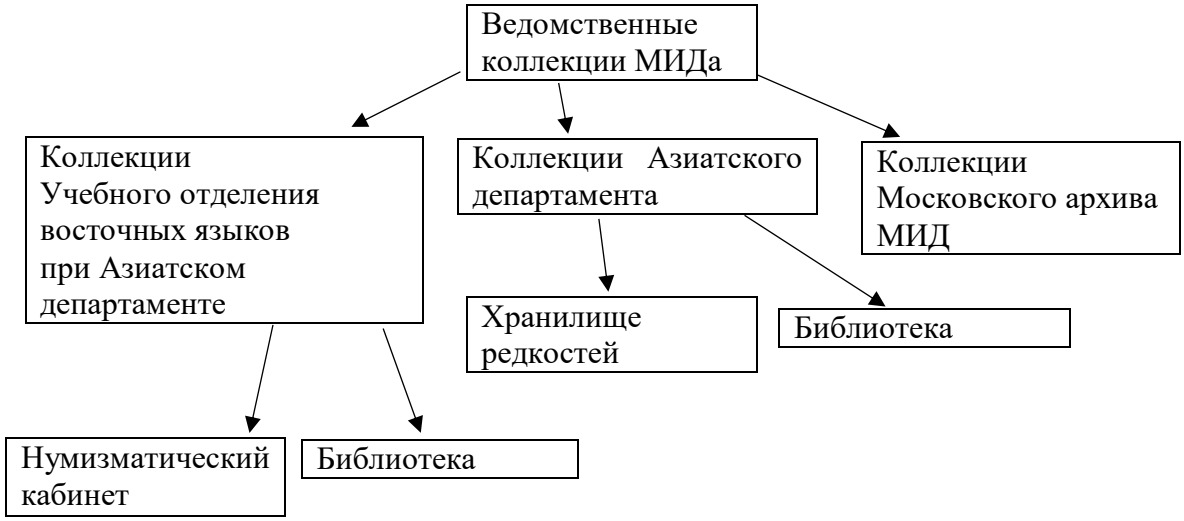
Условные обозначения

⇒ Поступление коллекций в музеи

⇔ Поступление коллекций в музеи и наличие запроса от музеев

Приложение Б.

Схема «Структура ведомственных коллекций Министерства иностранных дел Российской империи»



Приложение В.

Таблица «Служащие дипломатических представительств – составители коллекций восточных памятников»

Ф.И.О. Годы жизни	**Занимаемые должности в МИДе (только Азиатский департамент)**	**Характер коллекции**	**Регион происхождения памятников в коллекции**	**Наличие частного музея**	**Передача коллекции в музеи**
Адамов Александр Алексеевич 1870-1938	Консул в Басре, Багдаде, Кермане Генеральный консул в Турции (Эрзурум, 1912-1917)	Предметы быта, произведения искусства	Ирак	Нет	При жизни коллекционера
Андреев Михаил Степанович 1873–1948	Секретарь консульства в Бомбее (1905-1907) Исполняющий обязанности российского консула во французских колониях в Индии и в Индокитае (1911-1914)	Культовые предметы, предметы быта, произведения искусства, рукописи образцы архитектуры	Индия Туркестанский край	Нет	При жизни коллекционера
Аничков Николай Адрианович 1809-1892	Служащий Азиатского департамента (с 1834) Генеральный консул в Тебризе (с 1838) Полномочный посланник в Персии (с 1856)	Рукописи	Ближний Восток	Нет	При жизни коллекционера
Базилевский Александр Петрович 1829-1899	В Азиатском департаменте не служил. Сотрудник сверх штата при русском посольстве в Вене (1861-1863)	Прикладное искусство	Наряду с европейскими и византийскими памятниками — коптские, сирийские и армянские памятники	Да	При жизни коллекционера
Бакулин	Секретарь и	Рукописи,	Ближний Восток	Нет	При жизни

Фёдор Абрамович 1846-1879	драгоман консульств в Астрабаде и Тавризе Исполняющий должность консула в Астрабаде (1870-1873) Генеральный консул в Астрабаде (с 1873)	монеты			коллекционера; передано наследниками Передавал предметы в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте
Батюшков Георгий Дмитриевич 1866-1923	Генеральный консул в Бейруте (1912-1914)	Рукописи	Ближний Восток	Нет	При жизни коллекционера: передавал предметы в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте
Беляев Дмитрий Дмитриевич 1882-1960	Консул в Кермане (с 1906) Консул в Джедде (1908-1909) Секретарь генерального консульства в Тегеране (с 1910) Сотрудник консульства в Эрзеруме (с 1912)	Предметы быта	Ближний Восток	Нет	При жизни коллекционера
Безобразов Валериан Владимирович 1834-?	Генеральный консул в Тавризе	Рукописи	Ближний Восток	Нет	При жизни коллекционера: передавал предметы в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте
Бельченко Андрей Терентьевич 1873-1958	И. о. консула в Фучжоу (1901-1902) Консул в Ханькоу (1902-1903) Переводчик дипломатической миссии в Китае (1903-1906) Консул в Маньчжурии (1906-1910) Консул в Фучжоу (1910-1912) Консул в Кантоне (1912-1914) Генеральный	Предметы быта, акварели	Китай	Нет	При жизни коллекционера

	консул в Ханькоу (1915-1920)				
Боде Клементий Карлович 1777-1846	Первый секретарь миссии в Тегеране	Рукописи	Ближний Восток	Нет	При жизни коллекционера
Бутенев Аполлинарий Петрович 1787-1866	Посол в Константинополе (1829-1843, 1856-1858)	Рукописи	Ближний Восток	Нет	При жизни коллекционера
Бюцов Евгений Карлович 1837-1904	Служба в дипломатических и консульских представительствах в Китае и Японии (1862-73) Посланник в Цинской империи (1873-83) Посланник в Иране (1889-97)	Произведения искусства	Китай	Нет	При жизни коллекционера
Валиханов Чокан Чингисович 1835-1865	Разведывательная поездка в Восточный Туркестан по заданию Министерства иностранных дел (1858-1859) Служащий Азиатского департамента	Нумизматика, рукописи, геологическая коллекция	Восточный Туркестан (Цинская империя)	Нет	?
Вебер Карл Иванович (Карл Фридрих Теодор фон Вебер) 1841-1910	Генеральный консул в Корее (1885-1897)	Предметы быта, археологические предметы	Корея	Нет	При жизни коллекционера
Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович 1830-1904	Переводчик Азиатского департамента (с 1851)	Нумизматика, посуда, оружие	Средняя Азия	Нет	При жизни коллекционера; передано наследниками
Дмитриевский Павел Андреевич 1851-1899	Российский поверенный в делах в Корее Генеральный консул в Сеуле (1891-1895) и Шанхае (1896-1898)	Памятники письменности	Корея, Япония, Китай	Нет	При жизни коллекционера
Дьяков Алексей Алексеевич 1876-?	Драгоман и секретарь консульств в Кульдже	Рукописи, предметы быта (одежда)	Оазисы Восточного Туркестана	Нет	При жизни коллекционера

	(1902-1912), Урумчи (1916-1917)				
Гирс Николай Карлович 1820-1895	Генеральный консул в Египте (1856-1858) Чрезвычайный посланник в Тегеране (1863-1868) Управляющий Азиатским департаментом и товарищ министра иностранных дел (1875-1882) Министр иностранных дел (1882-1895)	Мелкая пластика (Древнеегипетское искусство)	Египет	Нет	При жизни коллекционера
Григорович Иван Григорьевич 1868-1871	Первый драгоман миссии в Тегеране	Рукописи	Ближний Восток	Нет	При жизни коллекционера: передавал предметы в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте
Гусев В. В. ?-1869	Консул в Астрабаде	Рукописи	Ближний Восток	Нет	При жизни коллекционера
Жаба Август Дементьевич 1801-1894	Драгоман в консульствах в Яффе, Салониках, Смирне Консул в Эрзеруме (с 1848) Генеральный консул в Смирне и Тебризе	Рукописи	Ближний Восток	Нет	При жизни коллекционера
Иванов Федор Архипович ?	Генеральный консул в Смирне	Рукописи, нумизматика	Ближний Восток	Нет	При жизни коллекционера
Игнатьев Владимир Иванович 1853-1902	Секретарь и драгоман консульства в Астрабаде	Рукописи	Ближний Восток	Нет	При жизни коллекционера: передавал предметы в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте
Калмыков	Служащий	Рукописи	Средняя Азия	Нет	При жизни

Андрей Дмитриевич 1870-1941	Азиатского департамента (с 1893) Сотрудник дипломатических представительств в Персии (с 1895) Секретарь миссии, временный поверенный в делах в Бангкоке, (1898-1900) Дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе (1906-1912) Консул и Генеральный консул в Турции (с 1912)				коллекционера
Колоколов Сергей Александро-вич 1868-1921	Секретарь консульства в Кашгаре (1896-1901) Генеральный консул в Кашгаре (1904-1909)	Археологи-ческие предметы, рукописи	Оазисы Восточного Туркестана	Нет	При жизни коллекционера
Коханов-ский Александр Иванович ?	Врач консульства в Урумчи (1906-1908)	Археологи-ческие предметы, рукописи; Предметы быта, живопись, памятники письменности	Оазисы Восточного Туркестана; Эфиопия	Нет	При жизни коллекционера
Кротков Николай Николаевич 1869-1919	Консул в Урумчи (до 1911) Секретарь консульств в Гринине, Цицикаре и Кульдже Драгоман консульства в Кульдже	Рукописи, археологи-ческие предметы, скульптура	Оазисы Восточного Туркестана	Нет	При жизни коллекционера
Лавров Михаил Иванович 1877-после 1952	Секретарь консульства в Кашгаре (1902-1906) Вице-консул в Харбине (1907) Вице-консул (1910) и консул в Кванчене (1912-1916)	Рукописи	Оазисы Восточного Туркестана	Нет	При жизни коллекционера
Ладыжен-	Пристав 10-й	Предметы	Китай	Нет	При жизни

ский Михаил Васильевич 1802-1875	Русской духовной миссии в Пекине (1821-1830)	быта, культовые предметы, произведения искусства			коллекционера
Левицкий А. Д. ?	Секретарь и драгоман консульства в Астрабаде	Рукописи	Ближний Восток		При жизни коллекционера: передавал предметы в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте
Леонтьев-ский Захар Федорович 1799-1874	Член 10-й духовной миссии в Пекин (1820-1831) Переводчик Азиатского департамента (1832-1866)	Акварели, рукописи, книги, географи-ческие карты, предметы быта	Китай	Да	При жизни коллекционера
Любимов Николай Иванович 1808-1875	Служащий Азиатского департамента (с 1828) Пристав 12-й Русской духовной миссии в Пекине (1840-1849) Вице-директор Азиатского департамента Директор Азиатского департамента (с 1852)	Предметы быта, культовые предметы	Китай	Нет	При жизни коллекционера; передавал предметы в хранение Азиатского департамента
Лютш Яков Яковлевич 1854-?	Секретарь консульства в Кашгаре (1896-1901) Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1899-1902) Политический агент в Бухаре (1902-1911) Генеральный консул в Сеуле (1911-1921)	Рукописи, археологическ ие предметы	Оазисы Восточного Туркестана	Нет	При жизни коллекционера
Матюнин Николай Гаврилович 1849-1907	Поверенный в делах в Корее (1897-1898)	Предметы быта, оружие	Корея, Китай, Япония	Нет	При жизни коллекционера (?)
Некрасов Владимир	Драгоман Генерального	Произведения искусства,	Индия	Нет	При жизни коллекционера

Иванович 1873-1923	консульства в Тавризе (1901) Секретарь Генерального консульства в Бомбее (1903) Консул в Бомбее (с 1904) Исполняющий обязанности консула в Секстане (1909) Консул в Реште (1910-1913) Консул в Исфагане (1913)	предметы быта			
Оводов Михаил Григорьевич (о. Иларион) 1827-1857	Член 13-й Русской духовной миссии в Пекин (1850-1858)	Культовые предметы, скульптура, предметы быта, одежда	Китай	Нет	Передано наследниками в хранение Азиатского департамента
Орлов А. П. ?	Секретарь и драгоман политического агентства в Бухаре	Рукописи	Ближний Восток	Нет	При жизни коллекционера: передавал предметы в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте
Петровский Николай Федорович 1837-1908	Консул в Кашгаре (1882-1886) Генеральный консул в Кашгаре (1886-1902)	Рукописи, археологи-ческие предметы	Оазисы Восточного Туркестана	Нет	При жизни коллекционера; передано наследниками
Плансон Георгий Антонович 1852-1937	Служащий Азиатского департамента (с 1888) Дипломатические посты в Китае (1902-1905) Генеральный консул в Сеуле (1906-1908) Заведующий Дальневосточным отделом Первого департамента (1908–1909) Поверенный в делах и генеральный консул в Бангкоке (1910-1916)	Скульптура, культовые предметы	Сиам, Индия	Нет	Нет

Соков Сергей Васильевич ?	Консул в Кашгаре (1909-1914), (с 1910 — Генеральный консул) Консул в Урумчи	Рукописи	Оазисы Восточного Туркестана	Нет	При жизни коллекционера
Строганов Павел Сергеевич 1823-1911	В Азиатском департаменте не служил	Предметы декоративно-прикладного искусства	Китай, Япония	Нет	Нет (восточная часть коллекции)
Татищев Дмитрий Павлович 1767-1845	В Азиатском департаменте не служил	Посуда	Китай	Нет	При жизни коллекционера
Шиллинг фон Канштадт Павел Львович 1786-1837	Служащий Азиатского департамента (с 1819) Руководитель научной экспедиции к границам Китая (1830-1832)	Памятники письменности, предметы быта, культовые предметы	Восточная Сибирь Центральная Азия Дальний Восток	Да	При жизни коллекционера; передано наследниками

Приложение Г.

Именной указатель

А

Аббас-мирза (1789-1833) – принц династии Каджаров, государственный деятель, наместник в Азербайджане

Адамов Александр Алексеевич (1870-1938) – историк-востоковед, дипломат

Аделунг Фёдор Павлович (1768-1843) – историк, археолог, лингвист, директор Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (1824-1843)

Акимушкин Олег Фёдорович (1929-2010) – историк и филолог-иранист

Александр I Павлович (1777-1825) – император Всероссийский (1801-1825)

Александр II Николаевич (1818-1881) – император Всероссийский (1855-1881)

Александра Фёдоровна (1798-1860) – императрица, супруга российского императора Николая I

Александра Фёдоровна (1872-1918) – императрица, супруга российского императора Николая II

Алексеев Василий Михайлович (1881-1951) – филолог-китаевед, переводчик, нумизмат

Алексей Николаевич (1904-1918) – наследник-цесаревич, великий князь, сын императора Николая II и Александры Фёдоровны

Андреев Михаил Степанович (1873–1948) – востоковед-иранист, специалист по культуре народов Средней Азии, этнограф, лингвист, археолог

Адрианов Алексей Васильевич (1854-1920) – археолог, этнограф, общественный деятель, публицист

Аничков Николай Адрианович (1809-1892) – дипломат

Анохин Андрей Викторович (1869-1931) – этнограф, композитор, просветитель

Продолжение прил. Г.

Анучин Василий Иванович (1975-1945) – этнограф, публицист, политический деятель

Б

Базилевский Александр Петрович **(**1829-1899) – коллекционер, меценат, дипломат

Бакулин Фёдор Абрамович (1846-1879) – дипломат, востоковед-иранист, тюрколог

Барадийн (Барадин) Базар (Бадзар) Барадиевич (1878-1937) – монголовед, тибетолог, буддолог, писатель, общественный и государственный деятель

Бартольд Василий (Вильгельм) Владимирович (1869-1930) – историк-тюрколог, арабист, исламовед, архивист, один из основателей российской школы востоковедения

Батюшков Георгий Дмитриевич (1866-1923) – дипломат, востоковед

Безобразов Валериан Владимирович (1834-?) – дипломат

Бельченко Андрей Терентьевич (1873–1958) – дипломат

Беляев Дмитрий Дмитриевич (1882-1960) – дипломат

Березовский Михаил Михайлович (1848-1912) – путешественник-исследователь Центральной Азии

Березовский Николай Матвеевич (1879-1941) – художник, архитектор

Бичурин Никита Яковлевич (о. Иакинф) (1777-1853) – востоковед-китаевед, монголовед, путешественник, один из основоположников российской синологии

Богданов Леонид Фёдорович (1881-1945) – востоковед-иранист, индолог

Богораз Владимир Германович (Богораз Натан Менделеевич; псевдонимы – Н. А. Тан, В. Г. Тан) (1865-1936) – этнограф, фольклорист, лингвист, общественный деятель

Продолжение прил. Г.

Боде Клементий Карлович, барон (1777-1846) – дипломат

Бонгард-Левин Григорий Максимович (1933-2008) – востоковед-индолог

Боуэр (Бауэр) Гамильтон (1858-1940) – офицер британской индийской армии

Бурдуков Алексей Васильевич (1883-1943) – востоковед-монголовед, общественный деятель

Бурнашев Владимир Петрович (1810-1888) – писатель, журналист

Бутенев Аполлинарий Петрович (1787-1866) – дипломат

Бюцов Евгений Карлович (1837-1904) – дипломат

В

Валиханов Чингиз (Чингис, Шынгыс) Уалиевич (1811-1895) – старший султан Кокчетаевского округа, общественный деятель

Валиханов Чокан Чингисович (1835-1865) – историк, этнограф, фольклорист, путешественник

Васильев Василий Павлович (1818-1900) – востоковед-китаевед

Вебер Карл Иванович (Карл Фридрих Теодор фон Вебер) (1841–1910) – дипломат, кореевед

Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович (1830-1904) – историк-востоковед, нумизмат

Веселовский Николай Иванович (1848-1918) – историк-востоковед, археолог

Владимирцов Борис Яковлевич (1884-1931) – востоковед-монголовед, историк, лингвист, этнограф

Влангали Александр Георгиевич (1823-1908) – дипломат, геолог, путешественник

Влангали Георгий (Егор) Михайлович (1781-1834) – дипломат, востоковед

Продолжение прил. Г.

Вознесенский Николай Иванович (1801-?) – причетник, студент 10-й Русской духовной миссии в Пекине

Волкова Майя Петровна (1927-2008) – востоковед-китаевед, маньчжуровед

Воробьев Николай Иванович (1861-1950) – этнограф, географ, археолог, путешественник, коллекционер

Воробьев-Десятовский Владимир Святославович (1927-1956) – востоковед-специалист в области палеографии и письменного наследия Южной и Центральной Азии

Воробьева-Десятовская Маргарита Иосифовна (1933-2021) – востоковед-специалист по центральноазиатской текстологии и палеографии, индолог, тибетолог

Воронцов Семён Романович, граф (1744-1832) – дипломат

Вронченко Фёдор Павлович, граф (1780-1852) – министр финансов Российской империи (1844-1852)

Вяткин Василий Лаврентьевич (1869-1932) – археолог, историк-востоковед

Г

Гамазов Матвей Авелевич (1812-1893) – востоковед, директор Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (1872-1893)

Гедин Свен Андерс (1865-1952) – шведский путешественник, географ, журналист, писатель

Гейтман Егор Иванович (Георг Иоанн) (1798-1862) – гравёр, литограф

Гирс Николай Карлович (1820-1895) – дипломат, министр иностранных дел Российской империи (1882-1895)

Голицын Дмитрий Михайлович, князь (1721-1793) – дипломат, коллекционер, дипломат

Продолжение прил. Г.

Горчаков Александр Михайлович, князь (1798-1883) – дипломат, министр иностранных дел Российской империи (1856-1882), канцлер Российской империи

Готьо Робер (1876-1916) – французский востоковед

Грибоедов Александр Сергеевич (1795(1790?)-1829) – дипломат, писатель, композитор

Григорович Дмитрий Васильевич (1822-1900) – писатель, искусствовед

Григорович Иван Григорьевич (1868-1871) – переводчик

Григорьев Василий Васильевич (1816-1881) – историк-востоковед

Грум-Гржимайло (Грумм-Гржимайло) Григорий Ефимович (1860-1936) – путешественник, географ, зоолог

Грюнведель Альберт (1856-1935) – немецкий тибетолог, индолог, археолог, исследователь Центральной Азии

Гуансюй (Цзай Тянь) (1871-1908) – китайский император (1875-1908)

Гумбольдт Александр фон (1769-1859) – немецкий естествоиспытатель, географ, путешественник

Гумбольдт Вильгельм фон (1767-1835) – немецкий языковед, философ, государственный деятель

Гуревич Изабелла Самойловна (1932-2016) – китаевед, филолог

Гусев В. В. (?-1869) – дипломат

Д

Дарсель Альфред (1818-1893) – французский историк искусства, коллекционер, музейный хранитель

Демезон Пётр Иванович, барон (1807-1873) – востоковед-филолог, исследователь Средней Азии, директор Учебного отделения восточных

Продолжение прил. Г.

языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (1843-1872)

Дмитриевский Павел Андреевич (1851-1899) – дипломат

Доржиев Агван (Агван-Лобсан) (1853(1854?)-1938) – буддийский религиозный деятель, общественный деятель, дипломат, учёный

Дорн Борис Андреевич (Иоганн Альбрехт Бернгард) (1805-1881) – историк-востоковед, иранист, семитолог

Дудин (Дудин-Марцинкевич) Самуил Мартынович (1863-1929) – художник, фотограф, этнограф, путешественник

Дьяков Алексей Алексеевич (1876-?) – дипломат

Дьяконова Наталья (Наталия) Васильевна (1907-1996) – филолог-востоковед, музейный сотрудник

Е

Екатерина II Алексеевна (Екатерина Великая) (1729-1796) – императрица Всероссийская (1762-1796)

Ермолов Алексей Петрович (1777-1861) – военачальник, дипломат, государственный деятель

Ж

Жаба Август Дементьевич (1801-1894) – дипломат, востоковед

Жамцарано Цыбен Жамцаранович (1880-1942) – востоковед-монголовед

Жуковский Валентин Алексеевич (1858-1918) – востоковед-иранист

З

Залеман Карл Германович (1850-1916) – филолог-иранист

Продолжение прил. Г.

Зарубин Иван Иванович (1887-1964) – востоковед

Заходер Борис Николаевич (1898-1960) – историк-востоковед, иранист

Зимин Лев Александрович (1886-1920) – востоковед-тюрколог, иранист, арабист, историк Средней Азии

Зиновьев Иван Алексеевич (1835-1917) – дипломат, востоковед

И

Иванов Федор Архипович – дипломат

Игнатьев Владимир Иванович (1853-1902) – дипломат

Игнатьев Николай Павлович, граф (1832-1908) – государственный деятель, дипломат

Игумнов Александр Васильевич (1761-1834) – востоковед-монголовед

Извольский Александр Петрович (1856-1919) – министр иностранных дел Российской империи (1906-1910), дипломат

Иконому Константинос (1780-1857) – греческий священник, богослов

Италинский Андрей Яковлевич (1743-1827) – дипломат

Итигэлов Даши-Доржо (1852-1927) – бурятский религиозный деятель

К

Казем-Бек Александр Касимович (Мирза Мухаммед Али Казембек) (1802-1870) – востоковед

Калмыков Андрей Дмитриевич (1870-1941) – дипломат, востоковед

Каменский Павел Иванович (Архимандрит Пётр) (1765-1845) – православный миссионер, востоковед

Продолжение прил. Г.

Канкрин Егор Францевич (Георг Людвиг), граф (1774-1845) – министр финансов Российской империи (1823-1844)

Кастеллани Фортунато Пио (1794-1865) – итальянский коллекционер, основатель династии ювелиров и антикваров

Кауфман Константин Петрович фон (1818-1882) – военный и государственный деятель

Кафаров Пётр Иванович (Архимандрит Палладий) (1817-1878) – православный миссионер, востоковед

Кестнер Август Георг Кристиан (1777-1853) – немецкий дипломат, коллекционер

Кизерцкий Гангольф Егорович (Рейнгольд Густав Гангольф) (1847-1904) – археолог, музейный деятель

Клеменц Дмитрий Александрович (1848-1914) – этнограф, археолог, организатор музейного дела

Ковалевский Егор Петрович (1809-1868) – путешественник, дипломат, востоковед, писатель

Коджон (1852-1919) – король династии Чосон, император Корейской империи

Козлов Пётр Кузьмич (1863-1935) – военный географ, путешественник, этнограф, исследователь Центральной Азии

Колоколов Сергей Александрович (1868-1921) – дипломат

Костров Павел Иванович (1905-1983) – реставратор

Котохито (Кан-Ин, Канъин), принц (1865-1945) – японский военный деятель

Кохановский Александр Иванович – военный врач, дипломат, востоковед

Кречетова Марианна Николаевна (1903-1965) – историк искусства, музейный сотрудник

Продолжение прил. Г.

Кротков Николай Николаевич (1869-1919) – востоковед-китаевед, маньчжурист, дипломат, коллекционер

Л

Лавров Михаил Иванович (1877-после 1952) – дипломат

Ладыженский Михаил Васильевич (1802-1875) – военный деятель, востоковед

Левицкий А. Д. – дипломат

Лекок Альберт фон (1860-1930) – немецкий археолог, исследователь Центральной Азии

Леонтьевский Захар Федорович (1799-1874) – востоковед-китаевед, переводчик

Ли Хунчжан (Хун-чжан) (1823-1901) – китайский государственный деятель, дипломат

Любимов Николай Иванович (1811-1875) – дипломат

Лютш Яков Яковлевич (Александр Рудольф) (1854 -?) – дипломат, востоковед

М

Майнагашев Степан Дмитриевич (1886-1920) – этнограф, общественно-политический деятель

Макарихина Галина Сергеевна (1924-?) – реставратор

Маккартни (Маккартней) Джордж (1867-1945) – британский дипломат

Малов Сергей Ефимович (1880-1957) – тюрколог, лингвист, фольклорист, этнограф

Марков Алексей Константинович (1858-1920) – археолог, нумизмат

Продолжение прил. Г.

Марр Николай Яковлевич (1865-1934) – востоковед-кавказовед, археолог

Матюнин Николай Гаврилович (1849–1907) – дипломат

Махмуд II (1785-1839) – султан Османской империи

Меньшиков Лев Николаевич (1926-2005) – востоковед-китаевед, дуньхуановед, буддолог, переводчик

Миллер Александр Александрович (1875-1935) – археолог, этнолог, музеевед

Мин (1851-1895) – королева, супруга короля Кореи Коджона

Минорский Владимир Фёдорович (1877-1966) – дипломат, востоковед

Монтиньи М. – французский дипломат

Муравьёв Андрей Николаевич (1806-1874) – писатель, историк церкви, путешественник

Мэйдзи (Муцухито) (1852-1912) – император Японии

Н

Некрасов Владимир Иванович (1873-1923) – дипломат

Немиров Иона Макарович (о. Иннокентий) (1810-1897) – православный миссионер

Нессельроде Карл Васильевич (Карл Роберт фон Нессельроде-Эресховен) (1780-1862), граф – управляющий Министерством иностранных дел Российской империи (1816-1856), канцлер Российской империи

Нечаев Николай Иванович (1824-1854) – студент 13-й Русской духовной миссии в Пекине

Николай I Павлович (1796-1855) – император Всероссийский (1825-1855)

Николай II Александрович (1868-1918) император Всероссийский (1894-1917)

Продолжение прил. Г.

Норов Авраам Сергеевич (1795-1869) – государственный деятель, ученый, путешественник

Нофаль Ириней Георгиевич (1835-1902) – востоковед

О

Оводов Михаил Григорьевич (о. Иларион) (1827—1857) – миссионер, востоковед-китаевед

Оленин Алексей Николаевич (1763-1843) – государственный деятель, историк, археолог

Ольденбург Сергей Фёдорович (1863-1934) – востоковед-индолог, иранист, исследователь Центральной Азии, организатор науки

Орбели Иосиф Абгарович (1887-1961) – востоковед-кавказовед, организатор науки и музейного дела

Орлов А. П. – переводчик, дипломат

Остен-Сакен Фёдор Романович, барон (1832-1916) – этнограф, путешественник, государственный деятель

Отани Кодзуй (1876-1948) – японский путешественник, исследователь Центральной Азии

Очиров Номто (Ноха) Очирович (1886-1960) – филолог, фольклорист, этнограф

П

Павлов Александр Иванович (1860–1923) – дипломат

Панкратов Борис Иванович (1892–1979) – востоковед-китаевед, монголовед, тибетолог, маньчжуровед

Певцов Михаил Васильевич (1843-1902) – путешественник, исследователь Центральной Азии

Продолжение прил. Г.

Пеллио Поль (1878-1945) – французский востоковед-китаевед

Петрашевский Игнатий Балтазарович (1797-1869) – польский востоковед

Петри Бернгард Эдуардович (1884-1937) – этнограф, антрополог

Петри (Питри) Уильям Мэттью Флиндерс (1853-1942) – британский археолог, египтолог

Петри (Питри) Хильда Мэри Изабель (1871-1956) – британский археолог, египтолог

Петровский Николай Федорович (1837-1908) – дипломат, археолог, востоковед, исследователь Центральной и Средней Азии

Пётр I Алексеевич (Петр Великий) (1672-1725) – царь всея Руси (1682-1721), император Всероссийский (1721-1825)

Пилсудский Бронислав Осипович (1866-1918) – польский этнограф

Питт-Риверс (Лейн-Фокс) Генри Огастес (1827-1900) – британский этнограф, археолог, коллекционер, военный деятель

Плансон Георгий Антонович (1859-1937) – дипломат

Половцов Александр Александрович (1832-1909) – государственный деятель, промышленник, меценат

Половцов Александр Александрович (младший) (1867-1944) – дипломат, востоковед, этнограф

Потанин Григорий Николаевич (1835-1920) – географ, этнограф, путешественник, исследователь Центральной Азии и Сибири

Пржевальский Николай Михайлович (1839-1888) – географ, путешественник, исследователь Центральной Азии

Де Пурталес Джеймс-Александр (1776-1855) – швейцарский банкир, дипломат, коллекционер

Путятин Евфимий Васильевич, граф (1803-1883) – военный и государственный деятель, дипломат

Продолжение прил. Г.

Пчелина (Рудова) Мария Леонидовна (1927-2013) – востоковед-китаевед, дуньхуановед, музейный деятель

Р

Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) (1837-1918) – востоковед-тюрколог, этнограф, археолог

Рама V (Чулалонгкорн) (1853-1910) – король Королевства Сиам

Рама VI (Вачиравуд) (1881-1925) – король Королевства Сиам

Рич Клавдий Джулиус (1787-1821) – британский путешественник, дипломат, коллекционер

Роборовский Всеволод Иванович (1856-1910) – путешественник, военный исследователь Центральной Азии

Родофиникин Константин Константинович (1760-1838) – дипломат, государственный деятель

Розен Виктор Романович (1849-1908) – востоковед-арабист

Романов Константин Константинович (1882-1942) – архитектор, реставратор, археолог, этнограф

Румянцев Николай Петрович, граф (1754-1826) – министр иностранных дел Российской империи (1808-1814), канцлер Российской империи

Румянцев Сергей Петрович, граф (1755-1838) – государственный деятель, дипломат, меценат

С

Самойлович Александр Николаевич (1880-1938) – востоковед-тюрколог

Сенковский Осип Иванович (1800-1858) – востоковед, писатель, журналист

Сенявин Лев Григорьевич (1805-1862) – государственный деятель

Продолжение прил. Г.

Скачков Константин Адрианович (1821-1883) – востоковед-китаевед, дипломат

Соун Джон (1753-1837) – английский архитектор, коллекционер

Смирнов Василий Дмитриевич (1846-1922) – востоковед-тюрколог

Соков Сергей Васильевич – дипломат

Спирин Владимир Семёнович (1929-2002) – китаевед-философ

Стейн Марк Аурель (1862-1943) – венгерский путешественник, этнограф

Стрелков Александр Семёнович (1896-1938) – искусствовед, музейный сотрудник

Строганов Павел Сергеевич, граф (1823-1911) – коллекционер, меценат, дипломат

Т

Татищев Дмитрий Павлович (1767-1845) – коллекционер, дипломат

Темкин Эдуард Наумович (1928-2019) – востоковед-индолог, санскритолог

Тимковский Егор (Юрий) Фёдорович (1790-1875) – чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел, историк

Топчибашев Мирза Джафар (1790-1869) – востоковед

Тосиакира Кавадзи (1801-1868) – японский дипломат

Туманский Александр Григорьевич (1861-1920) – военный переводчик, востоковед

Тхуптэн Гьяцо (Далай-Лама XIII) (1876-1933) – духовный и светский глава Тибета

Тынянов Юрий Николаевич (1894-1943) – писатель

Продолжение прил. Г.

У

Уваров Сергей Семёнович (1786-1855) – государственный деятель

Ухтомский Эспер Эсперович, князь (1861-1921) – востоковед, дипломат, путешественник

Ф

Фетх (Фатх)-Али-шах Каджар (1772-1834) – персидский шах

Флуг Констунтин Константинович (1893-1942) – востоковед-китаевед, библиограф

Френ Христиан Данилович (1782-1851) – востоковед-арабист, нумизмат

Х

Ханыков Николай Владимирович (1822-1878) – востоковед, дипломат

Хитрово Николай Фёдорович (1771-1819) – дипломат, коллекционер

Хосров-Мирза (Хозрев-Мирза, Хосрев-Мирза) (1813-1875) – персидский принц династии Каджаров

Ч

Чайкин Константин Иванович (1889-1938) – востоковед-иранист, литературовед, переводчик

Честной Дмитрий Семёнович (о. Аввакум) (1801 (1804?) -1866) – миссионер, востоковед-китаевед, дипломат

Чиркин Сергей Виссарионович (1879-1943) – дипломат

Чугуевский Леонид Иоакимович (1926-2000) – востоковед-китаевед, дуньхуановед

Продолжение прил. Г.

Ш

Шиллинг фон Канштадт Павел Львович (Пауль Людвиг), барон (1786-1837) – дипломат, востоковед, физик

Школяр Сергей Александрович (1931-2007) – востоковед-китаевед

Шмидт Петр Юльевич (1872–1949) – зоолог, ихтиолог

Штернберг Лев Яковлевич (1861-1927) – этнограф

Щ

Щербатской Фёдор Ипполитович (1866-1942) – востоковед-санскритолог, буддолог, тибетолог

Приложение Д.

Иллюстративные материалы

Восточное крыло здания Главного штаба на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге – Министерство иностранных дел Российской империи. Вид с Певческого моста. Фото автора, 2014 год.

Продолжение прил. Д.

Дом Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Российской империи. Санкт-Петербург, Большая Морская ул., д. 20. Фото автора, 2019 г.

Продолжение прил. Д.

«Азиатский департамент Министерства иностранных дел под управлением К. К. Родофиникина». Литография из кн. “Portraits et tableaux appartenant aux Archives: Ouvrage édité par les soins de la Commission institutée pour la publication de chartes et traités près les Archives principales du Ministère des Affaires étrangères à Moscou”. Москва, 1898.

Продолжение прил. Д.

Музей российской гвардии. Постоянная экспозиция в Главном Штабе Государственного Эрмитажа на территории Азиатского департамента. Фото автора, 2024 г.

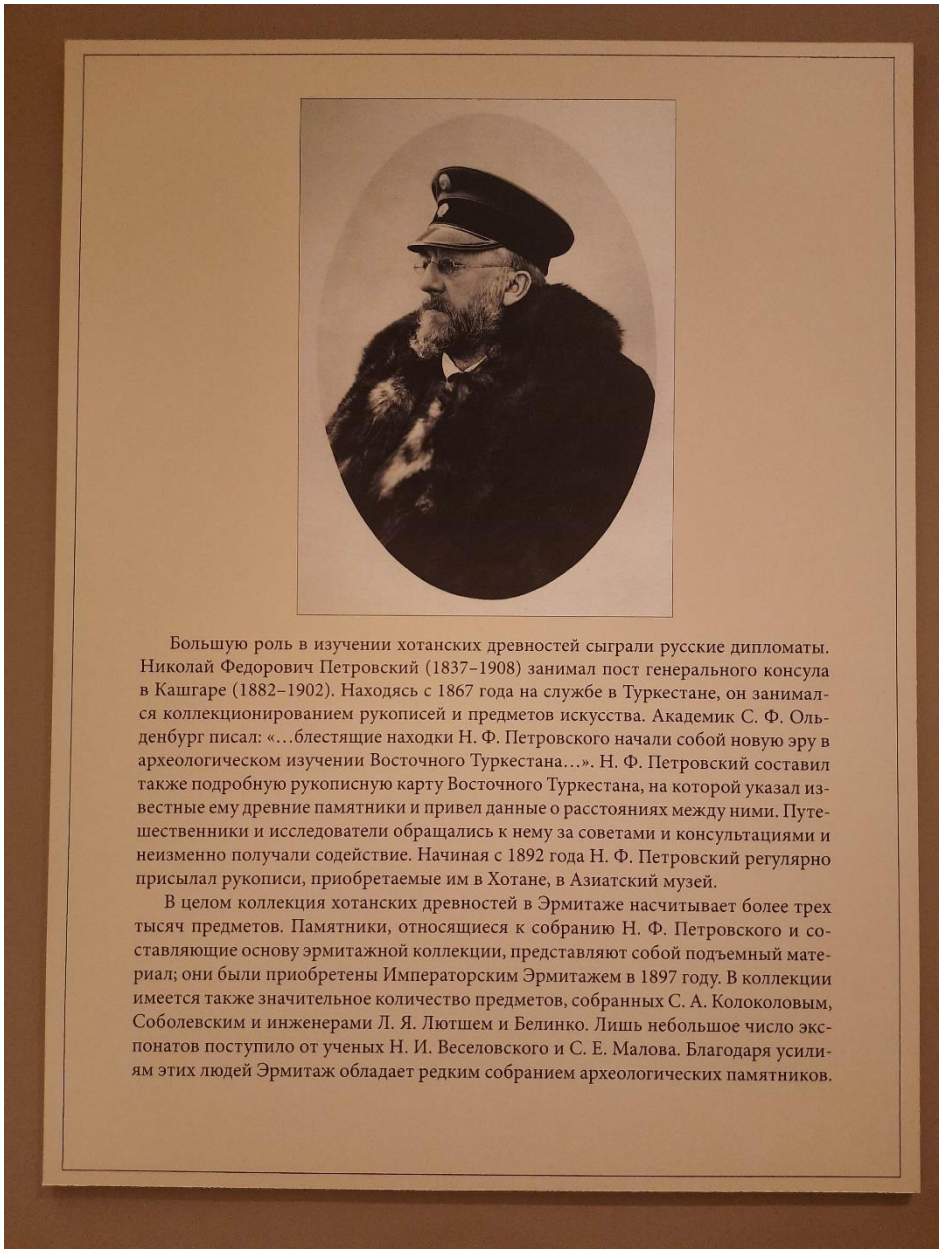
Продолжение прил. Д.

Витрина постоянной экспозиции «Министерство иностранных дел Российской империи» в Главном штабе Государственного Эрмитажа с дипломатическими дарами российским императорам. Фото автора, 2024 г.

Продолжение прил. Д.

Витрины постоянной экспозиции «Министерство иностранных дел Российской империи» в Главном штабе Государственного Эрмитажа с дипломатическими дарами российским императорам. Фото автора, 2024 г.

Продолжение прил. Д.



Большую роль в изучении хотанских древностей сыграли русские дипломаты. Николай Федорович Петровский (1837–1908) занимал пост генерального консула в Кашгаре (1882–1902). Находясь с 1867 года на службе в Туркестане, он занимался коллекционированием рукописей и предметов искусства. Академик С. Ф. Ольденбург писал: «…блестящие находки Н. Ф. Петровского начали собой новую эру в археологическом изучении Восточного Туркестана…». Н. Ф. Петровский составил также подробную рукописную карту Восточного Туркестана, на которой указал известные ему древние памятники и привел данные о расстояниях между ними. Путешественники и исследователи обращались к нему за советами и консультациями и неизменно получали содействие. Начиная с 1892 года Н. Ф. Петровский регулярно присылал рукописи, приобретаемые им в Хотане, в Азиатский музей.

В целом коллекция хотанских древностей в Эрмитаже насчитывает более трех тысяч предметов. Памятники, относящиеся к собранию Н. Ф. Петровского и составляющие основу эрмитажной коллекции, представляют собой подъемный материал; они были приобретены Императорским Эрмитажем в 1897 году. В коллекции имеется также значительное количество предметов, собранных С. А. Колоколовым, Соболевским и инженерами Л. Я. Лютшем и Белинко. Лишь небольшое число экспонатов поступило от ученых Н. И. Веселовского и С. Е. Малова. Благодаря усилиям этих людей Эрмитаж обладает редким собранием археологических памятников.

Баннер с информацией о Н. Ф. Петровском на постоянной экспозиции культуры и искусства Центральной Азии в Государственном Эрмитаже. Фото автора, 2024 г.

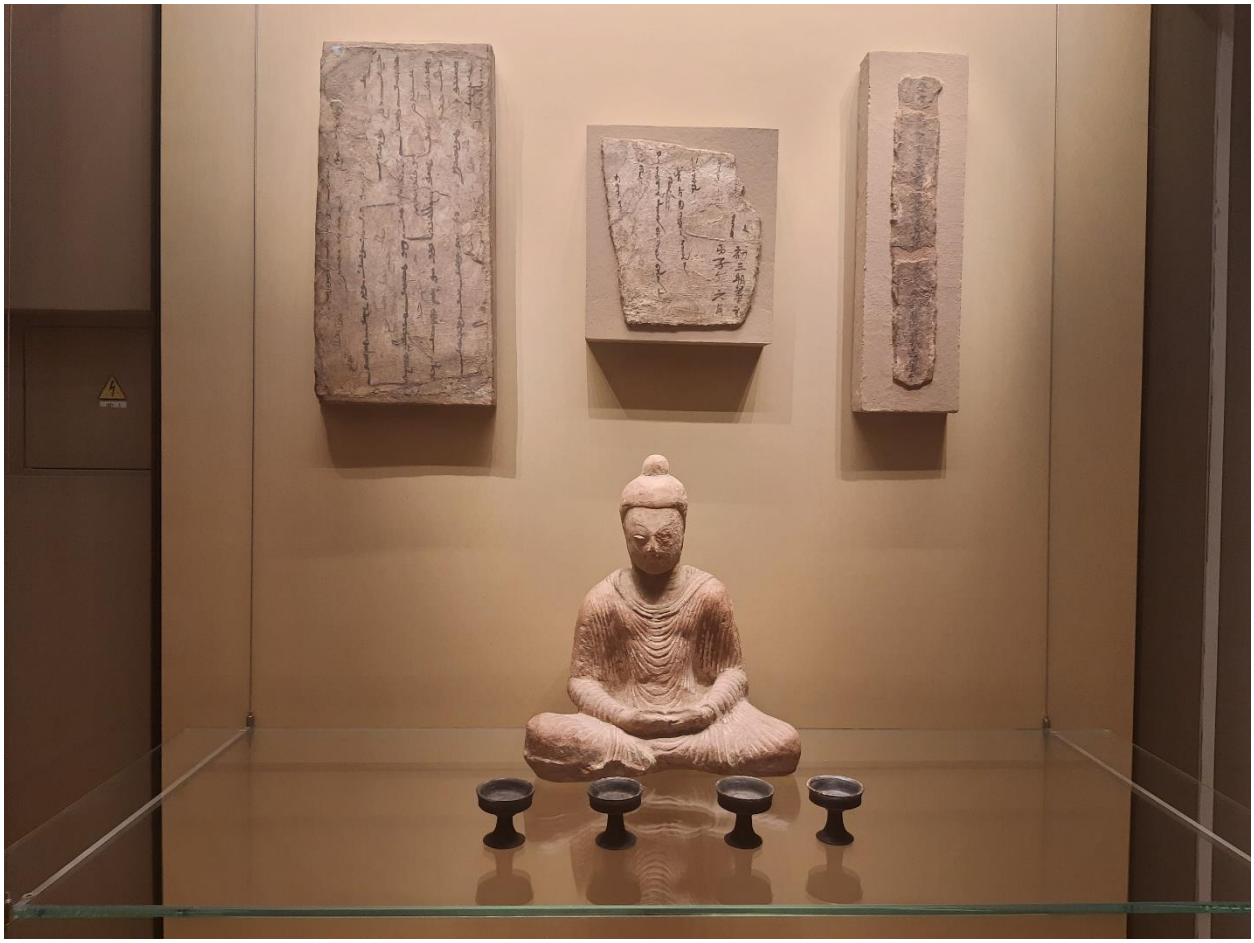
Продолжение прил. Д.

Зал с предметами коллекции Н. Ф. Петровского на постоянной экспозиции культуры и искусства Центральной Азии в Государственном Эрмитаже. Фото автора, 2024 г.

Продолжение прил. Д.

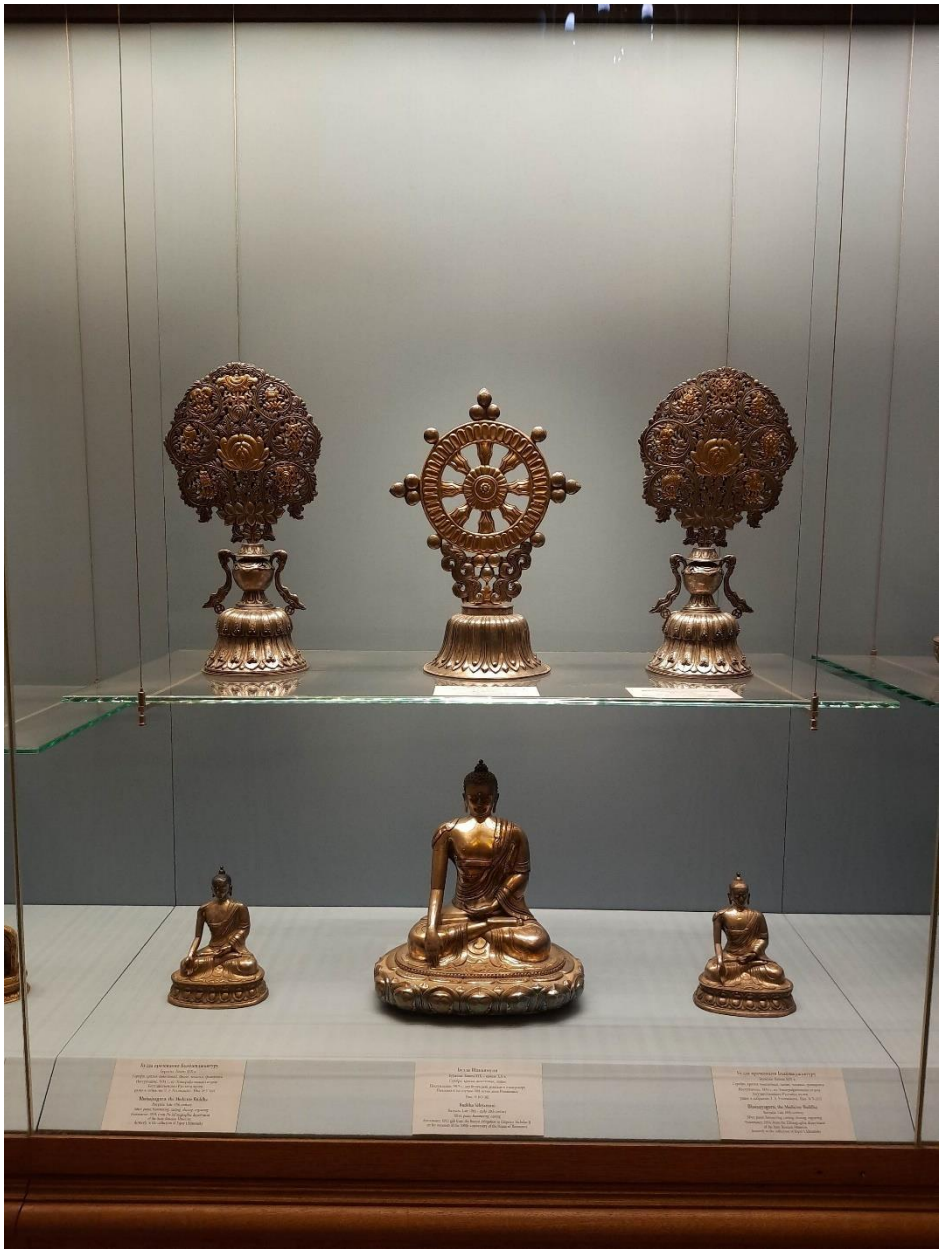
Находки экспедиций «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении» на постоянной экспозиции культуры и искусства Центральной Азии в Государственном Эрмитаже. Фото автора, 2024 г.

Продолжение прил. Д.



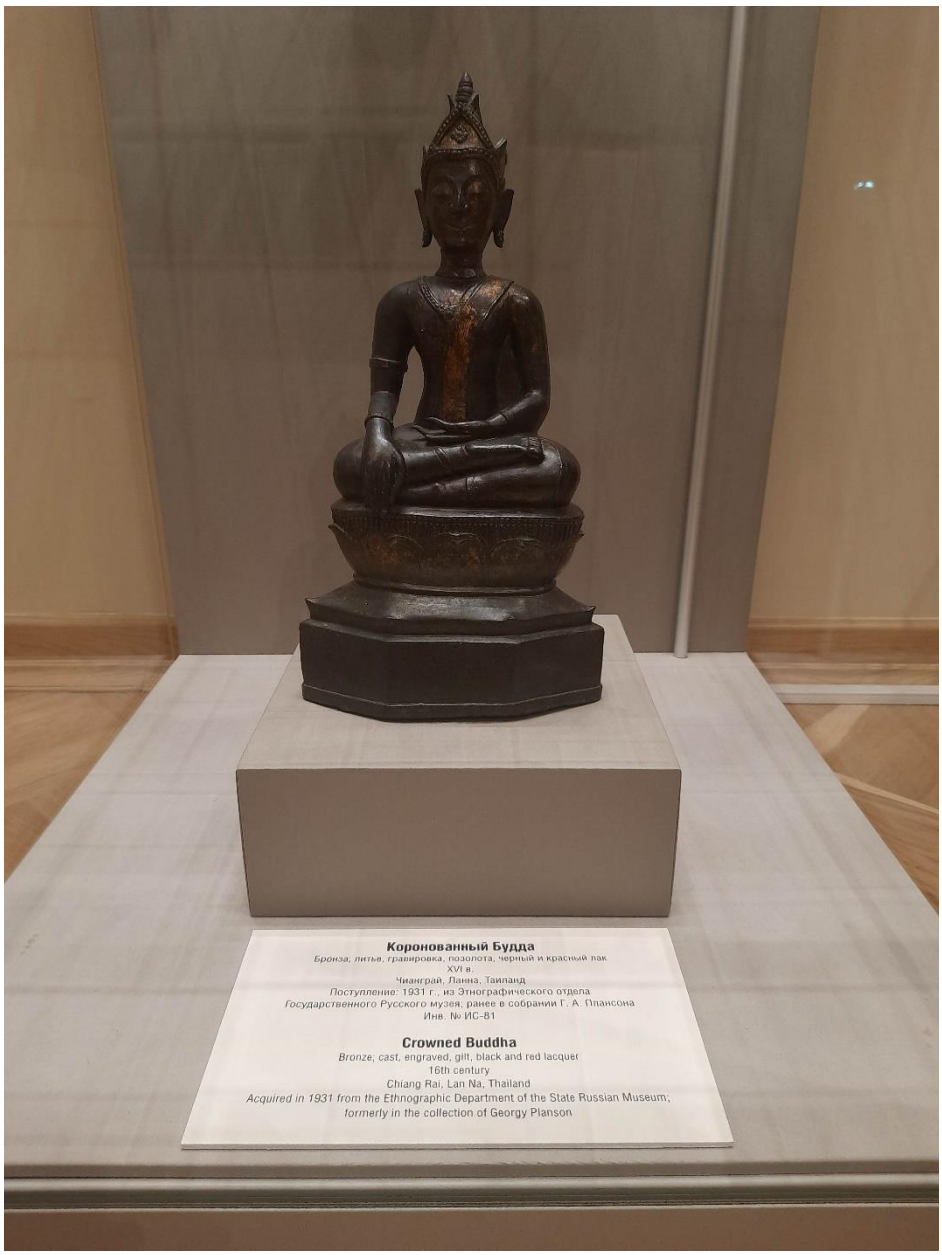
Предметы коллекции Н. Н. Кроткова (фигура Будды и алтарные чаши для подношений) на постоянной экспозиции культуры и искусства Центральной Азии в Государственном Эрмитаже. Фото автора, 2024 г.

Продолжение прил. Д.



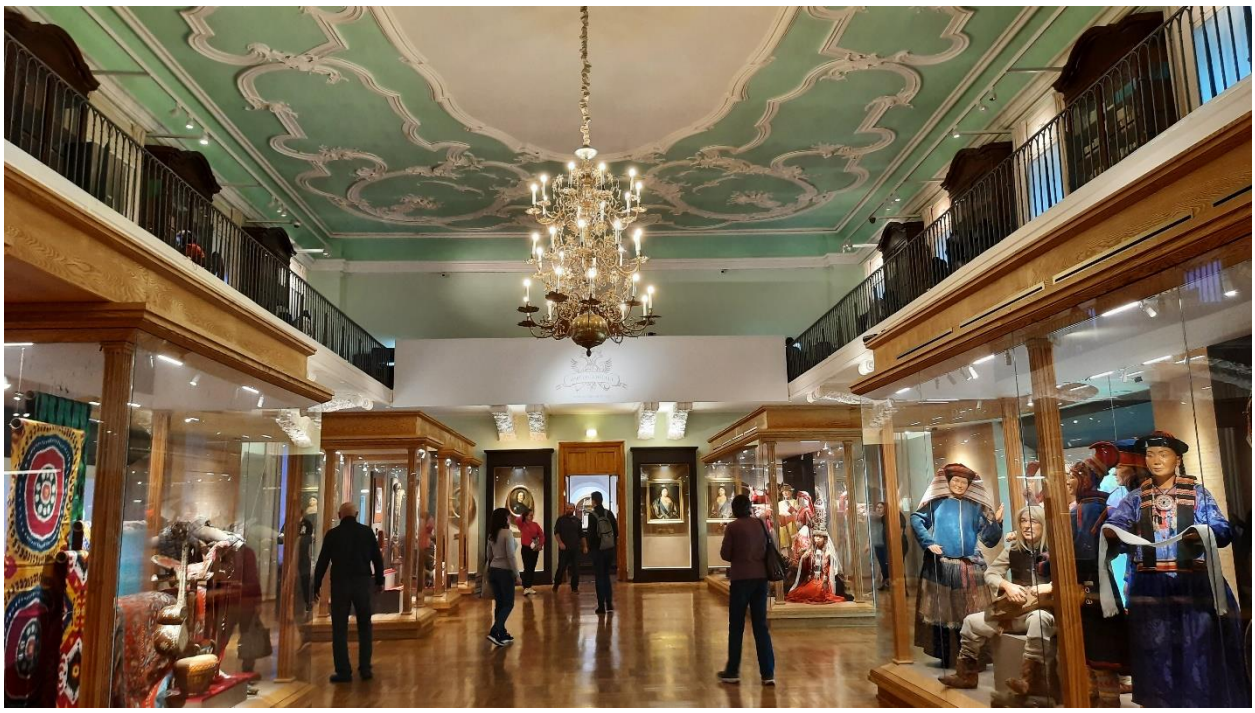
Дипломатические дары семье императора Николая II (фигура Будды Шакьямуни, чакра, алтарные украшения) на постоянной экспозиции культуры и искусства Центральной Азии в Государственном Эрмитаже. Фото автора, 2024 г.

Продолжение прил. Д.



Скульптура из коллекции Г. А. Плансона на постоянной экспозиции «Запасная галерея памятников искусства Центральной Азии II-XIX веков из фондов Государственного Эрмитажа. От Индии до Китая» в Государственном Эрмитаже. Фото автора, 2024 г.

Продолжение прил. Д.



Общий вид постоянной экспозиции в Музее антропологии и этнографии «Имперский зал: Многонародная Россия». Фото автора, 2023 г.

Продолжение прил. Д.

Витрина постоянной экспозиции в Музее антропологии и этнографии «Имперский зал: Многонародная Россия», содержащая дары эмиров бухарских российским императорам. Фото автора, 2023 г.

Продолжение прил. Д.

Витрина постоянной экспозиции в Музее антропологии и этнографии «Имперский зал: Многонародная Россия» с дипломатическими дарами из Японии цесаревичу Николаю Александровичу (будущему императору Николаю II). Фото автора, 2023 г.